

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»

На правах рукописи

Барышников Антон Владимирович

**РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Лигенко Нэлли Павловна

Ижевск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ.....	38
§ 1.1. Основные теоретические подходы к исследованию модернизационных процессов пореформенного периода.....	40
§ 1.2. Социально-экономическое развитие региона: общая характеристика..	49
§ 1.3. Параметры демографического развития крестьянского сословия.....	62
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА.....	81
§ 2.1. Эволюция крестьянского хозяйства Глазовского уезда.....	83
§ 2.2. Эволюция крестьянского хозяйства Сарапульского уезда	98
§ 2.3. Эволюция крестьянского хозяйства Малмыжского уезда	118
§ 2.4. Эволюция крестьянского хозяйства Елабужского уезда	133
ГЛАВА 3. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА.....	154
§ 3.1. Распределение гендерных ролей в организации традиционного крестьянского хозяйства.....	154
§ 3.2. Взаимодействие отдельных норм законодательного и обычного права в русской деревне	166
§ 3.3. Развитие народного образования в крестьянской среде в пореформенный период.....	182
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	203
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	211

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. История крестьянства является одной из основополагающих тем отечественной историографии, без исследования которой не может быть полно представлена картина жизни российского общества и пути дальнейшей эволюции аграрного сектора страны. Аграрные реформы и судьбы российского крестьянства привлекали и привлекают к себе внимание исследователей различных уровней: мирового, российского и регионального. Крестьянство представляло собой уникальную историческую основу российского общества, являлось прочной экономической базой для развития государства и нации и стало её культурными и духовными корнями. Во второй половине XIX в. весь огромный социокультурный слой крестьянства подвергся мощной трансформации на всех уровнях. Либеральные реформы и начавшаяся модернизация запустили процессы, изменившие политический, экономический, социальный строй Российской империи.

Исследование истории развития русских крестьян сквозь призму модернизации получает не только научное звучание, но и большую общественную значимость. Споры об историческом пути России, о месте русского народа в мире не утихают на протяжении многих веков. В острых дебатах сложились две противоположные концепции, которые наиболее четко сформулированы в работах А. С. Ахиезера и В. Б. Безгина. Сторонники первого подхода считают, что основой реформаторского процесса правительства дореволюционной России являлись западные образцы модернизации и причины краха преобразовательной деятельности заключались в особенности менталитета русского народа, основанного на уравнилельных, общинных ценностях¹. Приверженцы второго подхода, постулируя те же ценности, как основу ментальности русского народа,

---

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998. С. 687.

рассматривают их не как препятствие на пути преобразовательных практик, а напротив, как прочный фундамент для реформаторской деятельности властных элит, отстаивая, таким образом, тезис об особом пути России, с ориентацией на соборность и традиционализм². Вопрос о выборе пути дальнейшего развития нашего общества и государства актуален и для современности.

Исследование истории развития многонационального крестьянства в условиях определенного района страны позволяет вскрыть как общие закономерности, так и конкретно-исторические особенности развития модернизационных процессов вширь и вглубь, дать объективную картину жизнедеятельности деревни. Следует заметить, что неоднородность природно-географических условий, наличие различных социальных категорий крестьян, чересполосное размещение этнических групп крестьянства, взаимодействие и взаимовлияние их традиционных культур, вносят серьезные нюансы в общую картину развития крестьянского хозяйства даже на такой сравнительно небольшой территории государства, как Камско-Вятский регион.

Проблема крестьянства особенно актуальна для таких регионов как Камско-Вятский, где многонациональное крестьянство составляло абсолютное большинство населения, где хозяйственные и этнокультурные традиции были результатом взаимодействия и взаимовлияния языческого финно-угорского, христианского и мусульманского миров. Актуальность избранной проблемы возрастает в связи с слабой изученностью истории русского крестьянства «удмуртских уездов» Камско-Вятского региона, в то время как в полиэтническом составе оно являлось численно преобладающим населением.

Таким образом, вместе взятые характеристики позволяют ставить вопрос в качестве самостоятельного предмета исследования о месте и роли

---

² *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. – Тамбов, 2004. С. 185.

русского крестьянства в социально-экономическом и культурном развитии многонационального провинциального региона страны.

Объектом исследования является русское крестьянство Камско-Вятского региона в пореформенный период.

Предметом исследования выступают процессы демографического развития, эволюция социально-экономической жизни, межэтнические связи, особенности гендерных проявлений повседневной жизни русского крестьянства Камско-Вятского региона в условиях активизации модернизационных процессов пореформенного периода.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1861 г. до конца 1890-х гг. Нижняя граница обусловлена началом проведения реформ Александра II, в частности, центральной для нашего исследования – крестьянской. Стоит отметить, что нижняя граница несколько условна и лишь обозначает начало крупного этапа в истории страны, характеризующегося кардинальными изменениями во всех сферах жизни российского общества. Верхняя граница также является в определённой степени условной. Рубеж веков обозначил изменения в государственной политике – если в 1860–1890-е гг. шло планомерное укрепление общины и консервация патриархального уклада деревни, то уже в начале XX в. отчётливо проявляется тенденция на разрушение общины, что оказало существенное влияние на деревенскую среду, трансформацию её облика.

Территориальные рамки исследования находятся в границах Камско-Вятского региона, с выделением четырёх уездов Вятской губернии – Глазовского, Сарапульского, Малмыжского и Елабужского, за которыми в научной литературе закрепилось название «удмуртских», как **основной территории расселения удмуртского этноса**. В границы Удмуртской Республики, как самостоятельного административно-территориального образования, вошло 2/3 четырёх названных уездов дореволюционного периода. Для составления объективной картины развития крестьянства второй половины XIX в., как принято в региональной историографии,

необходимо охватить исследованием полностью все четыре «удмуртских уезда» Вятской губернии, расположенных в Камско-Вятском междуречье. Историческая и территориальная особенность, полиэтнический состав населения с **численным преобладанием русского этноса**, определяет правомерность выбора проблемы на избранной территории в качестве самостоятельного предмета исследования.

Степень разработанности темы. В историографии истории российского крестьянства выделяются три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

Первые научные работы, посвященные крестьянству пореформенного периода появились ещё **в дореволюционный период**. На общероссийском уровне исследователями аграрного сектора ставились вопросы о кризисных явлениях в сельском хозяйстве и путях их преодоления, выяснялась роль общины, изучались проблемы крестьянского быта. К. Д. Кавелин, рассматривал устройство и положение общины, уделял внимание технической стороне экономической жизни в деревне, указывал на необходимость совершенствования технологий ведения хозяйства³. А. И. Васильчиков глубоко проанализировал экстенсивный метод ведения хозяйства, выделяя его, как одну из основных причин кризиса в аграрном секторе⁴. С элементами негативной оценки в жизни деревни традиционного хозяйствования подходили также ученые П. П. Вениаминов, А. С. Ермолов, К. Ф. Головин, А. А. Риттих⁵.

В работах ряда исследователей делался акцент на выяснение степени проникновения капиталистических отношений в деревню. В границах данной проблематики особое место занимали работы народников, придерживавшихся либерального направления. В трудах Н. Ф. Даниэльсона,

---

³ Кавелин К. Д. О русском крестьянстве. М., 2018. 315 с.

⁴ Васильчиков А. И. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб, 1881. 161 с.

⁵ Вениаминов П. П. Крестьянская община. СПб, 1908. 278 с.; Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб, 1909. 599 с.; Головин К. Ф. Община в литературе и действительности. СПб, 1887. 259 с.; Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб, 1903. 235 с.

В. П. Воронцова, А. Н. Энгельгардта прослеживается неприятие в равной степени, как пережитков феодального уклада, так и негативных явлений в социально-экономической жизни страны, вызванных капиталистическим развитием⁶. Авторы делали ставку на крестьянскую общину, принципы её существования, считая, что именно общинный уклад способствует преодолению любых форм эксплуатации. Вместе с тем, во взглядах либерального народничества отсутствовала идеализация народных масс, оно опиралось в первую очередь на интеллигенцию, пытаясь применить достижения европейской мысли в социально-экономических условиях России⁷.

Н. Ф. Даниэльсон считал, что на трансформацию экономической системы деревенского хозяйства повлиял рост товарного производства, с преобладанием зерновой продукции. Развитие периодической сферы рынка способствовало накоплению капиталов. При традиционно низкой производительности земледельческого труда, капиталистическое накопление происходило за счёт сокращения народного потребления, из чего следовал вывод о застое народного хозяйства. Существующая система не устраивала Даниэльсона, в росте капитала за счёт лишения производителей продуктов их труда он видел насильственный переход от традиции, ломку укладов. По мнению ученого, «железные дороги дают сильный импульс развитию внешней торговли, но торговля стран, которые вывозят, главным образом, сырые продукты, увеличивает нищету масс <...>»⁸.

В. П. Воронцов указывал на неизбежность перехода от натурального хозяйства к капиталистическому, который произошёл по причине всеобщей выгоды, полученной в ходе специализации производства, и, как следствие,

---

⁶ Даниэльсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб, 1893. 418 с.; Воронцов В. П. Очерки экономического строя России. СПб, 1906. 116 с.; Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб, 1999. 714 с.

⁷ Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р. Социально-гуманистическая парадигма русского народничества // Русская реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М., 2008. С. 91.

⁸ Даниэльсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб, 1893. С. 70.

привел к улучшению качества конечного продукта⁹. Исследователь находил, что после освобождения, крестьяне (в большинстве своём) получили усадебную и пахотную земли в том же размере, что и при крепостном праве, равно как и площадь пастбищ и сенокосов была ограничена, вынуждая крестьян обращаться за помощью к владельцам земли. По мнению ученого подобная система была заложена в самом Манифесте об отмене крепостного права. Таким образом, юридически свободные крестьяне, оставались хозяйственно зависимы от прежних своих владельцев¹⁰. Воронцов показывал сложный процесс пореформенного развития, как на экономическом, так и законодательном уровне, обращая внимание на противоречивость процесса, когда происходило переплетение старого и нового экономических укладов.

В региональных дореволюционных исследованиях важное место занимают труды Н. Н. Романова. Будучи статистиком, он имел доступ к большому массиву информации, используя которую создал достоверную картину истории развития отдельных уездов Вятской губернии, рассмотрел крестьянские переселения, распределение земель в аграрном секторе¹¹. Наряду с Н. Н. Романовым, одним из первопроходцев в изучении крестьянства «удмуртских уездов» Вятской губернии пореформенного периода являлся В. Я. Заволжский. Он исследовал экономическое положение крестьянства северных уездов Вятской губернии¹².

Значительное место в изучении крестьянской жизни занимают в этот период труды этнографов и историков Н. П. Штейнфельда, И. М. Жирнова, П. М. Богаевского, В. Кошурникова, К. Ф. Жакова, которые рассмотрели

---

⁹ Воронцов В. П. Очерки экономического строя России. СПб, 1906. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 61.

¹¹ Романов Н. Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. 225 с.; Романов Н. Н. Переселения крестьян Вятской губернии / Исследование Вятского губернского статистика. Вятка, 1880. 336 с.

¹² Заволжский В. Я. Исследование экономического быта крестьянского населения северной части Вятской губернии. Вятка, 1871. 133 с.

бытовые стороны деревенской жизни, экономическое положение различных групп крестьянства¹³.

Большое внимание исследователи уделяли вопросам крестьянского землепользования и земельного устройства деревни в целом. Так, П. И. Стучка, анализируя различные виды землепользования, пришёл к выводу, что крестьянское земледельческое хозяйство в Вятской губернии было устойчивым и стабильным¹⁴. Особенности поземельной собственности и общинного землепользования различных народностей региона освещали Н. А. Спасский и Г. Е. Верещагин. В их исследованиях прослеживается разница в темпах развития русской и удмуртской общины, отмечается некоторая архаичность социальных и экономических отношений удмуртов¹⁵. Проблемы развития капиталистического уклада в деревне и влияния товаризации хозяйства на развитие общины разрабатывали земские деятели А. Н. Новиков и Ф. И. Берсенева, отмечавшие, что капитализм постепенно подтачивает общинные устои¹⁶.

Исследователи обращались также к углубленному изучению ряда аспектов развития крестьянского хозяйства отдельных этносов. Для сопоставительно-сравнительного анализа экономики и хозяйственной культуры народов нельзя обойти вниманием работу Д. Островского,

---

¹³ Штейнфельд Н. П. Зюздинский край: очерк // Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. С. 272–312; Журнов И. М. Очерк экономического положения татар Кошкинской волости Малмыжского уезда. Вятка, 1896; Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта населения России. М., 1889. Вып. 1, С. 33–59; Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда. Казань, 1880. 44 с.; Жаков К. Ф. Некоторые черты из истории и психологической жизни вотяков. – В сб.: Живая старина. Вып. 1 и 2. Пг, 1903.

¹⁴ Стучка П. И. Мобилизация земельной собственности Вятской губернии в 1874–1899 гг. // Статистический ежегодник Вятской губернии за 1900 г. Вятка, 1903. С. 67–109.

¹⁵ Спасский Н. А. Поземельная собственность в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1888 г. Вятка, 1887. С. 59–83; Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Собрание сочинений в шести томах. Т. 3, кн. 1. – Ижевск, 1998. С. 63–122.

¹⁶ Новиков А. Н. Экономические нужды Вятского края по данным земской статистики. Вятка, 1886; Берсенева Ф. И. Очерки крестьянского хозяйства Вятской губернии. Вятка, 1901. 529 с.

исследовавшего удмуртов середины XIX в¹⁷. Особое место в региональной историографии занимает работа Д. К. Зеленина «Русская соха, её история и виды». В ней автор помимо описания собственно русской сохи, даёт характеристику вотской и черемисской сохе, прослеживает историю возникновения и сравнивает их технологические особенности¹⁸. Важным для нашего исследования представляется труд К. В. Лаврентьева, посвященный географии Вятской губернии. В нём автор даёт не только географическое описание губернии и уездов, но и заостряет внимание на обычаях и особенностях быта, а также хозяйственных занятиях крестьян¹⁹. Вопросами влияния природно-географического фактора региона на хозяйственную жизнь крестьян различных этносов занимались В. М. Бехтерев и Н. Н. Блинов, выявлявшие прямую зависимость экономического развития от погодных условий и состояния почв²⁰.

С народнических позиций крестьянство пореформенного периода на региональном уровне было рассмотрено П. А. Голубевым, который через историю Вятского земства показал, что развитие капитализма фактически не коснулось Вятской губернии. Сравнивая развитие Вятской губернии с промышленно-фабричными губерниями, он отмечал, что в последних более быстрыми темпами сокращается скотоводство, растёт число безлошадных крестьян, увеличивается число безземельных крестьян, расширяется крупная торговля, тогда как мелкая сокращается. Эти факторы, по мнению П. А. Голубева, делали крестьянское хозяйство неустойчивым перед внешними невзгодами, и как следствие, оно становилось менее платёжеспособным, что говорило о негативных явлениях в хозяйстве страны²¹. Именно народниками

---

¹⁷ *Островский Д.* Вотяки Казанской губернии. Казань, 1873. 48 с.

¹⁸ *Зеленин Д. К.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907. 196 с.

¹⁹ *Лаврентьев К. В.* География Вятской губернии: курс родиноведения для городских училищ. Вятка, 1890. 216 с.

²⁰ *Бехтерев В. М.* Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. №8. С. 621–655; *Блинов Н. Н.* Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода (Глазовского уезда) // Вятские губернские ведомости. 1865. № 31. С. 54–56; № 33. С. 66–68.

²¹ *Голубев П. А.* Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. С. 129.

поднимался вопрос о соотношении традиции и инновации в пореформенной России.

Марксистское направление в дореволюционном изучении крестьянства было наиболее ярко представлено работами В. И. Ленина. В монографии «Развитие капитализма в России», которая создавалась, как полемический ответ исследованиям народников, Ленин, обработав колоссальный объём фактического материала (более 500 источников, в числе которых особое место занимают данные пермских и вятских земско-статистических сборников), отстаивал свою концепцию бурного капиталистического развития российской экономики второй половины XIX – начала XX в²². Анализируя разложение крестьянства, он делил его на три группы – беднейшее заносилось в категорию «сельского пролетариата», а богатейшее в категорию «сельской буржуазии», где «сельский пролетариат» стремительно нищал (сохраняя при этом за собой землю), а «сельская буржуазия» сосредотачивала в своих руках средства производства и капиталы. Прослойка крестьян (довольно значительная по своим размерам), не подходящая под две поляризованные категории, Лениным фактически не рассматривалась как самостоятельная. Он заключал, что в средней группе крестьянства практически одна пятая часть не имела пахотных орудий и вынуждена была отдавать работников в наём, а не нанимать для своих нужд, что свидетельствовало о хозяйственной неустойчивости и неизбежном, в таком случае, переходе в одну из поляризованных групп²³.

Развитие пореформенной российской экономики, и в частности сельского хозяйства, Ленин рассматривал в разрезе революционного марксизма, доказывая, что капиталистическое развитие неизбежно приводит к возрастающему классовому антагонизму, и, как следствие, к социальному взрыву. Ленин характеризовал капиталистические изменения, как

---

²² Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений Т. 3. М., 1971. 792 с.

²³ Там же. С. 70.

прогрессивные, отмечая, тем не менее, негативные проявления, диспропорции развития.

Разложение крестьянского сословия в ходе модернизации, превращение его части в источник для пополнения городского рабочего класса, исходя из ленинского видения, являлось следствием имущественного расслоения, шедшего параллельно с развитием товарно-денежных отношений в аграрном секторе.

Методологические основания исследований Ленина заложили базис для советской исторической науки. Период её расцвета в вопросах, касающихся пореформенного крестьянства, пришёлся на 1950–1980-е гг. XX в., когда сформировалась плеяда выдающихся ученых, внесших неоценимый вклад в расширение историографического и источниковедческого поля отечественной исторической науки, значительному углублению наиболее существенных проблем аграрной истории. Труды многих ученых являются и на сегодняшний день основополагающими в трактовке исторического процесса развития России. В исследованиях А. М. Анфимова, П. Г. Рындзюнского, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милова представлено новое концептуальное осмысление ряда проблем аграрного развития России второй половины XIX – начала XX вв.²⁴. Рассматривая арендные отношения в пореформенной России, А. М. Анфимов отмечал, что широкое развитие аренды определялось в большей степени не развитием капитализма, а острым крестьянским малоземельем²⁵. Анфимов выделял два критерия капиталистической аренды: достаточно крупный размер хозяйства и применение в нём наёмной рабочей силы. К началу XX в. аренда носила скорее крепостнический характер, нежели капиталистический. Денежная

---

²⁴ *Анфимов А. М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. 208 с.; *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России в 1850–1880 гг. М., 1978. 295 с.; *Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма: (источники и методы исследования). М., 1988. 224 с.; *Ковальченко И. Д., Милос Л. В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. М., 1974. 412 с.;

²⁵ *Анфимов А. М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 28.

аренда была, по сути своей, преобразованной феодальной, а не капиталистической. В деревне были сильны пережитки крепостничества, тормозившие развитие капитализма²⁶.

Анализируя капитализм, как явление, приходящее на смену старым феодальным порядкам, Анфимов отмечал его прогрессивную роль, однако констатировал неоднозначность экономических процессов. Деревня пореформенного периода не была капиталистической, феодализм сохранял свои позиции, и единственным способом для решения накопившихся за десятилетия противоречий, по мнению Анфимова, была революция²⁷.

П. Г. Рындзюнский, отстаивая тезис о неотвратимом разложении феодальной экономики после реформы 1861 г., заключал, что разложение не гарантировало капитализации хозяйства, а шло по пути постепенного врастания новых форм в старый уклад, что особенно ярко выразилось в центральных районах страны²⁸. Рындзюнский неоднозначно оценивал один из центральных процессов капиталистической эволюции – разложение крестьянства. Так, им отмечалось, что в одной семье мог жить крестьянин-эксплуататор и крестьянин, продающий свою рабочую силу на стороне. Освещая социально-экономическое положение перед реформой 1861 г., Рындзюнский усматривал наличие в этот период революционной ситуации. Однако при этом он делал несколько противоречивый вывод об отмене крепостного права – отмена произошла на гребне революции, в обстановке большого подъёма крестьянского движения, но здесь же указывалось, что реформу проводили крепостники, по причине слабости крестьянского движения²⁹.

В коллективном исследовании «Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма», под редакцией И. Д. Ковальченко, авторы, выделяя 4 группы крестьян (по их

---

²⁶ Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 176.

²⁷ Там же. С. 193.

²⁸ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России в 1850–1880 гг. М., 1978. С. 71.

²⁹ Там же. С. 86.

экономическому статусу), рассматривали только 1-ю (бедняки – «сельский пролетариат») и 4-ю (зажиточные – «сельская буржуазия»), крестьяне 2-й и 3-й групп, по мнению авторов, со временем неизбежно должны были войти в 2 основные, «полярные» группы³⁰. Отталкиваясь от этого тезиса делалось заключение об идущем полным ходом расслоении крестьянства. Рассматривая процессы капитализации деревни, авторы поднимали полемический вопрос о темпах развития капитализма в аграрном секторе: «В деревне происходила не пауперизация, охватившая широкие массы крестьян из-за невозможности найти применение излишней рабочей силе, как полагают некоторые исследователи, а активное включение всех категорий крестьян в различного рода неземледельческие занятия, главным из которых вообще и для беднейших слоёв деревни в первую очередь была работа по найму»³¹. Таким образом, не оспаривая тезис о развитии капитализма в целом, авторы не завышали степень развития пореформенной экономики.

В коллективной монографии «Всероссийский аграрный рынок» И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов подняли вопросы капиталистической эволюции экономики Российской империи в течение двух столетий до революции. Используя математические методы, они разработали концепцию складывания всероссийского аграрного рынка, основной движущей силой которого выступало крестьянство. «Мелкобуржуазная деревня» противопоставлялась авторами помещикам и главным выразителям их интересов – правящим элитам и государству.

Рассуждая о двух путях реформистских, буржуазных преобразований – американском и прусском, И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов противопоставили первый путь, как «крестьянско-демократический», второму – «помещичьему». Закономерным является вывод о развитии государства по второму пути, который в итоге привёл к провалу. Следствием

---

³⁰ Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма: (источники и методы исследования). М., 1988. С. 90.

³¹ Там же. С. 127.

неудавшихся аграрных реформ стала невозможность реформирования вообще, и неизбежность ломки, через революцию. Однако вывод о необходимости революционного решения аграрного вопроса, не вытекает из обработанных данных. Повторяемый тезис о необходимости национализации земли, о ставке на беднейшее крестьянство, предстаёт однобоким, в следствие игнорирования среднего крестьянства – мелкобуржуазного, и «неревolutionного» по сути своей³².

Серьезный вклад в изучение крестьянства России пореформенного периода внесли учёные Н. М. Дружинин, Т. М. Китанина, А. П. Корелин, А. С. Нифонтов, изучавшие вопросы развития торговых и кредитных отношений в крестьянской среде³³. Значение традиции в крестьянской жизни изучила М. М. Громько, рассматривая общину как базис традиционного сознания деревни³⁴. Проблематикой крестьянской психологии также занимались советские исследователи П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак, О. И. Зотова, В. В. Новиков, Е. В. Шорохова³⁵.

Для региональных исследований особую значимость представляют труды Н. Н. Латышева, исследовавшего крестьянство «удмуртских уездов» накануне реформы 1861 г. и, отчасти, после неё. Важно отметить, что социально-экономическое состояние региона рассматривается Н. Н. Латышевым в контексте развития России в целом³⁶. Вопросами крестьянской общины региона занимались В. А. Максимов, П. В. Кильдибеков, Ф. П.

---

³² Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. М., 1974. 412 с.

³³ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М.: Наука, 1975. 287 с.; Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. 286 с.; Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX - начале XX в. М.: Наука, 1988. 262 с.; Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974. 234 с.

³⁴ Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991. 448 с.; Громько М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 280 с.

³⁵ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. 240 с.; Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В. Особенности психологии крестьянства: (прошлое и настоящее). М., 1983. 168 с.

³⁶ Латышев Н. Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939. 181 с.

Макаров³⁷. Исследователи В. Г. Авдеева, А. Н. Вахрушев, А. В. Эмаусский уделили внимание проблеме капиталистической трансформации аграрного сектора региона³⁸. К вопросам крестьянского образования обращались А. Н. Вахрушев и А. Н. Кутявин³⁹.

В советской историографии, рассматривающей проблематику на региональном уровне выделялись вопросы и социально-экономического развития крестьянства «удмуртских» уездов, и проблемы межэтнического взаимодействия. В данном разрезе нельзя обойти вниманием исследование М. В. Гришкиной «Крестьянство Удмуртии в XVIII в.»⁴⁰. Несмотря на то, что хронологически данная монография не относится напрямую к рассматриваемой нами теме, материалы, представленные в ней способствуют пониманию динамики межэтнических отношений в крестьянской среде. М. В. Гришкина отмечала, что в XVIII в. удмуртско-бесермянская и татарская деревня была очень тесно связана с русским крестьянством. При исследовании проблемы, это явление, в свою очередь, затрудняло дифференциацию по этническому признаку⁴¹. Она также отмечала рост населения Удмуртии за счёт освоения русскими крестьянами ряда районов и создания ими новых волостей⁴². Интересной деталью экономического

³⁷ Максимов В. А. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Ижевск, 1924. 126 с.; Кильдибеков П. В., Макаров Ф. П. История классовой борьбы в Удмуртии. Для средней школы. Ижевск: Удпартиздат, 1933. 142 с.

³⁸ Авдеева В. Г. Крестьянское движение в Вятской губернии в пореформенный период (60–70-е годы XIX в.) // Ученые записки Кировского пединститута. Вып. 19. Киров, 1965. С. 24–114; Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России (1861–1895 гг.) // «Записки» УдНИИ, вып. 17. Ижевск, 1955. 212 с.; Эмаусский А. В. Разложение крепостничества и отмена крепостного права в Вятской губернии // К вопросу о формировании капитализма в России. Киров, 1974. С. 3–116.

³⁹ Вахрушев А. Н. Развитие начального образования в пореформенной Удмуртии // Вопросы истории культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 56–74; Кутявин А. Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX веков // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX – XX веках. Ижевск, 1990. С. 139–165; Кутявин А. Н. Сельскохозяйственное образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии, Ижевск, 1988. С. 72–97.

⁴⁰ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977. 187 с.

⁴¹ Там же. С. 5.

⁴² Там же. С. 37.

взаимодействия являлось проникновение огородных культур, привнесенных русскими переселенцами в хозяйства коренного удмуртского населения⁴³.

Крестьянство Удмуртии пореформенного периода рассмотрено в исследованиях М. М. Мартыновой. Изучая размеры крестьянских земельных наделов, она предложила свою градацию. Дифференциация крестьянских хозяйств изначально была предложена сотрудниками статистического комитета Вятского губернского земства, по итогам подворных переписей, проходивших в последней четверти XIX в. Однако сильное дробление, при котором учитывались, например, дворы, наделённые от 1 до 3 десятин земли, или же от 10 до 15 десятин, не представляется нам верным, в силу того, что доля таких хозяйств была не высока⁴⁴. Важно указать, что В. И. Ленин, опираясь на статистические материалы, не менял панораму дифференциации крестьянских хозяйств, предложенную статистиками, что позволило ему сделать упор на построение картины обеднения крестьянских масс⁴⁵.

Несмотря на то, что советская историография по крестьянству пореформенного периода, в целом, двигалась в парадигме предложенной Лениным, М. М. Мартынова выделяла четыре основные группы крестьянских хозяйств: без земли; имевшие до 10 десятин; 11–25 десятин; более 25 десятин⁴⁶.

Вопросы капиталистического развития пореформенной Удмуртии рассматривались М. А. Садаковым. Практически всё внимание было уделено социально-экономическому развитию, с учетом этнической составляющей. Так, сравнивая темпы дифференциации в удмуртской и русской деревнях, он отмечал, что исследование по любой из категорий хозяйствования, будь то землевладение и землепользование, применение наемной силы, арендные

---

⁴³ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977. С. 48.

⁴⁴ Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка – М., 1886–1898.

⁴⁵ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений Т. 3. М., 1971. С. 97.

⁴⁶ Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века / М. М. Мартынова // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. Ижевск, 1981. С. 20.

отношения, соотношение продуктивного и рабочего скота, демонстрировало более ярко выраженный характер дифференциации среди русского крестьянства по сравнению с удмуртским⁴⁷.

Целостную картину развития крестьянской промышленности региона представила в своем монографическом исследовании Н. П. Лигенко. Автором делается вывод о параллельной дифференциации земледельческого хозяйства и мелкотоварного промышленного производства, сосуществовании разноуровневых экономических форм производства, наличие этнических особенностей: как-то, среди русского населения более широкая вовлеченность в внеземледельческие занятия, чем среди удмуртского. Одной из основных причин являлось наличие большего размера земельного надела у коренного населения, менее нуждавшегося в промысловой деятельности для поддержания экономической стабильности собственных хозяйств⁴⁸. Вместе с тем, все виды и экономические формы промышленного производства были присущи как русскому, так и удмуртскому крестьянскому хозяйству.

Советская историография, в целом, оставалась в рамках марксистско-ленинской методологии и её основного постулата – закономерности социалистической революции. Капиталистическое развитие признавалось прогрессивным именно с точки зрения экономической целесообразности, так как противопоставлялось косному феодальному укладу. Ориентация на материализм и экономикоцентризм способствовали детальному анализу социально-экономического развития, при котором внимание учёных было сосредоточено на крупных статистических обобщениях.

Постсоветский период развития отечественной историографии характеризуется отказом от доминирующей роли какого-либо методологического подхода и, в целом, отличается плюрализмом.

---

⁴⁷ Садаков М. А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.) / М. А. Садаков // Вопросы истории Удмуртии. Вып. второй. Ижевск, 1974. С. 158.

⁴⁸ Лигенко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60 – 90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991. С. 62.

Историками стали подниматься вопросы социальной истории, соотношении традиции и новации в аграрном секторе, ментальности сельского населения.

Значительное место в общем пласте исследований постсоветской историографии занимают труды К. Н. Тарновского, Л. В. Милова, А. В. Буганова, М. М. Громыко, С. Г. Кащенко⁴⁹. Отдельно стоит упомянуть исследование Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века)», в которой он исследует вопросы социального устройства общества, демографии, развития семьи, отношений общества и власти. Значение работы заключается также в широком привлечении статистических данных, оригинальная обработка которых, позволила автору разработать собственную концепцию развития России. В плане нашего исследования большой интерес представляют данные Б. Н. Миронова о социально-демографическом составе крестьянского населения и размышления о природе хозяйственного этоса крестьян. Так, исследователь заключил, что материальное благополучие не занимало важного места в крестьянской системе ценностей, а основной целью труда являлось удовлетворение элементарных материальных потребностей⁵⁰.

Неразрывность процесса реформирования с переходом трона от Александра II к Александру III, показал А. Н. Боханов. В своём исследовании «Император Александр III», опираясь на широкий комплекс источников, опровергает тезис о сворачивании реформ, и доказывает, что мероприятия императора в 1880–90-е гг. были направлены на определенную корректировку курса преобразований, привязку их к существующей реальности и вызовам времени. А. Н. Боханов отмечал, что правильность

---

⁴⁹ Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 269 с.; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса. М., 2006. 568 с.; Буганов А. В., Громыко М. М. О воззрениях русского народа. М., 2000. 541 с.; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х тт. СПб, 2000. Т.1. 547 с.; Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. М.; СПб, 2009. 552 с.

⁵⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х тт. СПб, 2000. Т.1. С. 401.

политики императора позволила достичь России значительного подъема экономики и заложить основы для дальнейшего развития страны⁵¹.

В постсоветский период историков всё больше занимают вопросы развития крестьянской семьи в пореформенный период в условиях трансформации традиционных ценностей⁵². Развитие в отечественной науке направления истории повседневности, начавшееся ещё в годы перестройки, обрело реальный вес в постсоветский период. Важными, с точки зрения методологических разработок, исследованиями повседневности России разных эпох занимались Н. Б. Лебина, М. М. Кром, Н. Л. Пушкарёва⁵³. Непосредственно повседневной жизни крестьянства в пореформенный период посвящён труд В. Б. Безгина «Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX вв.)»⁵⁴. Автор уделяет внимание традициям земледелия, общинным устоям, отношениям крестьян с властью, обычному праву, семейному укладу и положению женщины, вопросам веры, а также сельским порокам⁵⁵. Русское крестьянство пореформенного периода он описывает, как консервативное, с недоверием относящееся к новшествам, ориентированное на православную веру и самодержавную монархию. Безгин оценивает эти стороны крестьянского менталитета, как положительные, позволяющие крестьянству «твёрже стоять на ногах», и, помимо этого,

⁵¹ Боханов А. Н. Император Александр III. М.: Русское слово, 1998. С. 420–423.

⁵² Милогорова И. Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2. С. 18–30; Милогорова И. Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье // Вестник МГУ. 1995. № 1. С. 22–31; Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: Опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону: РГЭУ, 2000. 224 с.; Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897—1959 гг. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 295 с.; Куренкова Ю. О. Повседневная жизнь крестьянки второй половины XIX века как научная (историографическая) проблема // Вестник ОГПУ. 2017. № 3. С. 144–155.

⁵³ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-х –1930-х годов. СПб, 1999. 320 с.; Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования [Электронный ресурс] URL: [http:// old.eu.spb.ru/reset/files/krom.pdf](http://old.eu.spb.ru/reset/files/krom.pdf) (дата обращения: 30.11.2015); Пушкарёва Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» / Н. Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. №5. 2004. С. 3–19.

⁵⁴ Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX - начала XX века). М. – Тамбов, 2004. 187 с.

⁵⁵ Там же.

допускает, что приверженность традиции не исключала возможности модернизации имевшегося уклада⁵⁶.

Определённый методологический поворот в изучении крестьянской психологии выявляется в монографии О. А. Суховой⁵⁷. Автору удалось дать беспристрастную картину восприятия крестьянами окружающего мира, показав преломление старых форм сознания, вызванных социально-экономическими и политическими изменениями на рубеже XIX–XX вв., и стойкость некоторых ментальных установок крестьянства.

На региональном уровне необходимо отметить исследования этнографов Г. А. Никитиной, Л. И. Семеновой, Л. А. Волковой. Изучая удмуртское крестьянство XIX–XX вв. авторы выявили, что по сравнению с русским, оно крепче держалось традиции, было менее готово влиться в процессы модернизации⁵⁸. В свою очередь историю переселения русских крестьян разработали М. В. Гришкина, Е. М. Берестова, Н. В. Пислегин, в исследованиях которых отмечены тенденции неуклонного усиления темпов русского переселения по мере социально-экономического развития Российской империи на протяжении нескольких столетий до середины XIX в.⁵⁹ Необходимо также отметить исследование А. М. Субботиной, посвященное влиянию деятельности земства на развитие аграрного сектора⁶⁰.

Важное место в региональной историографии постсоветского периода занимает коллективное исследование «История Удмуртии», в котором

⁵⁶ *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX - начала XX века). М. – Тамбов, 2004. С. 33.

⁵⁷ *Сухова О. А.* Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008. 678 с.

⁵⁸ *Никитина Г. А.* Сельская община бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск, 1993. 160 с.; *Семенова Л. И.* Культура и быт современной удмуртской семьи. Ижевск, 1995. 123 с.; *Волкова Л. А.* Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ижевск, 2003. 388 с.

⁵⁹ *Гришкина М. В., Берестова Е. М.* Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века. Ижевск, 2006. 82 с.; *Пислегин Н. В.* Русские Удмуртского Прикамья: к истории колонизации в дореформенный период [Электронный ресурс] URL: <http://http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=104> (дата обращения: 29.11.2015).

⁶⁰ *Субботина А. М.* Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры. УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 188 с.

систематизированы основные положения и выводы по различным направлениям изучения региона. В контексте исследования русского крестьянства «удмуртских уездов» Вятской губернии, авторы дают общую картину развития деревни в пореформенный период, делая акцент на удмуртских крестьянах, и практически не затрагивая русское население⁶¹. Нужно отметить, что часть выводов о дифференциации крестьян повторяют тезисы советской историографии о высокой степени расслоения внутри аграрного сектора.

В контексте развития межэтнических отношений в рамках многонациональной Российской империи значительный интерес представляют работы А. Г. Иванова, В. А. Юрчёнкова. В своих исследованиях авторы обращаются к проблемам вхождения малых этносов в состав империи, их месте и роли в государственном строительстве, проблемам взаимодействия этносов в полиэтническом пространстве, специфике их развития в условиях политических и социально-экономических изменений в дореволюционный период⁶².

Важно отметить, что в контексте широкого процесса освобождения крестьянского сословия в целом, в пореформенной деревне шёл более узкий процесс эмансипации русских крестьянок. В связи с этим пристальное внимание обращает на себя гендерный аспект социальной истории. Исследователи Н. Л. Пушкарёва, М. Г. Котовская, Л. П. Репина, И. Р. Чикалова, изучали вопросы гендерной истории России⁶³. Ими

---

⁶¹ История Удмуртии: XV – начало XX в. / Под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 549 с.

⁶² Юрченок В. А. Мордовский этнос в имперском социуме: XVIII – начало XX вв. / В. А. Юрченок // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сборник статей / Под ред. К. Мацузато. С. 156–175; Иванов А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья в XIX в.: традиции и новации / А. Г. Иванов // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сборник статей / Под ред. К. Мацузато. С. 285–315.

⁶³ Пушкарёва Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. №2. С. 51–64; Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. 352 с.; Чикалова И. Р. Женская и гендерная история. Состояние и

рассматривались вопросы становления научного направления в отечественной и мировой науке, проводились параллели между различными взглядами на гендерную проблематику.

Учитывая многоаспектность понятия «гендер» и совокупность компонентов его составляющих, особенно стоит отметить понятие гендерных ролей, гендерную культуру и гендерную социализацию. Так, М. Г. Котовская считала, что основные различия в раскрытии понятия гендера можно встретить в социологическом и культурологическом подходах⁶⁴. Социологи, при анализе гендерной проблемы, большее внимание уделяют социальным характеристикам, в то время как культурологи и антропологи акцентируются на рассмотрении культурных характеристик. Вместе с тем, и для социологии, и для культурологии, гендер является одним из базовых понятий социальной структуры общества, и приемлемым его определением может служить характеристика, как социального статуса, обуславливающего индивидуальные возможности профессиональной деятельности, образования, семейные роли мужчин и женщин⁶⁵.

В пореформенный период обозначился широкомасштабный процесс эмансипации крестьянства, являвшегося основной частью населения страны. В четырёх «удмуртских» уездах Камско-Вятского региона, именно в среде русских крестьян отчётливо стало проявляться влияние прогрессивных тенденций. Разумеется, эмансипация женщин происходила быстрее в городской, нежели в сельской среде, отличавшейся более размеренным укладом жизни и большей опорой на традицию. Однако и в деревне, по мере активизации модернизационных процессов, очевидным становилось изменение устоявшейся системы отношений.

перспективы развития [Электронный ресурс] URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm> (дата обращения: 12.07.2017); Котовская М. Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. М., 2004. 358 с.

⁶⁴ Котовская М. Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. М., 2004. С. 9.

⁶⁵ Там же. С. 10.

Среди русских крестьян «удмуртских» уездов Камско-Вятского региона гендерная проблема проявилась наиболее ярко, по сравнению с крестьянами других этносов. На наш взгляд, это было связано с тем, что русское крестьянство являлось переселенцами, что закономерно расширяло их социальный опыт, по сравнению с коренными народами рассматриваемой территории. Сталкиваясь с необходимостью выживания на новых территориях через преобразование окружающей среды, русские крестьяне в определённом смысле расставались с инфантильностью собственного сознания, становились более самостоятельными, следствием чего являлась выработка социального самосознания.

Гендерная проблема в деревне пореформенной России прослеживается через постепенное понимание крестьянами (в частности женщинами) своего места и роли в общественной жизни. К гендерным отношениям в пореформенной деревне обращался В. Б. Безгин. Освещая проблему насилия в крестьянской семье, он заключал, что совокупность патриархальных традиций русской деревни, условия жизни и быта крестьянства обусловили насилие в их среде. Распределение внутрисемейных ролей шло в согласии с устоявшейся традицией, фактически диктуя зависимое положение русской крестьянки, и превращая её в объект различных форм насилия со стороны мужа⁶⁶.

В. В. Смеюха освещала проблемы допуска женщин к образовательной деятельности. Отмечая, что вторая половина XIX в., в целом, характеризовалась усилением общественного внимания к вопросу женского образования, она пришла к выводу, что этого не было достаточно для реального становления системы женского образования и его

---

⁶⁶ *Безгин В. Б.* Насилие в крестьянской семье конца XIX века: гендерный аспект проблемы / В. Б. Безгин // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвёртой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года, Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 137.

популяризации⁶⁷. Широкая общественность оставалась безынициативной и настроенной скептически к самой возможности профессиональной реализации женщин, получивших образование⁶⁸.

Внутрисемейные отношения и проблемы распределения ролей рассматривал П. Я. Циткилов, отмечая, что устоявшийся взгляд на крестьянскую семью пореформенного периода, как на патриархальную, с главенствующим положением мужчины-большака не является столь однозначным: «Зачастую в патриархальных семьях складывалась ситуация, когда, образно говоря, мужчину почитали, но слова не давали. <...> Внешне власть в семье принадлежала мужу, а в центре семейного мира всегда стояла жена. Именно она была хранительницей домашнего очага, главным воспитателем детей, наконец, рачительной распорядительницей семейного бюджета»⁶⁹.

В последнее время, в изучении истории крестьянства, наметилась тенденция обращения авторов к проблемам семейных отношений в деревне на уровне правовой системы⁷⁰. Современные исследователи, отмечая негативные последствия реформ на психологию крестьян, тем не менее, сходятся во мнении, что рост самосознания и возрастание самостоятельности положительно сказывались на хозяйственной жизни страны. Данная концепция указывает на дуалистичную природу реформирования. Важно

⁶⁷ *Смеюха В. В.* Популяризация женского образования в отечественной прессе второй половины XIX в. (на примере издания «Женское образование») / В. В. Смеюха // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвёртой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года, Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 334.

⁶⁸ *Смеюха В. В.* Популяризация женского образования в отечественной прессе второй половины XIX в. (на примере издания «Женское образование») / В. В. Смеюха // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвёртой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года, Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 334.

⁶⁹ *Циткилов П. Я.* Историко-социологический облик российской патриархальной семьи / П. Я. Циткилов // Вопросы истории, №2. 2017. С. 6.

⁷⁰ *Амбарцумян К. Р.* Детство в контексте семейной повседневности сельских жителей во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Ставрополя и Терека) – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/424> (дата обращения: 1.04.2017); *Фурсов В. Н., Перепелицын А. В., Плотникова Л. И.* Социальная психология и пореформенная крестьянская повседневность // Научные ведомости, №1. 2012. С. 139–144.

отметить, что превалирование экономических интересов в крестьянской жизни отмечается большинством исследователей, свидетельствуя о необходимости более глубокого изучения социально-экономической истории.

Широкое развитие в постсоветской науке получила теория модернизации. основополагающими исследователями проблемы являлись А. С. Ахиезер и, продолживший его теоретические разработки, С. Н. Гавров. В работах обоих авторов прослеживается общая черта – разделение модернизационного процесса в рамках пореформенного периода на два этапа, напрямую связанных с деятельностью Александра II и Александра III. И Ахиезер, и Гавров называли 80-е гг. XIX в. временем «контрреформ», не только затормозившим темпы модернизационных процессов, но и давшим толчок агрессивной реакции низов, приведшей впоследствии к краху империи⁷¹. Вместе с тем, важно отметить, что А. С. Ахиезер видел слабость изначальной концепции реформаторского процесса, начатого Александром II, которая выразилась в противоречивом видении роли крестьян. По мнению Ахиезера, реформаторы считали, что новая система будет опираться на свободного человека, который, в то же время, будет верить в царя и любить его⁷². Однако, человек свободный не может мириться с авторитарной властью, что подрывало её силу и наносило урон государству, как актору модернизации⁷³.

Вопрос об акторах модернизации в пореформенной России разрабатывается в последние годы уральскими историками И. В.

---

⁷¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. 804 с.; Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004 (переиздание: 2010). 352 с.; Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит. М., 2010. 269 с.

⁷² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. С. 262.

⁷³ Там же. С. 687.

Побережниковым, В. В. Алексеевым, Е. Г. Неклюдовым⁷⁴. Говоря об имеющихся в историографии направлениях по проблеме акторов российской модернизации, И. В. Побережников выделял два основных – в первом, государство считается единственным учредителем и проводником модернизационных преобразований; во втором, модернизация носит двойственный характер, который выражается во взаимодействии «верховых», целенаправленных, элитарных начинаний, и «низовых», носивших спонтанный характер⁷⁵. Работы В. В. Алексеева и Е. Г. Неклюдова вписываются в обозначенные направления⁷⁶. Помимо вопросов о месте и роли государства и различных слоёв населения, исследователями поднимается проблема характера российской модернизации. Единого мнения не существует, однако заметна тенденция к отрицанию догоняющего характера российской модернизации, и отстаивание тезиса об уникальном пути отечественных преобразований.

Зарубежная историография по проблеме пореформенного крестьянства России, представляет особый интерес не в последнюю очередь потому, что для исследований характерна меньшая тенденциозность в оценках развития крестьянского сословия, в то время как в значительном количестве советских исследований и, в том или ином виде, в постсоветских трудах, тенденциозность и даже политизированность не редки. В классических работах Р. Пайпса и А. Гершенкрона решающим фактором в развитии экономики страны и психологии населения, выступает природно-географический фактор, к которому подводится исторический путь развития

---

⁷⁴ *Побережников И. В.* Теория модернизации: основные этапы эволюции / Побережников И. В. // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 217–246.

⁷⁵ *Побережников И. В.* Акторы российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования / И. В. Побережников // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 18.

⁷⁶ *Алексеев В. В.* Государство как актор модернизации России на рубеже XIX и XX вв. / В. В. Алексеев // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 6–15; *Неклюдов Е. Г.* Уральские заводчики в контексте российской имперской модернизации / Е. Г. Неклюдов // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 45–51.

России⁷⁷. В исследованиях известного крестьяноведа Т. Шанина с помощью междисциплинарных методов идёт постановка вопроса о сущности крестьянства, производится классификация его, как «особого класса»⁷⁸.

На современном этапе отдельно стоит выделить исследования С. Нэфцига и Р. Аллена, в которых развитие аграрного сектора России в пореформенный период рассматривается через призму модернизационных процессов. Авторы сопоставляют темпы роста российской экономики пореформенного периода с параллельным развитием крупнейших мировых экономик⁷⁹. Важной деталью исследований является оценка действий правительств Александра II и Александра III, как поступательных и преемственных, без деления второй половины XIX века на период реформ и контрреформ, что роднит их с авторами постсоветской отечественной историографии. Аспекты модернизационных процессов и вопросы о сущности и природе модернизации также поднимались в исследованиях П. Штомпки, Ш. Эйзенштадта⁸⁰.

Несмотря на имеющийся пласт исследований по истории крестьянства пореформенной России, проблема русские крестьян «удмуртских» уездов Камско-Вятского региона до сего времени оставалась белым пятном. Изучение деревни либо рассматривалось в плане выявления общих закономерностей исторического развития, без акцентирования на этнических аспектах, либо концентрировалось на титульном удмуртском этносе.

⁷⁷ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. 411 с.; *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015. 535 с.

⁷⁸ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ./Сост. Т. Шанина; Под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992. 432 с.

⁷⁹ *Nafziger, S.* (2013) Russian Peasants and Politicians: The Political Economy of Local Agricultural Support in Nizhnii Novgorod Province, 1864–1914., *Agricultural Transformation in a Global History Perspective*, Steven Nafziger, London, Routleg. P. 108–136; *Allen, R. C.* (2003) *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*, Princeton, NJ: Princeton University Press. 312 p.

⁸⁰ *Штомпка П.* Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-kak-sotsialnoe-stanovlenie-10-tezisev-po-modernizatsii> (дата обращения: 3. 08. 2017); *Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html> (дата обращения: 1. 08. 2017)

Опираясь на наследие предшествующих учёных, необходимо дополнить его новейшими разработками и обратить внимание на слабоосвещённые проблемы аграрной истории.

Целью настоящего исследования является изучение русского крестьянства Камско-Вятского региона в рамках демографического, социально-экономического развития, межэтнических связей, гендерного проявления в условиях активизации модернизационных процессов пореформенного периода.

Задачи работы:

- 1) рассмотреть общетеоретическую основу модернизационных процессов в России пореформенного периода в контексте соотношения традиции и инновации;
- 2) представить демографическую характеристику русского крестьянства «удмуртских уездов» Камско-Вятского региона;
- 3) исследовать социально-экономическое развитие русского крестьянского хозяйства в контексте его комплексного характера, во множественных проявлениях взаимодействия и взаимовлияния его отраслей; проследить процессы дифференциации крестьянства;
- 4) проанализировать хозяйственный быт русской крестьянской семьи через призму распределения ролей между мужчинами и женщинами;
- 5) осветить проблему гендерной составляющей крестьянской среды в контексте изменения традиционной социальной культуры.
- 6) рассмотреть развитие народного образования и проследить взаимосвязь между образовательной и социально-экономической сферами.

Источниковая база исследования сформирована на основе комплекса разнообразных опубликованных и неопубликованных источников, которые можно условно разделить на четыре группы: законодательные документы, архивная, в том числе делопроизводственная документация, статистические и справочные издания, материалы периодической печати.

Первую группу источников составляют законодательные акты, играющие стержневую роль исторического исследования. Нормативно-правовые документы, опубликованные в «Своде законов Российской империи» и «Полном собрании законов Российской империи», позволяют установить закономерность преобразований в деревне и проследить логику осуществления реформ. Из наиболее значимых правовых документов следует выделить «Общее положение о крестьянах вышедших из крепостной зависимости», раскрывающее специфику преобразовательного процесса в крестьянской среде, неоднородной, по своему экономическому положению, правовому статусу и этническому составу. Значительную роль в понимании дифференциации крестьянского сословия в пореформенный период играют законы о поземельном устройстве удельных крестьян от 1863 г. и о поземельном устройстве государственных крестьян от 1866 г., в которых обозначается и закрепляется экономическое неравенство внутри российской деревни⁸¹.

Вторую группу источников составляют архивные материалы. Комплекс важных источников, способствующих раскрытию закономерностей развития социально-экономической жизни крестьян находится в фондах: Податных инспекторов Вятской губернской казенной палаты, Глазовской уездной земской управы и Сарапульского уездного съезда земских начальников Центрального государственного архива Удмуртской республики (ЦГА УР). В фонде Податных инспекторов Вятской губернской казенной палаты содержатся сведения о посевных и сенокосных площадях, посевах хлебов и трав, урожаях хлебов, сведения об экономическом состоянии крестьянских хозяйств, которые способствуют раскрытию картины хозяйственной жизни⁸². С той же целью нами были использованы материалы фондов Глазовской

---

⁸¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. Отделение 1. СПб, 1863. 1059 с.

⁸² Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 118.

уездной земской управы и Сарапульского уездного съезда земских начальников⁸³.

В фондах Глазовской уездной земской управы содержится статистическая информация о состоянии земских училищ, позволяющая оценить развитие народного образования пореформенного периода⁸⁴. Уголовные и гражданские дела, дающие возможность проанализировать проблему насилия в русской деревне и выявить гендерный аспект выстраивания социальных взаимоотношений крестьян, хранятся в фонде Глазовского уездного по крестьянским делам присутствия и в материалах волостных судов фонда Сарапульского уездного съезда земских начальников (ЦГА УР)⁸⁵.

Фонды Вятского управления земледелия и государственных имуществ Государственного архива Кировской области (ГАКО) содержат сведения о состоянии сельского хозяйства Малмыжского и Сарапульского уездов и позволяют выявить адаптационные механизмы крестьянских хозяйств в условиях роста товарно-денежных отношений⁸⁶. В документах ярко отражается неудовлетворенность крестьян их экономическим положением и желание улучшить его. Обращает на себя внимание приверженность деревни к традиции экстенсивного развития хозяйства, за счёт расширения пахотных площадей, при игнорировании интенсивных методов земледелия.

Данные по развитию народного образования имеются в журналах заседаний Малмыжского уездного училищного Совета, статистических отчётах о состоянии начальных училищ в уезде, и учётных карточках и свидетельствах об окончании народных школ, содержащихся в фонде Инспектора народных училищ Малмыжского уезда (ГАКО)⁸⁷. В документах

---

⁸³ ЦГА УР. Ф. 5, 242.

⁸⁴ ЦГА УР. Ф. 5.

⁸⁵ ЦГА УР. Ф. 108; ЦГА УР. Ф. 242.

⁸⁶ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 575.

⁸⁷ ГАКО. Ф. 1082.

фонда отражены проблемы народного образования, прослеживается зависимость его развития от экономических интересов крестьян.

Третью группу – составляют статистические и справочные издания. Значительное место среди источников занимают статистические материалы по уездной статистике Вятской губернии, опубликованные в последней четверти XIX в⁸⁸. В них раскрываются особенности крестьянского землепользования, размеры земельных наделов, представлена информация по демографии, социальному и этническому составу населения, даются данные по животноводству и промыслам. При анализе внеземледельческой занятости крестьян, важную роль играют «Материалы по описанию промыслов Вятской губернии», представляющие полную картину занятости крестьян промыслами по обработке сырьевого материала. Обозначены отдельные экономические формы крестьянской промышленности, прослеживается взаимосвязь процессов дифференциации, параллельно происходящих в земледелии и промыслах⁸⁹.

Четвертую группу составляют материалы периодической печати. Говоря о периодических изданиях, в первую очередь стоит отметить газету «Вятские губернские ведомости», статьи и заметки которой посвящены описанию хозяйственной деятельности крестьян, агрономическим достижениям, особенностям крестьянской психологии, развитию образовательной сферы⁹⁰. Материалы, представленные на страницах газеты, позволяют глубже понять психологические мотивы крестьян региона, их отношение к инновациям в сельскохозяйственной жизни, особенности их сознания в контексте развития модернизационных процессов. В «Календарях и памятных книжках Вятской губернии» содержится обширный пласт материалов, освещающих особенности развития различных отраслей крестьянского хозяйства. Раскрывается зависимость экономического развития от совокупности факторов, в числе которых политика государства в

---

⁸⁸ Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка – М., 1886–1898.

⁸⁹ Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1893. 196 с.

⁹⁰ Вятские губернские ведомости. 1885–1901.

вопросе распределения наделных земель, природно-климатические и географические условия, а также взаимоотношения различных этносов, проживавших на территории четырех «удмуртских уездов».

Важное место занимают этнографические статьи священников, земских деятелей, касающиеся гендерных проблем в контексте бытового устройства русских крестьян, взаимоотношений между деревенскими мужчинами и женщинами, а также вопросов культуры⁹¹.

Научная новизна исследования обуславливается рядом факторов. Во-первых, это первая в региональной историографии попытка комплексного исследования социально-экономической истории русского крестьянства Камско-Вятского региона пореформенного периода. Во-вторых, использование многомерных, комплексных подходов исследования, заключающих в себе синтез макроисторического и микроисторического уровней осмысления прошлого, позволило вывести проблему на новый концептуальный уровень. Впервые сделан вывод о том, что дифференциация крестьянства в исследуемом регионе достигла уровня расслоения, а не разложения. Главным действующим лицом выступает средний слой крестьянства с его устойчивой многоотраслевой системой хозяйствования. В-третьих, расширена источниковая база исследования русского крестьянства в провинциальном регионе, отражающая как общие, так и особенные черты его развития. Введенный в научный оборот широкий круг разнообразных, репрезентативных источников позволяет увидеть жизнь русского крестьянства в контексте многонационального состава населения региона. В-четвертых, использование гендерного подхода в контексте повседневного быта крестьянской семьи позволило глубже осмыслить особенности социально-экономической жизни русской деревни.

Основные научные положения диссертации соответствуют областям исследования специальности 5.6.1. Отечественная история ВАК при Минобрнауки России: социально-экономическая политика Российского

---

⁹¹ Календари и памятные книжки Вятской губернии на 1894, 1903 гг.

государства и ее реализация на различных этапах его развития; история повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; история развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Опираясь на исследовательские разработки предшествующей историографии, нами использованы новые подходы в осмыслении проблемы, выделены критерии оценки уровня социально-экономического развития полиэтничной пореформенной деревни, определена методика характеристик комплексного хозяйства, взаимодействия и взаимовлияния отдельных его частей. Рассмотрение деревенской жизни через синтез нескольких подходов, расширяет для исследователей границы осмысления сущности крестьянства пореформенного периода.

Результаты работы могут быть использованы при изучении проблем аграрной истории в различных её проявлениях, а также послужить основой для учебных курсов по истории России, краеведения, культурной антропологии в учреждениях высшего и среднего образования, стать базовым материалом для музейных экспозиций и туристической деятельности.

Методология и методы исследования. Методологическую основу работы составил синтез макроисторического и микроисторического уровней изучения прошлого. На уровне макроисторического анализа применяется модернизационный подход, определяющий, в широком смысле, процесс перехода от аграрного общества к индустриальному, и позволяющий выявить степень вовлечённости крестьянства, как крупнейшего сословия пореформенной России, в модернизацию.

На уровне микроистории мы используем также междисциплинарный подход, обращаясь к методикам жизненной истории, этнографии и психологии. Анализируются изменения, происходившие в различных сферах крестьянской жизни (главным образом в социальной и экономической) в

пореформенный период, выясняются механизмы адаптации деревни к изменяющимся в ходе модернизации условиям существования. В каждом из четырёх уездов в качестве объекта исследования целенаправленно было выделено четыре волости. Критериями отбора выступили территориальное расположение (нахождение в разных природно-климатических зонах), которое повлияло на социально-экономическое развитие, и этнический фактор (проживание в данных волостях русских крестьян). Данное количество рассматриваемых волостей, является репрезентативным для построения общей картины хозяйственной жизни русского крестьянства, так как они отличались многообразием географических, социально-экономических правовых и этнических условий и особенностей.

Мы обращаемся также к методам гендерной истории, чтобы полнее изучить роль социально-исторических процессов и явлений во взаимоотношениях в семье и крестьянском социуме.

Синтез макроистории и микроистории позволяет выявить взаимодействие и взаимовлияние «верхов» и «низов» в ходе масштабных преобразовательных процессов.

Исследование построено на принципах объективности, историзма и системности, которые подразумевают рассмотрение множества факторов для оценивания того или иного процесса или явления. Комплекс используемых методов вариативен и находится в зависимости от характера рассматриваемых источников. Он включает в себя общенаучные и специально-исторические методы: сравнительно-исторические, статистические, дедукции и индукции, анализа и синтеза.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Пореформенный период в истории России – это время активизации модернизационных процессов, в ходе которых осуществлялся постепенный, эволюционный переход от аграрного общества к индустриальному. В широком смысле, модернизация, принося инновации в различные сферы жизни, не ломала традиционный уклад, а постепенно проникала в самую его

структуру, меняя его или сталкиваясь с затруднениями, обусловленными тем, что преобразовательный процесс так или иначе опирался на традицию.

2. Носителем традиции являлось крестьянство, представлявшее собой крупнейшее сословие в Российской империи. В «удмуртских уездах» Камско-Вятского региона русское крестьянство являлось переселенческим и более склонным, в силу социально-экономических и психологических факторов, к принятию и ретранслированию инноваций, нежели коренное удмуртское население. Вместе с тем здоровый консерватизм был свойственен и русскому крестьянству, что объясняло отсутствие агрессии и давления в выстраивании межэтнических отношений.

3. Центральным элементом социально-экономической жизни русского крестьянства Камско-Вятского региона в пореформенный период являлась хозяйственная деятельность. Хозяйство русских крестьян основывалось на взаимодействии и взаимовлиянии трёх основных отраслей комплексного хозяйства – земледелия, животноводства и промыслов, удельный вес которых в крестьянских хозяйствах зависел от ряда факторов. Имущественная дифференциация крестьянства имела слабо выраженную поляризацию и не привела к классовому расслоению. Прослойка среднего крестьянства оставалась преимущественно широкой, что стабилизировало социально-экономическое развитие деревни.

4. Первостепенность экономических интересов прослеживалась в распределении ролей внутри крестьянской семьи, влиявших на течение всего быта русской деревни. Правовое освобождение крестьянства, как сословия, не обеспечивало эмансипации женщин-крестьянок, роль которых оставалась подчинённой установкам патриархального уклада.

5. Влияние реформ сказывалось постепенно, практический результат преобразований проявлялся в течение двух последних десятилетий XIX в. Рост правосознания крестьян медленно, но отчётливо определялся. Данное явление проявилось в женском противостоянии насилию в форме обращения с жалобами в органы местной власти, которые старались идти навстречу

пострадавшим. Однако на моральную обстановку в русской деревне определяющее влияние по-прежнему оказывал патриархальный уклад.

6. Развитие народного образования осуществлялось во взаимодействии органов местного самоуправления и крестьянского сообщества, которые шли навстречу друг другу, стараясь найти наиболее оптимальные формы отношений. Хозяйственная жизнь крестьян оказывала значительное влияние на построение учебного процесса и на степень вовлечённости в него учащихся.

Степень достоверности и апробация. Достоверность исследования обеспечивается за счёт привлечения широкого круга разнообразных источников, содержащих в себе значительный объём фактологического материала. Результаты исследования были представлены нами на всероссийских (X Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность», г. Уфа, 2016 г.; «Развитие государственно-конфессиональных отношений в современной России на основе единства взглядов и многообразия традиций», г. Нижний Новгород, 2018 г.; Всероссийская научная конференция «Русские в Прикамье», г. Сарапул, 2018 г.) и вузовских («Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья», г. Глазов, 2015 г.).

В рамках исследуемой проблематики опубликовано несколько статей, в том числе четыре в журналах, входящих в перечень ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав с разделением на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

К концу XIX века на территории четырёх «удмуртских» уездов Вятской губернии проживали 1 336 402 человека различных этносов, из которых преобладающими являлись русские (57,6%) и удмурты (29,6%)⁹². Другие этносы, проживавшие на данной территории, были представлены следующим образом – татары (8,15%), марийцы (1,44%), башкиры (0,82%), коми (0,6%)⁹³. Наиболее многочисленным слоем населения являлось крестьянство (93,7%), в то время как доля городских жителей составляла 2,8%. Вторая половина XIX в. представляла собой период роста населения региона и увеличения количества населенных пунктов более чем на 60%⁹⁴.

Развитие крестьянства «удмуртских уездов» имело свои особенности, обусловленные рядом факторов.

Во-первых, значительную роль в хозяйственном развитии деревни играли природно-географические условия. Ландшафт, климатические условия, состав почв определяли род занятий крестьянства, уклад его экономической жизни в целом. Камско-Вятский регион относительно рано был втянут в процесс складывания всероссийского товарного рынка, общую картину которого определяла массовая скупка сельскохозяйственной продукции. Данный процесс был обусловлен расположением региона с одной стороны на пересечении больших транспортных магистралей и речных путей Камы и Вятки с выходом на главные ярмарки страны и, с другой стороны – Великого Сибирского пути с выходом на Сибирь.

---

⁹² История Удмуртии: XX в. / Под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. С. 277.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 278.

Во-вторых, правовой фактор обусловил различное обеспечение отдельных категорий крестьян земельным наделом. Законы о поземельном устройстве удельных крестьян от 1863 г. и о поземельном устройстве государственных крестьян от 1866 г. в определенном смысле уравнивали их в базовых правах, закрепив за общинами те наделы, которые были выделены ещё до реформы. Однако размеры наделов для различных разрядов изначально были разительно контрастны. Законодательно утверждены прежние размеры земельного надела. Государственные крестьяне, численно преобладавшие на территории четырёх «удмуртских уездов», оказались в более выгодных условиях, нежели другие категории.

В-третьих, влияние на социально-экономическую жизнь многоотраслевого крестьянского хозяйства оказала активизация модернизационных процессов в провинции. Промышленное развитие, как часть этого явления, с одной стороны шло с опорой на аграрный сектор, с другой, определённым образом подстёгивало изменения в его традиционно сложившихся отраслях. Капитализация экономики России была фактором, обусловившим расслоение деревни и постепенное втягивание ее в развитие общероссийского капиталистического рынка.

В-четвертых, немаловажное значение имел этнический состав рассматриваемых уездов – русское крестьянство жило как обособленно, так и смешанно с другими этносами, в числе которых преобладали удмурты. Полиэтнический состав уездов формировался в ходе переселений русских крестьян, что накладывало отпечаток не только на экономику коренного населения, но и на другие сферы жизни деревни. В условиях соседского проживания, между представителями различных этносов выстраивались многослойные взаимоотношения, которые сложно подвергнуть однозначной оценке.

Основой крестьянской жизни являлась община. Модернизация, в широком смысле, открывала для крестьян возможности адаптироваться к изменяющимся условиям, что в редких случаях приводило к отказу от

земледельческой деятельности, и вместе с тем работала на укрепление общины, как традиционного института крестьянской жизни.

§ 1.1. Основные теоретические подходы к исследованию модернизационных процессов пореформенного периода

Модернизация, как процесс, включает в своём определении восходящий рост от определённой точки, дальнейшего его развития и изменения уже имеющегося. В широком смысле термин «модернизация» предполагает осовременивание всех сфер общественной жизни. В более узком, конкретно-историческом смысле, модернизация – это процесс перехода от аграрного (традиционного) к индустриальному обществу модерна⁹⁵.

В историографии существуют две точки зрения на сущность модернизации. Классическими представителями одного из направлений являлись Г. Спенсер, К. Маркс, Ф. Энгельс, по определению которых модернизация представляет собой однолинейный процесс⁹⁶. Данная точка зрения характерна для историографии XIX в., теория этих авторов базировалась на современном им состоянии европейского мира, точками отсчёта модернизации служили определённые исторические события, такие как промышленная революция в Англии или Великая французская революция.

Вторая точка зрения, в противоположность первой, допускает вариативность модернизационного процесса, непредсказуемость его хода и подверженность случайностям и непредвиденным факторам влияния, а также «открытый финал» модернизации, которая не обязательно остановится в

---

⁹⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 170.

⁹⁶ Спенсер Г. Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб: Издание Н. П. Полякова, 1872. 470 с.; Маркс К. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 46. Ч. 1; Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Издательство АСТ, 2020. 480 с.

определённом заданном пункте, или же, вообще приведёт к этому пункту⁹⁷. Данная точка зрения, не имея чётких границ, предоставляет гораздо большую свободу интерпретации модернизации, как процесса в целом, и процессов, составляющих модернизацию, в частности.

По мнению П. Штомпки, потенциал преобразований в рамках модернизации складывается из трёх составляющих. Первая – это наличие в обществе определённого типа личности, способного воспринимать и ретранслировать новые идеи, принимающего разные мнения и готового к диалогу. Основными факторами формирования такой личности выступают социализация и образование. Вторая составляющая – экономический уклад, уровень развития технологий, культурные ценности и нормы. На неё непосредственное влияние оказывали институциональные реформы и гибкая государственная политика. Третья составляющая – форма общества, доставшаяся в наследство от предыдущих поколений. Основными формирующими факторами здесь выступают уважение и поддержание исконной традиции, представляющей собой базис и отправную точку для модернизационного толчка⁹⁸.

Благодаря совокупности трёх составляющих, определяется темп модернизационных процессов. Они влияют на решения, принимаемые акторами модернизации, вне зависимости от того на каком уровне принимаются решения – индивидуальном или коллективном. Вместе с тем, составляющие процесса зависят от обстоятельств и могут меняться, следовательно, и вариантов модернизации может быть множество⁹⁹.

При исследовании пореформенного периода истории России через призму теории модернизации, учитывается ряд факторов, обусловивших

---

⁹⁷ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-kak-sotsialnoe-stanovlenie-10-tezisov-po-modernizatsii> (дата обращения: 3.08.2017).

⁹⁸ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-kak-sotsialnoe-stanovlenie-10-tezisov-po-modernizatsii> (дата обращения: 3.08.2017).

⁹⁹ Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html> (дата обращения: 1.08.2017)

своеобразие процессов преобразования. Позиционирование модернизационного процесса, как противопоставления старого и нового, традиции и инновации, подверглось критике исследователей ещё во второй половине прошлого века. По мнению Ш. Эйзенштадта, проведение модернизации возможно и в рамках традиционного общества, с опорой на него, без разрыва с устоявшимися архетипами общественной жизни¹⁰⁰. Радикальная ломка порядка, существующего на протяжении веков, не гарантировала успешного хода преобразований. Революционный путь зачастую выступал как препятствие для полномасштабной модернизации, провоцируя дисбаланс в развитии экономических, социальных и политических процессов. С другой стороны, модернизация «сверху», когда основным актором преобразований выступает государство, а не народные массы, также не гарантирует успешности и поступательности изменений. Для Российской империи, в середине XIX в. столкнувшейся с насущной необходимостью проведения полномасштабных реформ, единственным возможным вариантом был вариант преобразований, проводимых «сверху».

Этатистская модель модернизации обусловила слабую вовлечённость основной массы населения, представленной крестьянством, в преобразовательную деятельность¹⁰¹. Деревня плохо воспринимала инновации, внедряемые государством, что особенно ярко выразилось на первых этапах проведения центральной из реформ Александра II – крестьянской. Источником проблемы являлась неоднозначность интерпретации сущности реформы. Крестьяне, как правило, негативно относившиеся к представителям власти, наделяли фигуру царя, вне зависимости от персоналий, ореолом сакральности. Текст Манифеста 19 февраля 1861 г. был ими не понят, реформа воспринималась, как царская

---

¹⁰⁰ *Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html> (дата обращения: 1.08.2017)

¹⁰¹ *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. С. 252.

милость, обеспечивавшая настоящую волю. Тем же, кто зачитывал положения Манифеста на местах, крестьяне не доверяли, искренне полагая, что «грамотеи» намеренно искажают царский указ¹⁰².

Определённая либерализация общественной жизни, характерная для первого этапа пореформенного периода, касалась, в основном, городской среды. Крестьянская жизнь, на этом фоне, представлялась гипертрофированно архаичной. Консервативная природа деревни отреагировала на реформу уходом вглубь традиции – укрепление общины. Как отмечал А. Ахиезер: «Реакция крестьянства оказалась попыткой прорваться опять к синкретизму, усилением борьбы крестьян за сохранение древнего локального типа жизни. Наиболее ярко этот процесс проявился в укреплении сельской общины, древнего сельского мира. Можно считать определенной исторической закономерностью, что на переломе эпох, когда новые ценности активно вторгаются в жизнь, старые, казалось, давно обесцененные идеалы неожиданно обретают волю к борьбе»¹⁰³. Закономерно, что процессы эмансипации крестьянства, не формальной, обеспеченной законодательством, а реальной, обусловленной в первую очередь изменениями в психологии русской деревни, проявились в полной мере лишь спустя десятилетия после Манифеста.

Вместе с тем, архаизация деревенской жизни, консервация патриархального уклада, в известной степени были выгодны государству. Власть ориентировалась на общину, что получило выражение в ограничениях семейных разделов, целью чего было сохранение крупных семей, воспрепятствование их дроблению¹⁰⁴. Не говоря уже о том, что община была чрезвычайно удобна в фискальных целях.

---

¹⁰² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. С. 264.

¹⁰³ Там же. С. 290.

¹⁰⁴ Там же. С. 299.

В ситуации, когда необходимость преобразований стала очевидна, государство, выступая основным, и едва ли не единственным актором модернизации, не желало и не могло радикально изменить политическое устройство страны. Реформирование экономики, в основе которого лежал промышленный подъём, осуществлявшийся за счёт аграрного ресурса, происходило в отрыве от политических и общественных процессов. Верховная власть оставалась самодержавной, фактически незыблемой, сосредоточенной в руках одного человека. Противоречие, заключавшееся в том, что начавшиеся преобразования неизбежно со временем должны были натолкнуться на препятствие в виде устаревшей формы правления, не отвечавшей вызовам модернизации, изначально не были очевидны. Реформы, по замыслу авторов, должны были проходить поступательно и медленно, без рывков. Весь процесс не являлся революцией сверху, в силу того, что реформаторы на первое место ставили государственный интерес и сохранение порядка и стабильности¹⁰⁵.

В контексте сохранения власти, проведение модернизации не могло распространяться на политическую сферу. Внедрение в ткань политической жизни империи демократических институтов неизбежно вело либо к перерождению властных структур на мирных основаниях, либо, при негативном сценарии событий, означало деконструкцию устоявшихся структур монархии¹⁰⁶. Допущенные Александром II объёмы либерализации на практике ослабили самодержавный порядок. Земская реформа открыла демократически настроенной интеллигенции дорогу в деревню. Не касаясь вопроса об итогах «хождений в народ», стоит отметить, что работа интеллигенции в сфере народной медицины и народного образования явилась ярким примером преобразовательного импульса «снизу».

По мере развития промышленности, обеспечивавшейся, в том числе, за счёт сельского хозяйства, а также развития товарно-денежных отношений

---

¹⁰⁵ Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004 (переиздание: 2010). С. 82.

¹⁰⁶ Там же. С. 52.

внутри аграрного сектора, обозначился дисбаланс в развитии двух отраслей экономики. Сельское хозяйство шло по экстенсивному пути, тогда как требовалась мощная интенсификация. Положительная роль земства, предпринимавшего ряд мер, в числе которых были попытки теоретического образования крестьян в сфере земледелия, внедрение новых культур и способов обработки пахотной почвы, упиралась в стену крестьянского недоверия, основанного на консерватизме и неприятии риска. Инновации принимались, но лишь после практического подтверждения их пользы для крестьян. Однако, преобладание архаичного пути совершенствования собственного хозяйства, через расширение размеров земельного участка, оставалось преобладающим на протяжении всей второй половины XIX в. Крестьяне, как индивидуально, так и коллективно, имея на руках деньги, и желая вложить их в сельское хозяйство, чаще всего обращались к покупке земли, нежели к покупке удобрений или улучшенных сельскохозяйственных орудий. Общая площадь пахотной земли в Российской империи в 1881 г. увеличилась на 14,2%, а в 1887 г. на 25,8% в сравнении с 1860-ми гг.¹⁰⁷. Экстенсивное развитие хозяйства через расширение пахотных площадей было характерным и для Камско-Вятского региона.

С восшествием на престол Александра III, которое проходило в нервной атмосфере народовольческого террора, начался второй этап пореформенной модернизации. Политическая обстановка, сложившаяся внутри империи за предшествующие несколько лет, наложила мощный отпечаток на ход преобразовательного процесса.

На примере деятельности Вятского земства, в ведение которого входили земские организации четырёх, так называемых, «удмуртских уездов» (Глазовский, Сарапульский, Малмыжский, Елабужский), становится очевидным, что дальнейшее реформирование страны активизировало модернизационные процессы особенно в провинциальных районах страны.

---

¹⁰⁷ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. С. 288.

После определённого спада 1880-х гг., в начале 90-х наступает резкий подъём земской деятельности. После практически застойного состояния, земская деятельность развернулась в таких масштабах, что расходные бюджеты выросли здесь, по сравнению с 1870-ми гг., практически в 10 раз¹⁰⁸. Подобный расцвет обуславливался появлением на поприще Вятского земства целой плеяды молодых и образованных деятелей, заряженных не меньшим энтузиазмом, чем их предшественники из 1860-х гг. – зари земской деятельности¹⁰⁹.

Стоит отметить, что второй этап модернизации характеризовался, в целом, более масштабной инициативой «низов». Другими словами, широкие слои населения, осознавая свои права, постепенно втягиваясь в развивающиеся товарно-денежные отношения и, закономерно, становясь более самостоятельными, двигали прогрессивные преобразовательные процессы вперёд. В то же время, государство, в лице монарха, оставалось главным актором модернизации. Рост промышленного производства, являвшийся фактически делом рук верховной власти, послужил толчком для развития предпринимательства.

К концу XIX в. в России сформировался довольно обширный слой образованных купцов, не уступавших европейским представителям капитала. На территории четырех «удмуртских уездов» купечество с учетом потомственных почетных граждан составляло, как и по России в целом 0,2 % населения (3134 человека вместе с членами семей). Занимая небольшой удельный вес, купечество охватило своим влиянием различные сферы социально-экономической и культурной жизни региона за сравнительно небольшой исторический период. Благодаря предпринимательству регион из аграрного превратился в аграрно-промышленный.

Развернув свою деятельность, молодое имперское предпринимательство отличалось тем, что инвестировало «в народ», повышая уровень низовой

---

¹⁰⁸ Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. С. 20.

¹⁰⁹ Там же.

инициативности, аккумулируя народные массы на развитие. Однако, хозяйственная эволюция имела дуалистичный характер, в силу ещё более глубокого дуализма, проистекавшего из сущности имперской модернизации. Развитие капиталистических отношений и рост частной инициативы вели к эмансипации населения. Государство же старалось сохранить монополистический характер в преобразовательной деятельности. Инициативность «низов» вступала в противоречие с линией «верхов», становилась слишком самостоятельной и неконтролируемой, вела к вредоносной для авторитаризма либерализации¹¹⁰. Вместе с тем, либерализация и демократизация, характерные для модернизировавшихся Англии и Франции, не являлись обязательными условиями модернизации как таковой. Учитывая, что весь преобразовательный процесс в России осуществлялся не посредством революционной ломки имевшихся устоев, а опираясь на традицию, и двигаясь по пути эволюционной постепенности, демократизация оставалась в перспективе и следовало ориентироваться на более длительные временные отрезки. Российская модернизация, так или иначе ориентированная на европейский опыт, с этой позиции являлась догоняющей. Преодоление векового отставания не должно было осуществляться в короткие сроки. На больших исторических промежутках модернизация закономерно привела бы к демократизации и либерализации политической жизни, как это происходило во всех странах на протяжении Нового времени¹¹¹.

Проблема российской модернизации заключалась во внутреннем разрыве темпов, предполагаемых государством, и реального развития. Следствием этого явилось представление о верховной власти, как тормозе прогрессивных преобразований. При этом ресурс модернизирования принадлежал государству, которое являлось крупнейшим собственником средств производства.

---

¹¹⁰ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. С. 283.

¹¹¹ Шульц Э. Э. Революция и теория модернизации [Электронный ресурс] URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/06/2/> (дата обращения: 4.08.2017)

Сосредоточив в своих руках богатые природными ресурсами недра, земельные угодья, транспортные пути (как сухопутные, так и водные), заводы и оборонные предприятия, а также взяв под контроль кредитно-денежную систему, оно могло отстаивать роль основного актора модернизации¹¹².

Изначальная опора модернизаторов на традицию, которую выражало крестьянское большинство населения страны, имела свои основания, так как планомерное реформирование не предполагает, в отличие от революции, разрыва с традицией, которая необходима модернизатором в качестве базиса. Культурное наследие, включавшее в себя память поколений и религиозно-нравственные устои обеспечивало государству фундамент для модернизации, вместе с тем играя роль стабилизатора для широких слоев населения, для которых масштабные перемены являлись испытанием¹¹³. В том же случае, когда инновации не уничтожают традиционный уклад, а напротив, базируются на нём, создавая слияние старого и нового, модернизационные процессы протекают менее болезненно.

Однако крестьянство, по мере развёртывания модернизации и развития товарно-денежных отношений, постепенно становилось более самостоятельным и к концу века не являлось копией самого себя образца 1860-х годов. Появление коридоров социальной мобильности (преимущественно вертикального типа) благодаря капитализму, заложило основы для относительного безболезненного раскрестьянивания, принося таким образом кардинальные изменения в крестьянскую психологию, и обозначая начало отрыва от традиции.

Таким образом, опора на традицию и крестьянство, как её выразителя, была закономерна в условиях 1850–60-х гг., однако, в ходе активизации модернизационных процессов, население страны поступательно отходило от традиции, в то время как государство делало ставку именно на традиционность,

---

¹¹² *Алексеев В. В.* Государство как актор модернизации России на рубеже XIX и XX вв. / В. В. Алексеев // Уральский исторический вестник. № 4 (49), 2015. С. 8.

¹¹³ *Штомпка П.* Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-kak-sotsialnoe-standovlenie-10-tezisev-po-modernizatsii> (дата обращения: 3.08.2017)

понимая её в том виде, в каком она существовала в начале пореформенного периода.

Стоит отметить, что крестьянская масса, проходя, с одной стороны, путь психологической эмансипации, а также становясь более самостоятельной в экономической сфере, с другой стороны, оставалась относительно незрелой и незаинтересованной в политических вопросах. В начале пореформенного периода Россия представляла из себя аграрную страну, в которой монархия, опирающаяся на многовековую традицию, с понятным и прозрачным порядком престолонаследия, являлась естественной формой политической организации. Такой уклад гарантировал крестьянам относительную стабильность, уберегал от ненужных перемен, которые в крестьянском представлении, несли с собой больше негативного, чем позитивного.

Закономерно, что проводя социально-экономическую трансформацию, государство, опираясь на традицию, не меняло политического уклада, так как не видело в этом практической необходимости. Существующий строй представлялся верным, и нуждающимся лишь в небольших улучшениях, связанных в первую очередь с повышением обороноспособности государства от внешних угроз и решением крестьянского вопроса. Фрагментарные преобразования и отсутствие чётко выработанной стратегии развития в пореформенный период, свидетельствовали о незавершённости модернизации, её неполном характере. Вторая половина XIX в. застала модернизационный процесс в России на переходной стадии.

§ 1.2. Социально-экономическое развитие региона: общая характеристика

Камско-Вятский регион в пореформенный период носил аграрно-промышленный характер. Являясь составной частью Уральского горно-металлургического округа, он характеризовался общими с ним чертами. С одной стороны – наличие крупных заводов, отражающих тенденции

капиталистического развития; с другой стороны – обширный аграрный сектор с преобладанием примитивных экономических форм многоукладного крестьянского хозяйства.

В конце XIX в. в регионе сложилась устойчивая многоотраслевая специализация промышленного производства (металлургическая, оружейная, кожевенно-сапожная, химическая, стеклоделательная, пищевая, вино-водочная). По неполным данным, его объемы составляли 16,5 млн. рублей, число рабочих без надомников более 30 000 человек. Промышленность (помимо государственных Ижевского и Воткинского заводов) была обязана своим созданием частному капиталу. По мере накопления капиталов, местное предпринимательство получило возможность развернуть активную деятельность и стало устойчиво внедряться в сферу общероссийского капиталистического рынка в течении XIX – начале XX в. По данным статистики на 1889 г. на территории четырех «удмуртских уездов», функционировало 92 заведения. Денежный объем их производительности за один год составлял в среднем 1 тыс. руб. Стоит отметить, что из 92 заведений 53 (57,7%) находилось в сельской местности¹¹⁴. Отрасли, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства, а также добычей и обработкой металлов, получили здесь наибольшее развитие.

В 1895 г. Вятский губернский статистический комитет отмечал, что за текущий год совокупная стоимость товаров, вывезенных за пределы Вятской губернии составила более 12 000 000 рублей. Лидером экспорта стала промышленная продукция – 79,1% от стоимости всех товаров, на частную промышленность из этой доли приходилось 50%. От общей стоимости экспортируемого товара 20% составляла сельскохозяйственная продукция, и около 0,9% продукция крестьянской промышленности¹¹⁵.

Подавляющее большинство населения «удмуртских» уездов составляло крестьянство (93,7%). В городах проживало 37 834 человека (2,8%), а в

---

¹¹⁴ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1193.

¹¹⁵ *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. С. 206.

рабочих посёлках, часть из которых приобрела позже статус городов, проживало 74 063 жителя (5,5%)¹¹⁶.

Из всего земельного фонда 3 221 400 десятин (58,2%) составляли общинные земли крестьян¹¹⁷. В регионе преобладали крестьяне трёх бывших разрядов: государственные (95,5%), удельные (3%), помещичьи (1,5%)¹¹⁸. Средний размер земельного надела равнялся 17,37 десятинам, что было выше официально установленной для многоземельных районов нормы в 15 десятин¹¹⁹. Вместе с тем, стоит учитывать неравномерность распределения земли по крестьянским разрядам. У государственных крестьян на двор приходилось в среднем 18,5 десятин, у удельных и помещичьих 8 и 6 десятин, соответственно, у горнозаводских около 14 десятин. Неравномерно распределялась земля и по уездам: например, в Сарапульском уезде в среднем на двор приходилось 12 десятин земли, в Елабужском размер колебался в пределах 15–16 десятин, в Малмыжском уезде средний размер надела равнялся 20 десятинам, а в Глазовском 22 десятинам¹²⁰.

Опираясь на градацию крестьянских хозяйств, предложенную М. М. Мартыновой: 1) без земли; имевшие до 10 десятин; 2) 11–25 десятин; 3) более 25 десятин¹²¹, мы прибавляем ещё одну категорию крестьян, пятую, чьи дворы были наделены свыше 50 десятин земли. Выделение подобных хозяйств, несмотря на их немногочисленность, обусловлено усложнением экономической структуры деревни, повышенной товаризацией, развитием более высоких форм крестьянского промышленного производства, что

---

¹¹⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятская губерния. СПб, 1904. Т. 10. С. 3.

¹¹⁷ История Удмуртии: Конец XV– начало XX века/ Под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 278

¹¹⁸ История Удмуртии: XX в. /Под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. С. 277.

¹¹⁹ Там же. С. 279.

¹²⁰ Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века / М. М. Мартынова //Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. Ижевск, 1981. С. 10.

¹²¹ Там же.

создавало почву для накопления капитала, развития современных форм хозяйствования.

Таким образом, по размерам земельных наделов, мы делим крестьянство на пять групп: 1) безземельные; 2) бедные (с наделами до 10 десятин); 3) средние (от 10 до 25 десятин); 4) зажиточные (от 25 до 50 десятин); 5) богатые (свыше 50 десятин). Данная градация базируется на среднестатистических данных, целью которых было продемонстрировать общую картину состояния деревни, с учетом особенностей развития каждого из исследуемых уездов. Данные статистического материала указывают на процессы расслоения русского крестьянства.

Под **расслоением** понимается процесс, при котором разница в экономическом положении разных групп крестьян, становится очевидной. Однако, расслоение, не подразумевает резкую поляризацию крестьянского сословия. Основную массу крестьян составляли середняки. Несмотря на наличие двух прослоек – беднейшего крестьянства и богатейшего, размывания прослойки крестьян, оказавшейся между двумя антагонистическими полюсами деревни, не происходило. Антагонизм бедняков и богачей также не является при расслоении крестьянства фактором,двигающим социально-экономическое развитие деревни. Расслоение, в данном случае само по себе не сопровождалось кризисом аграрного сектора, а лишь обозначало начало процессов дифференциации. Формирование основных прослоек крестьянства – бедного, среднего, зажиточного и богатого являлось проявлением прогрессивных явлений, нежели маркером упадка деревни, который закономерно следует за радикальным обеднением одной части крестьянства и одновременным обогащением за счёт неё другой части. Другими словами, расслоение крестьянства являлось закономерным процессом в развитии капиталистических отношений внутри аграрного сектора, затрагивавшим, главным образом, экономическую сферу, не обозначая кардинальных изменений в сфере социальной.

В свою очередь, под **разложением** крестьянства мы понимаем процесс, обозначающий состояние кризиса в аграрном секторе, при котором имущественная дифференциация вела к социальной дифференциации с поляризацией социальных групп, процессом обнищания одной из групп, обозначением антагонизма между ними.

Процессы дифференциации наиболее полно изучены на материалах титульного этноса Удмуртии. При этом, исследователи, проводя сравнительный анализ полиэтнического состава, отмечали, что среди русского крестьянства темпы имущественного расслоения были значительно выше, чем среди удмуртского.

В пореформенный период широкое распространение получили внеземледельческие занятия. Значительное влияние на развитие промысловой деятельности оказали капиталистические процессы, в том числе расслоение крестьянства как их следствие. Исследователи отмечали, что более половины населения должны были много работать, чтобы выплачивать все необходимые повинности и кормить семью. Для этого зачастую не хватало только продуктов земледелия, что вынуждало крестьян обращаться к другим занятиям¹²².

Внеземледельческая деятельность крестьянства подразделялась на местную и отхожую. Местными промыслами к концу XIX в. было охвачено около 17% населения четырех «удмуртских уездов. Преобладали работы по найму (59% крестьян), на втором месте располагались обрабатывающие промыслы, связанные с товарным производством (34,4% крестьян). При этом, следует отметить, что домашней формой производства (ткачество, шитье, вязание, столярничество) был занят каждый крестьянский двор. В третью категорию внеземледельческих работ вошли добывающие промыслы: охота, рыболовство, пчеловодство (4,6%).

Говоря об отхожих промыслах, нужно отметить, что в Удмуртии пореформенного периода преобладающим был отход, в основном связанный

---

¹²² Вятские губернские ведомости. 1865. № 33. С. 67.

с обслуживанием горнозаводской промышленности: 11 737 крестьян занимались заготовкой и доставкой дров для заводов; 9 137 человек уходило на заводы Урала и пермские прииски; 4 690 крестьян были заняты на лесозаготовках и сплаве леса; 1 052 крестьянина являлись кустарями-отходниками¹²³.

Удмуртия располагалась в междуречье Камы и Вятки. Её территорию испещряла сеть рек, имеющих условия для развития речного транспорта. Судоходными путями являлись полноводные – Кама, Вятка и Чепца. Ряд более мелких рек – Сива, Иж, Тойма, Кильмезь, были сплавными, по ним могли ходить средние и малые суда. Речная система входила в качестве составной части в Волго-Балтийское – Северо-Двинское водное сообщение. Благодаря системе каналов, соединяющих реки между собой, водные грузы с территории «удмуртских уездов» перевозили к Каспию, Балтике и Белому морю, что способствовало развитию вширь и вглубь внутреннего рынка, включению в товарно-денежные отношения самых отдаленных деревень.

Помимо водных артерий, развивались и сухопутные пути, тесно связанные с речной системой перевозок. Важно отметить, что грунтовые дороги играли решающую роль во внутренних связях на междуездном и межволостном уровнях. Связующую роль на губернском и общероссийском уровне играл Великий сибирский путь, проходящий с юго-запада на северо-восток по всей территории Камско-Вятского региона. Проблема развития грунтовых дорог заключалась в низкой плотности заселения «удмуртских уездов», слабой урбанизации, разбросанности населенных пунктов.

В совокупности транспортные пути позволили в пореформенный период интегрироваться в инфраструктуру Урала и Европейской части России. Водные системы и сухопутные дороги стали одним из важнейших факторов развития модернизационных процессов второй половины XIX в. По данным источников на территории Камско-Вятского региона сложилась сеть

---

¹²³ История Удмуртии: XV – начало XX в. / Под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. С. 296.

торговых центров с регулярно функционирующими ярмарками, торжками, базарами, на которых реализовывалась крестьянская сельскохозяйственная и кустарная продукция¹²⁴.

На уровне периодической сферы местного рынка происходило формирование оптовой сельскохозяйственной торговли. Например, в 1882 г. было приобретено 2 398 275 пудов всей сельскохозяйственной продукции. Из этого товара 80% составляли рожь, мука и овес (примерно 5% годового запаса зерна на 1882 г.). За пределы «удмуртских» уездов вывозили лишь 5,7% зерновых, в то время как 94,3% оседали на местах, что указывает на потребительский характер сельского хозяйства. Из произведенного хлеба 31,1% оставался у крестьян для посева, а более 60% потреблялось населением и также шло на корм скоту. Стоит отметить, что из Глазовского уезда вывозилась рожь (22 тыс. пуд.) и овес (20 тыс. пуд.), что составляло 0,09% годового запаса зерна. Хлебные грузы в общем объеме всей вывозимой товарной продукции в 80-е гг. XIX в. имели долю около 16 %¹²⁵.

Таким образом, социально-экономическое развитие края развивалось в контексте общих для всей страны направлений – активизации модернизационных процессов и капитализации экономической жизни. Будучи органической частью Уральского горно-металлургического округа, рассматриваемые уезды прочно вошли в общероссийскую экономическую систему.

Значительное влияние в уездах с преобладающим крестьянским населением (в «удмуртских» уездах – 93,7%) играла сельская община и общинные отношения. В то же время, в городах этих уездов уже с 1870-х гг., после проведения городской реформы, начался процесс разрушения общинных отношений. Нужно отметить, что на протяжении пореформенного периода происходило экономическое обособление города от деревни, размежевание с аграрной структурой и превращение в самостоятельные

---

¹²⁴ ГАКО. Ф. 574. Оп.1. Д. 974. Л. 28–93.

¹²⁵ ГАКО. Ф. 574. Оп.1. Д. 1146. Л. 17–50.

центры промышленного и культурного развития. Однако урбанизация в Удмуртии шла медленнее, чем в целом по России. Деревенская жизнь в определенном смысле замкнулась в себе, социально-экономическое развитие двинулось по отдельному пути.

Община, как основа жизни подавляющей части населения – крестьянства, имела свои специфические черты, связанные с полиэтническим составом четырёх рассматриваемых уездов. Удмурты, более склонные к традиции и консерватизму по сравнению с русскими крестьянами, пытались на протяжении второй половины XIX в. сохранить общинные отношения в относительно устойчивом и эффективном виде. У них продолжали соблюдаться принципы уравнительного землепользования, что в сочетании с невысоким темпом имущественной дифференциации, позволяло сохранять определенное равенство и обеспечивать социальную стабильность внутри удмуртской деревни. Вместе с тем, на протяжении пореформенного периода происходило размывание монолитности проживания удмуртского этноса. К концу XIX в. замкнутых удмуртских волостей не осталось, их состав стал полиэтническим¹²⁶. Процесс перехода от этнически-закрытого проживания достиг и самого ядра общины – не только в рамках волостей, но и в рамках населенных пунктов крестьяне различных этносов проживали рядом, а иногда и совместно.

Под влиянием русских соседей, а также объективной трансформации устоявшихся порядков в ходе активизации модернизационных процессов, удмуртская община переживала структурные изменения. Они коснулись как органов самоуправления, где на первый план стали выступать проблемы имущественной дифференциации и связанных с ней противоречий между богатым и бедным крестьянством, так и низовой социальной организации вплоть до семейного устройства, где идёт характерный для периода

---

¹²⁶ Первая всеобщая перепись населения российской империи. 1897 г. Вятская губерния. СПб, 1904. С. 86–89.

трансформации традиционного уклада распад большой патриархальной семьи и генезис малой нуклеарной.

Соседство двух преобладающих этносов в границах «удмуртских» уездов обусловило взаимовлияние их общинных укладов, простиравшихся на различные сферы деревенской жизни. Община русских крестьян, более подверженная влиянию модернизации, разлагалась сравнительно быстрее, чем община удмуртов. Имущественная дифференциация обусловила столкновение интересов различных групп крестьянства внутри общинного уклада. Богатое крестьянство стремилось упрочить и улучшить своё положение. Пользуясь системой чересполосного хозяйства, эта прослойка забирала себе самые благоприятные для земледелия полосы, нарушая при этом, принципы уравнительного распределения земель. По сути, это являлось подрывом традиционного уклада общины изнутри.

Перераспределение земель в условиях активизации модернизационных процессов претерпевало значительные изменения. Наделы выделялись не по ревизским душам, как это было принято раньше, а по наличным душам мужского пола. Поскольку обновленная система вступала в силу постепенно, в уездах можно было наблюдать как устаревшие формы распределения по ревизиям, так и обновленные – по наличным душам или экономическому положению крестьянских хозяйств. Ещё одним важным новшеством, своеобразной меткой основных тенденций социально-экономического развития пореформенного периода, являлась практика наделения землёй женщин¹²⁷.

Динамика развития общинных отношений ярко отразилась в сфере выплат государственных платежей и повинностей. Фактически, крестьянство, являясь самым многочисленным сословием страны, несло на себе тяжесть налогового бремени. Они обязаны были обеспечивать многочисленные подати, сборы и платежи, а также погашать ссуды в случае неурожая,

---

¹²⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1892. С. 19–22.

которые были нередки в Удмуртии пореформенного периода. Помимо денежных выплат, крестьянская община была обложена различными натуральными повинностями. Всё это приводило к тому, что совокупный доход крестьянских хозяйств оказывался ниже, чем общая сумма всех выплачиваемых ими налогов. Деревня оказывалась в долгах. К концу XIX века крестьяне Удмуртии задолжали свыше 50% относительно объёма налоговых платежей за год¹²⁸.

В пореформенный период окрепла круговая порука крестьян-общинников, навязанная деревне государством ещё в XVIII в¹²⁹. В условиях имущественного расслоения обязанность выплачивать установленные правительством налоги коллективно и нести общую ответственность за недоимки была максимально невыгодна для крестьян, вне зависимости от их экономического положения. Беднейшее крестьянство могло лишиться по решению сельского схода последнего имущества для погашения долгов, богатое крестьянство могло понести тяжесть выплат за бедняков, в случае невозможности погасить недоимки.

Взаимное влияние русского и удмуртского этносов в рамках общинного уклада крестьянской жизни прослеживается в динамике соотношения традиции и инновации, привнесённой модернизацией. Несмотря на очевидное превалирование тенденций на трансформацию устоявшихся порядков деревенской жизни, ретранслятором которой выступало в первую очередь русское крестьянство, удмуртская часть деревенского населения не являлась пассивным ведомым элементом разворачивающихся процессов.

Рассматривая развитие четырёх уездов, как единого пространства, необходимо осветить особенности агротехнического комплекса. Наряду с широким использованием трёхпольной системы в Камско-Вятском регионе пореформенного периода встречается двухполье, что является особенностью севооборота рассматриваемой территории. Учитывая многоземельность

---

¹²⁸ Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России (1861–1895 гг). // «Записки» УдНИИ, вып. 17. Ижевск, 1955. С. 147.

¹²⁹ ГАКО. Ф. 108, Оп. 2, Д. 152, Л. 42.

крестьянских наделов региона (что особенно касается именно удмуртского населения) необходимо указать на попытки внедрения богатыми крестьянами системы многополья. Инновации встречали одобрение и посильную помощь правительственных структур и земства, но оказались убыточными, в силу диспропорции в расходах на осуществление агрикультурных мероприятий и доходов, получаемых от данных хозяйств.

Отдельного упоминания заслуживает развитие инвентарной базы сельского хозяйства «удмуртских» уездов. Сельскохозяйственные орудия отличались разнообразием видов и подвидов, обусловленных различным качеством почв и особенностями природно-климатических условий четырёх уездов Удмуртии. Важно отметить, что усовершенствование конструкций шло более высокими темпами в секторе почвообрабатывающих принадлежностей, в то время как орудия уборки урожая практически не развивались¹³⁰. При этом, часть орудий труда крестьян была многофункциональной и взаимозаменяемой.

Касаясь почвообрабатывающих орудий сельскохозяйственного труда на территории «удмуртских уездов» в пореформенный период, необходимо выделить двуральную соху с перекладной полицей, представлявшей собой суженную к низу лопатку, переворачивающую срезанную землю. Эта соха получила в «удмуртских» уездах Вятской губернии наименование «вотской», из-за того, что чаще других этносов её использовали удмуртские крестьяне. Однако и представители других этносов Удмуртии пользовались «вотской» сохой при вспашке земель. От других почвообрабатывающих приспособлений эту соху выгодно отличал лёгкий вес, что позволяло повысить маневренность¹³¹. Вместе с тем, лёгкий вес выступал препятствием при глубокой вспашке, особенно если дело касалось почв высокой плотности. «Вотская» соха представляла собой «золотую середину», являясь гибридом архаических пахотных орудий неглубокой обработки с одной

---

¹³⁰ История Удмуртии: XX в. / Под ред. К. И. Куликова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. С. 287.

¹³¹ Там же.

стороны, и более современных орудий, направленных на интенсивную обработку земли, с другой стороны¹³². Широкое использование «вотской» сохи различными этносами четырёх «удмуртских» уездов свидетельствует об общности традиций и хозяйственных приёмов крестьян, проживавших на данной территории.

На протяжении второй половины XIX в. происходит дальнейшее усовершенствование орудий труда сельского населения, что было тесно связано с активизацией модернизационных процессов и возрастающей товаризацией крестьянских хозяйств. Из распространенных среди полиэтнического населения четырёх «удмуртских» уездов Вятской губернии следует выделить курашимки, чегандинки и кунгурки. Примечательно, что эти сохи получали наименования по волостям, в которых использовались и усовершенствовались. Однако модернизация коснулась только орудий пахоты, орудия уборки оставались довольно примитивными. Чаще всего использовали серпы, косы и грабли. В годы сильных неурожаев крестьяне зачастую собирали выращенное голыми руками.

Образование внутреннего рынка на модернизированные сельхозорудия и машины было обусловлено развитием товарного хозяйства. Традиционные способы и приспособления обработки земли не могли обеспечить необходимые темпы и объёмы сельскохозяйственного производства. Богатые слои деревни, будь то русское или удмуртское крестьянство, развивая свои хозяйства с ориентацией на развивающийся рынок, могли использовать имевшиеся у них свободные средства для приобретения лучшего сельскохозяйственного инвентаря.

Возрастающий спрос на современные орудия труда рождал предложение различных кустарей-промысловиков, стимулируя тем самым развитие крестьянской промышленности¹³³. Важно отметить, что изготовители орудий ориентировались на местную специфику и учитывали множество локальных

---

¹³² Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907. С. 48.

¹³³ Лигенко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60 – 90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991. С. 29.

факторов, характерных для «удмуртских» уездов, тем самым придавая своим изделиям собственные уникальные черты.

Помощь в развитии интенсификации крестьянской экономики оказывали правительственные учреждения и органы местного самоуправления – земские учреждения. Однако их попытки привести инновации в развитие деревенского хозяйства сталкивались с консерватизмом подавляющей части сельского населения. Крестьянам привычнее и дешевле было приобретать продукцию местных кустарей, чем пользоваться дорогими и сложными в эксплуатации машинами.

Таким образом, законодательные нормы, природно-географические, социально-экономические условия, этно-конфессиональный фактор, находясь в тесной взаимосвязи, по-разному влияли на развитие крестьянского социума, в том числе, являлись основой формирования как общих, так и специфических особенностей, характерных для четырех «удмуртских уездов». Превалирующие этносы – русские и удмурты, демонстрировали явно выраженную динамику в хозяйственных и культурных связях на всём протяжении второй половины XIX века. Влияние их взаимодействий внутри аграрного сектора отражалось на общинной структуре, распространении инновационных методов и приспособлений в сельском хозяйстве, а также на трансформацию традиционного уклада сельской жизни. Крестьянский консерватизм был в целом характерен для всего сословия, без деления его на категории, разряды и национальности. Однако русское крестьянство региона являлось более прогрессивным и быстроразвивающимся, в то время как удмуртское крестьянство в силу объективных причин развивалось более медленными темпами. Разнообразие форм межэтнических связей обусловило уникальность развития «удмуртских уездов» в пореформенный период, что позволяет рассматривать их как единое социально-экономическое и культурное пространство.

§ 1.3. Параметры демографического развития крестьянского сословия

Миграционные процессы русского крестьянства, с активной включенностью Камско-Вятского региона, являются серьезным компонентом в создании картины его жизни, поскольку дают возможность проследить пути формирования традиционной культуры, а также её особенности, связанные с взаимовлиянием и взаимопроникновением различных этнических традиций.

Переселенческие процессы оказали значительное влияние на развитие повседневной жизни крестьянства региона. Согласно данным Н. В. Пислегина, до середины XVIII в. в основном осваивались земли, которые примыкали к территории современной Удмуртии, а со второй половины XVIII в. появляются русские селения внутри «удмуртских уездов»¹³⁴. Расширение внутренней миграции было связано с развитием промышленности. Воткинский и Ижевский заводы, основанные в 1759 и 1760 гг. заселялись русскими приписными крестьянами, составлявшими основную часть населения посёлков¹³⁵. К концу XVIII в., русское население занимало левобережье Вятки, низовья Чепцы, правобережье и часть левого берега Камы, при этом, осваивая верховья этих рек, а также заселяя притоки Камы и Вятки¹³⁶. Стоит отметить, что нижнее течение Вятки было заселено марийцами и татарами, в то время как основная масса удмуртского населения, проживала на территории, на север ограниченной верховьями притоков Чепцы, на юго-востоке правым берегом Ижа, на западе рекой Лумпунь, а на юге нижним течением рек Тойма, Ерыкса и Умяк¹³⁷.

---

¹³⁴ Пислегин Н. В. Русские селения Удмуртского Прикамья XVIII в. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-seleniya-udmurtskogo-prikamya-xviii-v> (дата обращения: 10.01.2019).

¹³⁵ История Удмуртии: Конец XV начало XX века. Ижевск, 2004. С. 22–23.

¹³⁶ Гришкина М. В., Берестова Е. М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века. Ижевск, 2006. С. 42.

¹³⁷ Там же. С. 43.

Миграционные процессы, происходившие в XVII – XVIII вв., оказали значительное влияние на социально-экономическое и культурное развитие края, что выразилось в расширении пахотных площадей за счёт сокращения площадей под лесом, развитии инфраструктуры, росте числа деревень, а также появлении крупных сел с православными храмами. Расселение приняло законченную форму на протяжении XVIII в. Правый и часть левого берегов Камы, низовья Чепцы, а также левобережье Вятки заняло русское население.

Внутренняя миграция продолжалась на протяжении первой половины XIX в., однако никаких значительных изменений в её характере, по сравнению с XVIII в., не наблюдалось. С середины века начинается массовый приток русского населения, в следствие нарастания земельного голода. Середина века, до реформ Александра II, стала временем большого наплыва русских-переселенцев, причём прирост населения происходил за счёт тех русских крестьян, которые до этого проживали на территории русских районов Вятской губернии¹³⁸.

Формирование межличностных отношений на различных уровнях деревенской жизни в полиэтническом регионе происходило на протяжении нескольких веков и продолжилось во второй половине XIX в. в условиях активизации модернизационных процессов. Для построения картины взаимовлияния и взаимопроникновения традиционной культуры этносов, необходимо проанализировать нюансы демографических процессов по каждому из четырех уездов.

Материалы, собранные сотрудниками Вятского губернского статистического комитета, представленные в Таблице 1, позволяют увидеть картину этнического многообразия и количественного соотношения представителей различных этносов по уездам.

---

¹³⁸ Пислегин Н. В. Русские Удмуртского Прикамья: к истории колонизации в дореформенный период [Электронный ресурс] URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=104> (дата обращения: 18.09.2016)

Таблица 1. Численное соотношение различных этносов «удмуртских уездов» Камско-Вятского региона в последней четверти XIX в.

Уезд	Русские (%)	Удмурты (%)	Татары (%)	Пермяки (%)	Марийцы (%)	Башкиры (%)	Бесермяне (%)	Всего
Глазовский	168 782 (50,5)	136 526 (40,8)	14 561 (4,3)	7132 (2,1)			6931 (2,1)	333 932
Сарапульский	229 981 (68,3)	91 290 (27,1)	5756 (1,7)		2121 (0,6)	7453 (2,2)		336 601
Малмыжский	120 128 (50,7)	58 388 (24,7)	48 830 (20,7)		9228 (3,9)			236 574
Елабужский	100 170 (51,6)	47 928 (24,6)	30 010 (15,5)		6330 (3,3)	9902 (5)		194 340
Итого	619 061	334 132	99 157	7132	17 679	17 355	6931	1 101 447

Примечания: Серым цветом обозначено отсутствие этноса в указанном уезде.

Источники: Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 500; Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 184; Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 5; Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 768.

Очевидным представляется численное превосходство русского населения, причем если в Глазовском, Малмыжском и Елабужском уездах доля русских примерно одинакова и находится в районе 50%, то в Сарапульском уезде доля значительно выше – 68,3%. Второе по численности место занимает коренной этнос – удмурты, чья доля наиболее высока в Глазовском уезде – 40,8%, а в остальных колеблется от 24,6% до 27,1%. Отдельного упоминания заслуживают татары, их доля достаточно высока в Малмыжском (20,7%) и Елабужском (15,5%) уездах, но незначительна в Глазовском (4,3%) и Сарапульском (1,7%) уездах. Стоит отметить, что пермяки, марийцы, башкиры, бесермяне были представлены в четырёх «удмуртских» уездах фрагментарно и не оказывали формирующего влияния на развитие уездов.

По данным подворной описи 1891 г., население **Глазовского уезда** составляли пять этносов: русские, удмурты, пермяки, татары, бесермяне¹³⁹.

¹³⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 768.

Всего в уезде насчитывалось 249 крестьянских обществ русских государственных крестьян (включая население Песковского, Омутнинского, Залазинского и Пудемского заводов)¹⁴⁰. Ещё в начале XIX в. а Глазовском уезде проживало всего около 20 000 русских (учитывались души мужского пола), но уже к 1830-м гг. их численность выросла на 54 %¹⁴¹. Рост переселенческой активности был связан с малоземельем, и вызванным им земельным голодом, в западных уездах Вятской губернии.

Число селений равнялось 1975, в них было 26 194 двора, в которых проживало 161 527 человек обоего пола, что составляло 48,3% от всего населения уезда. Из них 77 948 мужчин и 83 579 женщин, однако, если учесть всё приписное население уезда, в том числе не проживавших на его территории, то разница в численности несколько сокращалась в пользу мужского населения (81 029 мужчин против 85 837 женщин)¹⁴².

Обращает на себя внимание дисбаланс в половозрастном составе населения. Так, среди мужчин, по сравнению с женским населением, был выше процент детей (от 0 до 18 лет у мужчин и от 0 до 16 лет у женщин) – 44,1% и 39,3% соответственно¹⁴³. Стоит учитывать, что особенно большой перевес наблюдался в категории от 7 до 14 лет, возрастном промежутке, когда дети уже были включены в рабочий процесс, но ещё не могли выступать его неотъемлемой, основной частью. При этом, преобладающая часть населения в рабочем возрасте (от 18 до 60 лет у мужчин и от 16 до 55 у женщин) имела процентное соотношение в пользу женского населения – 49% мужчин и 51% женщин¹⁴⁴.

---

¹⁴⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 724.

¹⁴¹ Пислегин Н. В. Русские Удмуртского Прикамья: к истории колонизации в дореформенный период [Электронный ресурс] URL: <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=104> (дата обращения: 29.11.2015).

¹⁴² Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 725.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

Отличительная особенность Глазовского уезда состояла в функционировании горнозаводских предприятий (Песковского, Омутнинского, Залазинского и Пудемского заводов) на базе залежей железной руды¹⁴⁵. Вокруг «заводов» в основном было сосредоточено русское население, представленное горнозаводскими крестьянами в составе четырех крестьянских обществ. Число селений равнялось 11, в них находилось 1422 двора, в которых проживало 7225 (4,2% от числа русских в уезде) человек обоего пола¹⁴⁶. Дисбаланс по половозрастной характеристике здесь не выделялся так, как в разряде государственных крестьян, группы находились в относительном равновесии. Тем не менее, преобладающая часть русского горнозаводского крестьянства в рабочем возрасте имела незначительный процентный перевес в сторону лиц мужского пола – 49% против 48,3% – женщин¹⁴⁷. Ещё одна категория русского крестьянского населения – это богатые крестьяне-собственники, приобретшие земельные угодья в собственность. Они проживали одним крестьянским обществом, в 2 селениях, в 4 дворах. Численность лиц обоего пола равнялась 30, преобладали женщины – 17 человек¹⁴⁸. Закономерно процентное соотношение населения в рабочем возрасте в пользу женщин – 56,6% против 38,4% мужчин. Преобладание русских в Глазовском уезде отчасти объяснялось наличием горных заводов, население которых было моноэтническим¹⁴⁹.

По данным подворной описи **Сарапульского уезда**, проведённой в 1890 г., население составляли: русские, удмурты, марийцы, башкиры и татары. Русское крестьянство было представлено следующими разрядами: государственные, удельные, бывшие помещичьи, собственники и сельские

---

¹⁴⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 724.

¹⁴⁶ Там же. С. 747.

¹⁴⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 748.

¹⁴⁸ Там же. С. 769.

¹⁴⁹ Там же.

обыватели¹⁵⁰. Общая численность русского населения уезда равнялась 229 895 человек (68,2%). Русские государственные крестьяне, проживавшие в 36 волостях уезда, а также в слободе при уездном центре Сарапуле и в Ижевском и Воткинском заводских посёлках, составляли 72 634 человек обоего пола (31,5%) в 12 301 дворах 492 селений¹⁵¹. Женщин было больше, чем мужчин – 51,5% против 48,4%¹⁵². Причём практически такое же процентное соотношение было в категории взрослого работоспособного населения (от 18 до 60 лет у мужчин и от 16 до 55 у женщин). Среди мужского населения выше был процент детей в возрасте от 7 до 14 лет относительно девочек в возрасте от 7 до 12 лет – 15,2% против 10,9% соответственно¹⁵³.

Удельные русские крестьяне проживали 127 сельскими обществами, в 209 селениях, 14 111 дворах. Их численность составляла 84 274 человек обоего пола (36,6%)¹⁵⁴. Здесь, как и в разряде государственных крестьян, незначительное численное преобладание было за женщинами – 42 901 (50,9%), в то время как количество мужчин равнялось 41 373 (49%). Половозрастная характеристика в среде удельного крестьянства не выделялась на фоне русского государственного крестьянства уезда и была практически идентична в процентном отношении, с той лишь разницей, что доли женщин и мужчин в категории взрослого работоспособного населения были практически равны¹⁵⁵.

Бывшие помещицы крестьяне проживали 4 сельскими обществами в 6 селениях, в 278 дворах. Общая их численность была относительно невелика, всего лишь 1872 человека обоего пола (2,2%). Женщин было больше, чем мужчин, в процентном соотношении – 52% против 47%, перевес более

---

¹⁵⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 498.

¹⁵¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 499.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же. С. 500.

¹⁵⁴ Там же. С. 499.

¹⁵⁵ Там же. С. 500.

заметный, по сравнению с разрядами государственных и удельных¹⁵⁶. Половозрастная характеристика отличалась здесь тем, что детей мужского пола (в возрасте от 0 до 18 лет) было значительно больше – 43,4%, чем детей женского пола (в возрасте от 0 до 16 лет) – 35,2%.

Крестьяне-собственники проживали одним крестьянским обществом, в 103 дворах. Численность населения составляла 670 человек обоего пола, среди которых было 310 мужчин и 360 женщин. При общем количественном преобладании лиц женского пола, в процентном соотношении взрослого работоспособного населения, мужская часть была больше, чем женская – 48,8% против 47,8%¹⁵⁷. При этом в половозрастном аспекте обращает на себя внимание, перевес детей женского пола в возрасте от 0 до 7 лет, относительно детей мужского пола в той же возрастной категории – 24,6% и 19,3% соответственно. Численность сельских обывателей, проживавших в 36 волостях и заводских посёлках равнялась 70 445 человек. Они проживали 103 сельскими обществами в 139 селениях, в 13 790 дворах. В отношении половозрастной характеристики, в рассматриваемом разряде крестьян не было существенных отличий от предыдущих.

Значительная часть селений Сарапульского уезда была основана во второй половине XVIII – начале XIX в., однако некоторые поселения либо образовались, либо полностью поменяли этнический состав именно в пореформенный период. Так, в Больше-Норьинской волости, из 22 населённых пунктов, в 10 проживали русские, пришедшие из Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губернии в период с 1870 по 1888 гг. Часть из них относилась к разряду бывших оружейных мастеровых и прибыла из Ижевского завода, остальные относились к разряду государственных крестьян¹⁵⁸.

---

¹⁵⁶ Там же. С. 499.

¹⁵⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 500.

¹⁵⁸ Там же. С. 9–11.

В Больше-Пургинской волости 12 из 40 населённых пунктов жителями являлись русские крестьяне, переселившиеся, преимущественно, из Вятского, Глазовского, Нолинского, Уржумского, Слободского и Малмыжского уездов Вятской губернии в период с 1867 по 1882 гг.¹⁵⁹ Стоит отметить, что в 2 из 12 поселений – починке Беляевском и починке Заречный Четкер, русские проживали совместно с удмуртами, однако последние не являлись коренными жителями, а были переселенцами. Также, в починке Кабанове, располагавшемся при речке Чумойке, наряду с русскими государственными крестьянами, представителями официальной церкви, поселились старообрядцы из поморов¹⁶⁰.

Из 31 поселения Бурановской волости, лишь два были заселены, либо основаны в пореформенный период – починок Вараксин, основанный в 1868 г. русскими государственными и удельными крестьянами, а также сельскими обывателями, переселившимися из Михайловского и Госпитального обществ Ижевского завода, и починок Ильинский, находившийся в 35 верстах от уездного центра, который возник в 1867 г., когда переселенцы (русские сельские обыватели) приехали из деревни Вожовки и села Мостовинского Мостовинской волости. Позже, в 1877 г. здесь же поселились удельные крестьяне, которые раньше арендовали у ильинцев землю¹⁶¹.

В Дебесской волости 9 из 48 починок были основаны переселенцами в пореформенный период. Интересной деталью является то, что русское пришлое население не всегда оказывалось основателем новых поселений, а приходило уже в существующие, недавно появившиеся починки и деревни. Так, починок Верхний Силыз, который населяли русские и удмуртские государственные крестьяне, был основан удмуртами, а русские переселенцы появились в 1869 г. из деревни Новый починок Больше-Сосновской волости

---

¹⁵⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. Приложения к подворной описи. С. 12–17.

¹⁶⁰ Там же. С. 16.

¹⁶¹ Там же. С. 20.

Оханского уезда Пермской губернии¹⁶². В починке Байкашур, помимо основавших его удмуртов, проживал один русский государственный крестьянин, переселившийся в 1880 г. из починка Синькагурт¹⁶³.

Из 38 селений Завьяловской волости – 7 были основаны русскими переселенцами, в период с 1866 по 1885 гг. Значительная часть переселенцев относилась к разряду государственных крестьян и приехала из Ижевского завода¹⁶⁴. Важно указать, что отмена крепостного права, давшая толчок миграционным процессам в крестьянской среде, для крестьян, приписанных к заводу, возымела действие позже, чем для основной массы сельского населения. Причиной послужило особое «Положение о перечислении в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому оружейному заводу людей», увидевшее свет лишь 22 ноября 1866 г. Основателями населённых пунктов могли становиться не только семьи и общества крестьян, но и одиночки. Например, деревня Денисовская Петропавловской волости, получила своё название в честь основателя – солдата по имени Денис, который приехал из починка Жареного, спасаясь от разбойников. Деревню населяли русские удельные крестьяне, представители официального православия и старообрядцы¹⁶⁵.

Известны примеры вытеснения переселенцами коренных этносов с обжитых земель. Так, починок Курочкин Светлянской волости изначально был полностью заселён удмуртами. Однако, в 1869 г. русские государственные крестьяне из Ворсинской и Ходыревской волостей Нолинского уезда переселились в починок, и удмуртское население постепенно переместилось на новое местожительство¹⁶⁶. Схожая картина наблюдалась в починке Мужбер Чутырской волости, где территория, изначально заселённая удмуртами, заполнилась русскими крестьянами,

---

¹⁶² Там же. С. 32.

¹⁶³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. Приложения к подворной описи. С. 38.

¹⁶⁴ Там же. С. 42.

¹⁶⁵ Там же. С. 92.

¹⁶⁶ Там же. С. 118.

переселившимися в 1881 г. из деревни Кленовской Леденцовской волости Глазовского уезда¹⁶⁷. Несколько иначе развивалась ситуация в починке Старый Шегьян Шарканской волости. Население его состояло из русских и удмуртских государственных крестьян, исповедовавших православие. Починок изначально был заселён исключительно удмуртами, которые позже ушли в деревню Нижний Казет. Однако, часть из них, в 1887 г. вернулась обратно в родной починок, и приняла православное вероисповедание¹⁶⁸. Учитывая фактор принятия удмуртами иного вероисповедания, можно предположить, что причина их ухода с обжитых мест лежала в области мировоззрения. Часть удмуртов продолжала исповедовать язычество, совместное проживание с православными переселенцами было для них затруднительно.

Опираясь на приведённые данные, представляется возможным обозначить основные тенденции и характерные черты переселений русских крестьян на территории Сарапульского уезда. Во-первых, важно отметить, что значительное влияние на темпы и объёмы миграции русских крестьян в пореформенный период оказала отмена крепостного права для работников Ижевского и Воткинского заводов, благодаря которой, бывшие работники получали возможность либо обосноваться в починках, либо получали свой надел. Во-вторых, новые поселения могли быть основаны не только большими группами переселенцев, но и одиночками, что, на наш взгляд, свидетельствовало о достаточно высоком уровне социальной и психологической организации переселенцев. В-третьих, динамика взаимоотношений коренного и пришлого населения не отличалась однозначностью. Русские переселенцы не ассимилировались в удмуртской среде, сохраняя обособленность или же существуя в добрососедских отношениях. Вместе с тем, коренное население в отдельных случаях вынуждено было покинуть свои земли, уступая территории русским. Данное

---

¹⁶⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. Приложения к подворной описи. С. 149.

¹⁶⁸ Там же. С. 155.

обстоятельство не приводило к возникновению конфликтов, так как представители русского и удмуртского этносов продолжали существовать обособленно, сохраняя традиционную культуру.

По данным подворной описи **Малмыжского уезда**, проведённой в 1884 г., население составляли: русские, удмурты, марийцы и татары. Русское крестьянство было представлено следующими разрядами: государственные, удельные, бывшие помещичьи. Общая численность русского населения уезда равнялась 120 128 человек (50,7%)¹⁶⁹. Русские государственные крестьяне проживали общим количеством 114 453 человек обоего пола (48,3% от всего населения уезда) в 18 738 дворах. Женщин было больше, чем мужчин – 60 547 против 53906¹⁷⁰. Обращает на себя внимание разница в долях рабочего населения – 51,5% женщин и 47% мужчин, тогда как относительные доли населения в нерабочем возрасте ниже была у женщин – 37,6% против 41,3% у мужчин¹⁷¹.

Удельные крестьяне проживали в 199 дворах, общим количеством 1243 человек обоего пола. Так же, как и в разряде государственных крестьян, здесь наблюдался дисбаланс в половозрастном составе населения. Женщин было больше, чем мужчин – 642 против 601. Причём, как и в выше рассмотренной категории крестьянства, доля населения в рабочем возрасте была выше у женщин, чем у мужчин (48,7% и 45,2%, соответственно), а доли нерабочего населения, давали обратную пропорцию – 41,9% мужчин и 39,5% женщин¹⁷².

Бывшие помещичьи крестьяне проживали в 731 дворе, общим количеством 4432 человек обоего пола. Учитывая, что, как и в других разрядах русского крестьянства Малмыжского уезда, среди бывших помещичьих крестьян число женщин было выше, нежели мужчин (2269 против 2163, соответственно), разница половозрастного состава не была

---

¹⁶⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 184.

¹⁷⁰ Там же. С. 166.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же. С. 172.

столь заметна. Доли рабочего населения, равно как и доли нерабочего были практически равными – 47,9% мужчин и 48,1% женщин в рабочем возрасте, 40,8% мужчин и 40,5% женщин в нерабочем возрасте¹⁷³. Вместе с тем, нельзя не отметить закономерность, характерную для всех разрядов русского крестьянства уезда – процент женщин в рабочем возрасте был выше, чем процент мужчин данной категории и обратно пропорционален соотношению мужчин и женщин в нерабочем возрасте.

В Малмыжском уезде состав почв был неблагоприятен для земледелия. Пашня требовала обильного унавоживания, что приводило к дроблению крупных деревень, крестьяне которых не могли часто вывозить удобрения на поля, находившиеся, как правило, на значительном расстоянии от населенных пунктов. Проживание в мелких селениях, основывавшихся ближе к пашням, создавало более комфортные условия для крестьянского труда¹⁷⁴.

Русские переселенцы, придерживавшиеся системы трёхпольного севооборота, поселившись вблизи удмуртов, нередко требовали, чтобы последние тоже переходили на трёхполье, взамен привычного двуполья. Это вынуждало коренное население либо принимать новые условия, либо покидать насиженные места и переселяться на дальние полосы, ближе к лесам, оставляя приусадебные земли русским¹⁷⁵.

Темпы переселенческого движения в Малмыжском уезде различались по волостям. Например, в Рыбно-Ватажской волости основная часть поселений образовалась ещё до середины XIX в., и новые поселения не образовывались. Стоит отметить, что основателями деревень и починков волости были беглые раскольники и помещичьи крестьяне, пустившие здесь корни и оставившие

---

¹⁷³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886.

¹⁷⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 15.

¹⁷⁵ Там же. С. 60.

хозяйства русским потомкам¹⁷⁶. Сюмсинская волость была некогда полностью заселена удмуртами, однако пришедшие из Нолинского уезда русские крестьяне постепенно стали численно превалировать над ними¹⁷⁷. Так, в деревне Юбери в начале XIX в. всё население составляли удмурты, но в 10-х гг. столетия переселился один русский крестьянин. Через 75 лет удмуртов не осталось в деревне совсем¹⁷⁸.

Из 28 волостей Малмыжского уезда, в 8 заселение активно продолжалось на протяжении всего пореформенного периода. Процессы переселения и заселения выражались в образовании большого числа новых пунктов, а также фрагментарном вытеснении коренного населения. Удмурты не вымирили под натиском пришлого населения, а просто переселялись ближе к лесам, образуя новые образования. Местное крестьянство сочиняло по этому поводу поговорки: «Вотyak любит прятать, а русский – на готовом стряпать»; «вотyak бежит от русского всё одно, что мышь от кошки»¹⁷⁹.

Население последнего из рассматриваемых нами уездов – **Елабужского**, составляли представители следующих этносов: русские, удмурты, марийцы, татары и башкиры. Русские крестьяне были разделены на несколько разрядов: государственные, удельные, бывшие помещичьи, горнозаводские, оружейные мастера¹⁸⁰.

Русские государственные крестьяне проживали общим количеством 71 269 человек обоего пола (36,6% от всего населения уезда) в 12 098 дворах. Женщин было больше, чем мужчин – 37 354 (52,5%) против 33 915

---

¹⁷⁶ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 1.

¹⁷⁷ Там же. С. 4.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 50.

¹⁸⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 5.

(47,5%)¹⁸¹. Показателен дисбаланс в половозрастной структуре, при котором женщин в рабочем возрасте было больше, чем мужчин – 18 803 (50,3%) против 16 123 (47,5%), при количественном преобладании детей мужского пола по сравнению с детьми женского пола – 15 523 (45,7%) мальчиков и 14917 (39,9%) девочек¹⁸². Стоит отметить, что среди русских государственных крестьян были долгожители, прожившие более ста лет. В Лекаревской волости ими являлись два человека – мужчина и женщина, и ещё двое женщин-долгожительниц проживали в Можгинской и Асановской волостях¹⁸³.

Удельные крестьяне проживали в 3588 дворах, общим числом в 20 663 человека обоёго пола. В рассматриваемом разряде наблюдалась та же тенденция, что и у государственных крестьян, выражавшаяся в общем численном превосходстве женщин над мужчинами, при дисбалансе половозрастной структуры, когда количество лиц женского пола в рабочем возрасте было выше, чем количество мужчин, а число мальчиков в нерабочем возрасте было выше числа девочек той же категории.

Бывшие помещичьи крестьяне проживали в 663 дворах. Из 4088 населения обоёго пола, 2022 (49,4%) были мужчинами, что позволяет говорить о большей средней сбалансированности половозрастной структуры¹⁸⁴. Однако, при относительном равновесии средних показателей, процентное соотношение населения в рабочем возрасте демонстрировало даже большую, по сравнению с другими разрядами, разницу в показателях – 1037 (50,1%) женщин против 904 (44,7%) мужчин¹⁸⁵. При этом, число детей мужского пола было выше, чем детей женского пола – 48,9% к 40,3%.

Численность русских горнозаводских рабочих и бывших оружейных мастеров была невысока относительно других разрядов – 2999 и 961

---

¹⁸¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 46.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же. С. 54.

¹⁸⁵ Там же.

соответственно¹⁸⁶. Здесь также необходимо отметить тенденции характерные для остальных крестьян Елабужского уезда, в частности, численное превалирование женского населения над мужским и дисбаланс в категориях нерабочего и рабочего населения.

Значительная часть селений Елабужского уезда была основана ещё в дореформенный период. Причём заселение территорий активно проводилось не только русскими переселенцами, но также татарами и удмуртами. Однако в пореформенный период переселялись, в основном, русские. Более 70 населенных пунктов (преимущественно починков, но также деревень и сёл) были основаны или заселены русскими переселенцами после 1861 г.¹⁸⁷ Они приходили из Нолинского, Малмыжского, Сарапульского, Глазовского, Уржумского и Вятского уездов. Некоторая часть перемещалась внутри Елабужского уезда, например, получая от казны места для заселения¹⁸⁸. Одним из основных «источников» пополнения русскими являлись заводы, в числе которых первое место по количеству переселенцев занимал Ижевский завод, а также Омутнинский и Пудемский заводы, выходцы из которого пополнили в 1867 г. деревню Туташево Больше-Кибьинской волости, коренное население которой было представлено удмуртским этносом¹⁸⁹.

Одним из способов пополнения этноса являлся брак. Так, деревня Шурсак-Кибья Больше-Кибьинской волости была изначально заселена удмуртами, которые женились на русских девушках из соседних селений, возвращались в родную деревню, и их дети уже считались русскими¹⁹⁰. Та же ситуация была в селе Троицком Асановской волости¹⁹¹. В деревне Студёный Ключ Черкасовской волости, коренное население было представлено

---

¹⁸⁶ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 54.

¹⁸⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Приложения к подворной описи. Вятка, 1889. 213 с.

¹⁸⁸ Там же. С. 47.

¹⁸⁹ Там же. С. 21.

¹⁹⁰ Там же. С. 17.

¹⁹¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Приложения к подворной описи. Вятка, 1889. С. 45.

марийским этносом, а русские крестьяне появились после схожих с рассмотренными деревнями событий – один марийский крестьянин уехал на заработки, женился на русской девушке, вернулся домой с женой, и их дети считались уже русскими и воспитывались в русской традиции¹⁹². Ещё одним, довольно редким, источником пополнения русского населения являлись усыновления. Например, в деревне Большой Березник Больше-Кибьинской волости, бывшие московские воспитанники были усыновлены коренным удмуртским населением. Однако, как отмечали статистики, русские дети полностью ассимилировались, перенимая язык и традиции приёмных родителей¹⁹³. Процесс «размывания» этносов в пореформенный период не был ярко выражен. Крестьяне различных этносов оставались в рамках своих традиционных культур, а межэтнические отношения выстраивались преимущественно на основе соседского проживания.

Стоит отметить, что, несмотря на схожие с остальными уездами черты переселения русских, в Елабужском уезде яркие отличительные особенности проявились в сфере межнациональных отношений, главным образом, пришлых русских с коренными или ранее переселившимися удмуртами и татарами.

В отличие от Малмыжского уезда, где между различными этносами не всегда складывались добрососедские отношения, в Елабужском уезде широко развернулся процесс взаимовлияния культур. Русское население проживало совместно с удмуртами, поддерживая добрососедские отношения и обмениваясь земледельческим опытом. Случаи вытеснения переселенцами коренного населения, как в починке Бугрыш Ильинской волости, где после приезда в 1867 г. русских бывших оружейных мастеров из Ижевского завода удмурты покинули свою землю, являлись скорее исключением¹⁹⁴.

---

¹⁹² Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Приложения к подворной описи. Вятка, 1889. С. 64.

¹⁹³ Там же. С. 19.

¹⁹⁴ Там же. С. 7.

Неоднородно складывались взаимоотношения русских с татарами. Татарское население, преимущественно, проживало обособленно от других этносов, что было вызвано в первую очередь исповедованием ислама, сформировавшим иной менталитет и, как следствие, бытовые и хозяйственные особенности. Однако часть татар являлись новокрещенами, принявшими православие ещё в дореформенный период. Они проживали совместно с крещёными удмуртами и русскими, как, например, в поселениях Старо-Ятчинской и Черкасовской волостей¹⁹⁵. В селе Архангельском изначально проживали татары-мусульмане, однако с приходом русских переселенцев они приняли православие¹⁹⁶.

Взаимодействие различных этносов явственно обозначились в сфере экономики. И если в сельскохозяйственном секторе могли возникать противоречия по вопросам системы севооборота или удобрения пашни, то в секторе внеземледельческих занятий динамика отношений была несколько иной. Так, исследователями отмечалось, что соседство с удмуртами на протяжении длительного времени, способствовало взаимовыгодному обмену духовной и материальной культуры, составным элементом которой являлись промыслы¹⁹⁷. Вместе с тем, необходимо отметить, что развитие промыслов происходило неравномерно. Каждый крестьянский двор занимался исконными видами промысловой деятельности, преимущественно в домашней форме, а в товарном производстве число русских кустарей было в 3,6 раза выше по сравнению с удмуртскими¹⁹⁸. Промыслы, возникавшие в XIX в. преимущественно были привнесены русскими. Этому способствовали развивающиеся миграционные процессы, а также развитие

---

¹⁹⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Приложения к подворной описи. Вятка, 1889. С. 57–65.

¹⁹⁶ Там же. С. 60.

¹⁹⁷ *Лигенко Н. П.* Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60 – 90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991. С. 147.

¹⁹⁸ Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск, 2012. С. 142.

капиталистических отношений, аккумулировавших отходничество и товаризацию крестьянских хозяйств.

Таким образом, русское население являлось численно преобладающим во всех четырёх «удмуртских» уездах Камско-Вятского региона. Расселение продолжалось на протяжении дореформенного и пореформенного периода. Определяющим толчком для него во второй половине XIX в. выступило освобождение крестьян, что на территории удмуртских уездов особенно ярко проявилось в оттоке масс населения от заводов и их дальнейшее расселение как вокруг заводов, так и на территориях, отдаленных от промышленных зон.

Демографическая картина для всех четырёх уездов представляется практически идентичной: в рабочем возрасте количество женщин больше, чем мужчин. Вместе с тем, численный перевес незначителен, а значит можно говорить об относительно сбалансированном ходе ведения крестьянского хозяйства, с чётким распределением ролей. Стоит отметить, что в нерабочем возрасте представителей мужского пола больше по сравнению с женским полом. Патриархальный уклад, при котором основная работа по производству продукта возложена на мужчин, в силу её трудоёмкости, обуславливал ситуацию, когда сыновья ценились выше, чем дочери. Однако мужская жизнь была менее «привязана» к дому – мужчин забирали на военную службу; они чаще, чем женщины занимались отхожими промыслами; более высокой была смертность взрослого мужского населения. Таким образом, возникал определенный дисбаланс между численностью мальчиков и взрослых мужчин с одной стороны, и численностью девочек и взрослых женщин, с другой стороны.

Динамика развития межнациональных отношений различалась по уездам, однако, представляется возможным проследить основные тенденции. Во-первых, вытеснение русскими переселенцами коренного населения не являлось повсеместным явлением, и там, где оно происходило, оно не было фатальным для этноса, вынужденного покинуть обжитую местность, а выступало лишь катализатором миграции в границах волости. Во-вторых,

основой противоречий, служил этноконфессиональный фактор, когда представители этносов не могли проживать совместно на одной территории в силу различного вероисповедания. В-третьих, возникавших между переселенцами и коренным населением выступал экономический фактор, а именно различия в ведении хозяйственной деятельности. Имело место развитие ассимиляционных процессов, приобретших многообразные формы. В целом, межнациональные отношения в Камско-Вятском регионе пореформенного периода можно охарактеризовать, как добрососедские. Крестьяне разных этносов обменивались хозяйственным и культурным опытом.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Хозяйственная деятельность крестьянства находилась в прямой зависимости от ряда факторов. Одним из основных являлся правовой фактор, который обусловил законодательные нормы разделения крестьян по категориям и соответственно неравномерное наделение землей.

Составление уставных грамот вкупе с процессом обезземеливания, шедшим в некоторых районах с XVIII в., привело к тому, что бывшие помещичьи крестьяне в результате реформы получили недостаточные для полноценного хозяйствования наделы¹⁹⁹. Для удельного крестьянства размеры так называемых «высших наделов» или «указанных наделов» определялись в соответствии с теми наделами, которые находились в их пользовании до реформы. В случае нехватки осуществлялись прирезки земли, в случае избытка – отрезки. По факту, прирезка земли не производилась, потому что расширение надела должно было происходить с использованием земель, уже находившихся в пользовании крестьян²⁰⁰. Государственные крестьяне сохраняли, по результатам реформы, все находившиеся в их пользовании земли. Владенными записями, которые составляли чиновники Министерства государственных имуществ, регулировалось право пользования землей. Законом провозглашался принцип владения землей, но фактически государственные крестьяне наделялись землей подобно крестьянам, находившимся в статусе временнообязанных²⁰¹.

Важную роль в развитии хозяйственной деятельности сыграл в регионе природно-географический фактор, в частности качество почв, особенности ландшафта, погодные условия. Все вместе взятое ставило крестьян в неравное экономическое положение.

---

¹⁹⁹ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 259.

²⁰⁰ Там же. С. 262.

²⁰¹ Там же. С. 276.

Во второй половине XIX в. с активизацией модернизационных процессов быстрыми темпами развивался внутренний рынок, что соответственно подталкивало деревню к формированию и развитию адаптационных механизмов. Несомненно, немаловажным фактором выступала этническая неоднородность населения – русское крестьянство вело хозяйственную деятельность как обособленно, так и совместно с другими этносами, в числе которых преобладали удмурты. Результаты реформирования сельской жизни проявлялись постепенно, сопровождаясь изменением облика деревни, трансформированием ментальности крестьянского населения.

В каждом из четырёх уездов в качестве объекта исследования целенаправленно было выделено четыре волости. В Глазовском уезде – Омутнинская, Люмская, Ключевская и Рыбаковская; в Сарапульском – Дебесская, Перевозинская, Юринская, Чегандинская; в Малмыжском – Сюмсинская, Малмыжская, Большеучинская, Усадская; в Елабужском – Ильинская, Александровская, Бемышевская, Лекаревская.

В Памятной книжке Вятской губернии регион делился на две части – северную (к ней относился Глазовский уезд) и южную (к ней относились Сарапульский, Малмыжский и Елабужский уезды). Исходя из климатических условий, северная полоса рассматривалась дореволюционными специалистами как промышленная, а южная полоса, с более плодородными почвами и благоприятным климатом, как земледельческая²⁰².

Критериями отбора данных волостей выступили территориальное расположение (нахождение в разных природно-климатических зонах), которое повлияло на социально-экономическое развитие, и этнический фактор (проживание в данных волостях русских крестьян). Данное количество рассматриваемых волостей, является репрезентативным для построения общей картины хозяйственной жизни русского крестьянства, так

---

²⁰² Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1870. С. 23

как они отличались многообразием географических, экономических и этнических условий и особенностей.

Исследование комплексного русского крестьянского хозяйства проводится с использованием сравнительного метода, по двум направлениям:

- 1) Выявление особенностей хозяйственной жизни каждой волости отдельно и в сопоставлении с другими волостями уезда.
- 2) Сопоставление особенностей социально-экономического развития крестьянского хозяйства по уездам.

§ 2.1. Эволюция крестьянского хозяйства Глазовского уезда

Глазовский уезд являлся самым северным из четырёх уездов. Рельеф отличался холмистостью, местность была изрезана оврагами, при незначительном количестве ровных полей. Верховья притоков рек Вятки и Камы представляли собой болотистые, непроходимые места²⁰³. С учётом особенностей орошения, характера залегающих почв и площадей покрытых лесом, Глазовский уезд делился на три части: северную – слабозаселённую местность лесов, болот и торфяников, отличавшуюся малыми площадями пахотной земли и низким уровнем плодородия почв. Месторождения железных руд (сферосидерита и бурого железняка) обусловили появление и развитие здесь горных заводов²⁰⁴; Центрально-восточная часть, занимавшая свыше 50% площади территории уезда, представляла собой болотистую местность со значительным количеством оврагов и лесными дачами. Юго-западная – представляла собой преимущественно ровную местность с незначительным, по сравнению с другими площадями уезда, количеством оврагов. Лес занимал приблизительно 1/3 её площади. Несмотря на определённую волнообразность поверхности, склоны холмов были отлогими,

---

²⁰³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Вятка, 1893. С. 3.

²⁰⁴ Там же. С. 7.

почва с них не смывалась, что в итоге не оказывало негативного влияния на земледелие. В целом же, наличие непроходимых лесов и болот, а также множество оврагов, тормозили развитие инфраструктуры уезда²⁰⁵.

На территории уезда преимущественно залежали дерново-подзолистые почвы²⁰⁶. Название их происходило от народного слова «подзол», которое отражало окраску земельного слоя, внешне напоминавшего золу²⁰⁷. По составу они подразделялись на тяжелосуглинистые, среднесуглинистые, легкосуглинистые и супесчаные. Дерново-подзолистые суглинки составляли основу пахоты. Значительный урон сельскому хозяйству наносила водная эрозия, в результате которой, снижалось плодородие почв и действенность агрономических приемов по повышению урожайности сельскохозяйственных культур. Поверхность пахотного слоя заливалась водой во время дождя, а при высыхании на нём образовывалась корка. Водно-воздушный режим нарушался, что отрицательно сказывалось на всходах культурных растений²⁰⁸.

Из 1 208 852,9 десятин полезных для земледелия площадей уезда, 1 155 599,2 десятины являлись удобными (95,6%). Сельскохозяйственные угодья крестьян преимущественно распределялись на правах общинного владения (99,5%), доля собственников была незначительной (0,5%)²⁰⁹. В среднем по уезду на один двор приходилось 22,7 десятин земли. Однако наблюдалась контрастность в обеспеченности землей, связанная с правовыми нормами отдельных категорий крестьян. В наиболее удачном положении находились государственные крестьяне, имея в среднем 23,1 десятины, в наименее удачном – горнозаводские, со средним количеством земли в 10,8

---

²⁰⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Вятка, 1893. С. 3.

²⁰⁶ Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2000. С. 29.

²⁰⁷ В.П. Ковриго, И.С. Кауричев, Л.М. Буракова Почвоведение с основами геологии. М.: Колос, 2000. С. 220.

²⁰⁸ Там же. С. 232.

²⁰⁹ Там же. С. 11.

десятин на двор²¹⁰. Население уезда занималось, в основном, земледелием, пашня составляла в среднем 59,1% удобных земель.

Преобладающей системой севооборота являлось трёхполье, однако крестьяне не всегда придерживались его правил, из-за чего площади озимого и ярового хлебов были неодинаковы, площадь ярового была выше²¹¹. Основной рацион питания русского крестьянства Глазовского уезда составляли продукты из ржи. Кроме местного сорта ржи, в некоторых селениях пробовали сеять улучшенные сорта, привозимые земской управой – шампанскую, гряздовку, канадскую, ивановскую. Однако крестьяне неохотно принимали нововведения, так как новые сорта не выдерживали сурового климата и вырождались²¹². Такая же картина была характерна для культур овса и пшеницы – их практически не высевали, вследствие непригодности к местным климатическим условиям.

Северные волости Глазовского уезда, расположенные по Вятке и Каме имели суровый климат, юго-западные – более теплый, центральные – средний. В «Памятной книжке Вятской губернии» отмечалось, что «на севере культурные растения сильно страдают от сурового климата, особенно на северо-западе, где почти во всех местах невозможно надежное возделывание гороха. В юго-западной полосе осенние и весенние холода особенного вреда хлебам не приносят. Более вредно отражаются на растительности засуха и летние холода. Засухи бывают в десять лет два раза. Каждый год бывает град, но проходит он незначительными полосами. В некоторых волостях хлебам вредят туманы»²¹³.

Омутнинская волость располагалась в северной природно-климатической зоне, которую отличали высокая лесистость, почвы, слабо пригодные для земледелия. Слабое развитие транспорта было обусловлено

²¹⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Вятка, 1893. С. 11.

²¹¹ Там же. С. 70.

²¹² Там же. С. 76.

²¹³ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1900 год. Вятка, 1899. С. 43.

отсутствием дорог. Это затрудняло коммуникацию и с внешним миром, и внутри самой волости, препятствуя развитию хозяйственной деятельности²¹⁴.

Определяющую роль в формировании уклада жизни русской семьи данной волости играли горнозаводские предприятия. Фактически, волость составляли Омутнинский завод с прилегающей территорией и несколько починков. Из 3362 человек, проживавших в 758 дворах, 3354 (99,7%) были русскими и 8 (0,3%) удмуртами²¹⁵. В общинном пользовании находилось 562,7 десятин, из которых 14,2 десятины были неудобными для сельского хозяйства²¹⁶. Заводу принадлежало 530,3 десятин удобной земли, находящейся в общинном владении. Из заводской земли 506,6 десятин отводилось под сенокосы, усадебная земля составляла 23,7 десятин. Стоит отметить, что пашня, выгон и лесной надел полностью отсутствовали. Среднее количество земли на двор в уезде составляло 22,7 десятин, однако в Омутнинской волости средний показатель на двор равнялся всего лишь 0,7 десятин. Пашенная земля была только в одном дворе и составляла 18,7 десятин. В 1890-е гг. крестьяне стали распахивать свои сенокосы под пашню, однако глинисто-лудистые почвы, залежавшие на этих территориях, были слабо пригодными для земледелия²¹⁷. В силу неразвитости земледелия, в Омутнинской волости было незначительное число сельскохозяйственных орудий – преобладали примитивные одноральные сохи. Усадебная земля тщательно обрабатывалась и интенсивно удобрялась. Крестьяне выращивали картофель, калегу, лук, капусту, редьку, огурцы, морковь, свеклу. Однако, в силу неблагоприятного климата населению волости не удавалось достичь высокой урожайности. Товаризации крестьянского хозяйства на основе сельскохозяйственных продуктов не произошло.

---

²¹⁴ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1900 год. Вятка, 1899. С. 8.

²¹⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 274.

²¹⁶ Там же. С. 278–279.

²¹⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. Вятка, 1893. С. 24.

Заводовладелец сосредотачивал в своих руках сенокосы и выгоны. Корма для скота на выгонах волости было достаточно, однако возможность его использования была ограничена²¹⁸. В 125 дворах (16%) крестьяне совсем не имели скота, количество бескоровных дворов составляло 157 (20%), а безлошадных 417 (55%)²¹⁹. Исходя из разницы в экономическом состоянии, стоит поставить вопрос об имущественной дифференциации крестьян. Для анализа этого процесса, необходимо проанализировать арендные отношения и отношения найма в данной волости. На севере Глазовского уезда аренда была более распространена нежели в центральной части и на юге. Это стало возможным за счёт частновладельческих дач, которые служили своеобразным арендным фондом для крестьян²²⁰. Преобладала внеадельная аренда – площадь арендуемых сенокосов превышала площадь пашни. В Омутнинской волости только один двор снимал 8,3 десятин под сенокос²²¹. Дворы, имевшие скот, пользовались сенокосами и выгонами, частично компенсируя невозможность обеспечивать хозяйственные нужды за счёт земледелия. Однако пашенное занятие не было основой экономической жизни местного крестьянства.

В отсутствие земледельческой занятости широкое распространение получили внеземледельческие работы. В промысловую деятельность был вовлечен 741 (98%) двор из 758²²². Значительную роль играли занятия, связанные с функционированием завода, в частности наемные работы по добыче руды, которыми были заняты крестьяне из 141 двора (18%). Среди местных промысловиков преобладали кустари, занимавшиеся прядением

²¹⁸ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. Вятка, 1893. С. 24.

²¹⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 278.

²²⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. Вятка, 1893. С. 145.

²²¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 280.

²²² Там же. С. 276–277.

льна в 179 дворах (23%)²²³. Отхожий промысел в волости не был распространен, всего лишь 2 человека служили лоцманами²²⁴.

Таким образом, климатические условия неблагоприятные для земледелия, неплодородные почвы с одной стороны, и месторождения руды и наличие завода в Омутнинской волости с другой, стали факторами, которые заставили крестьянство обратиться к внеземледельческим занятиям, фактически не вовлекая их в традиционную сферу применения крестьянского труда – земледелие, что формировало особые условия хозяйственной жизни деревни. Крестьянство волости было преимущественно бедным, основные блага были сосредоточены в руках заводовладельца.

Люмская волость располагалась на берегу реки Чепцы, относилась к центрально-восточной климатической зоне уезда, которая в сравнении с северной его частью, отличалась более мягким климатом. Развитию коммуникации способствовало наличие крупной водной артерии. Население составляли государственные и горнозаводские русские крестьяне. Заводу принадлежала часть территории – 319 дворов, в которых проживало 1554 человек. Крестьян, не прикреплённых к нему было значительно больше – 6440 человек (1,8% от всего населения уезда) в 724 дворах. Сельскохозяйственные угодья находились в общинной собственности и составляли 28 447,5 десятин, а средний показатель на двор был равен 26,2 десятин, что выше показателей как по уезду (22,7 десятин), так и по «удмуртским» уездам Камско-Вятского региона (17,37 десятин) в целом²²⁵. Однако здесь стоит учитывать, что разброс в размерах наделов был значительным – от 5 десятин (для горнозаводских крестьян) до 58,7 десятин (для государственных, не прикреплённых к заводу) на один двор.

По территории Пудемского завода средний показатель для горнозаводских крестьян равнялся 6,5 десятин на двор. На тех землях

---

²²³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 276-277.

²²⁴ Там же.

²²⁵ История Удмуртии: Конец XV начало XX века. Ижевск, 2004. С. 279.

волости, которые не принадлежали заводу, 46% пахотной земли находилось в руках зажиточных крестьян, с наделом от 25 до 50 десятин, в то время как доля безземельных равнялась лишь 5%²²⁶. При этом среднее крестьянство с наделами от 10 до 25 десятин земли составляло 26%²²⁷. Таким образом, в более мягких климатических условиях, на благоприятных для земледелия почвах, расслоение крестьянства шло интенсивнее, чем на севере Глазовского уезда.

В Люмской волости арендные отношения получили более широкое распространение, чем в Омутнинской. На поля под яр сдача земли как крестьянам из чужих общин, так и крестьянам-однообщинникам, распространялась более всего – на 1 год было сдано 129 десятин земли²²⁸. В своей общине наём земли также преобладал в секторе полей под яровые – было снято 72, 5 десятин на 1 год. Однако в чужих общинах снимали в основном сенокосы – 288,6 десятин²²⁹. Стоит отметить, что аренда сенокосов в этот период демонстрировала проявление капиталистических отношений. Постепенно сформировывалась прослойка посредников между сдатчиками-владельцами и арендаторами-крестьянами. По реке Чепце этими посредниками испольно снимался сенокос в размере 8 десятин с приплатой от себя 5 руб. Одному крестьянину они передавали 3 десятины, с обязательством уплаты 4 руб. 50 коп. деньгами и требовали также отдать половину скошенного сена. Другому крестьянину они передавали 1,2 десятин, требуя плату в 2 руб. 50 коп²³⁰.

Число дворов, имевших скот, в Люмской волости было больше, чем в Омутнинской. Дворы без скота составляли 9,6%, количество безлошадных и

---

²²⁶ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 302.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. С. 303–304.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Вятка, 1893. С. 163.

бескоровных было ниже – 29% и 19,6% соответственно²³¹. По статистическим данным, отражающим состояние животноводства, можно проследить картину расслоения крестьян волости. Доля однолошадных хозяйств составляла 22%, с двумя лошадьми – 15,7%. Существовали хозяйства с тремя, четырьмя, пятью, а также шестью и более лошадьми, их доли составляли 12,5%, 9,5%, 5,6%, 4,8%, соответственно. Подобное соотношение, с учётом долей безлошадных и бескоровных дворов, указывает на имущественную поляризацию крестьянства.

Широкое распространение в волости получили промыслы, охватывавшие 664 двора (92%)²³². Среди местных промыслов преобладала работа поденщиком – 113 дворов (17%), а среди отхожих – извоз, которым занимались крестьяне из 322 дворов (48%), уходя, в основном, на заработки в Слободской уезд²³³. Данные по видам промысловых занятий также указывают на то, что значительная часть крестьян волости была обеспечена скотом, в первую очередь лошадьми.

В Люмской волости дифференциация явно обозначилась на уровне категорий крестьянства. Занятия и уровень жизни горнозаводских крестьян разительно отличались от государственных. При более развитом сельском хозяйстве чётко обозначились процессы расслоения и вызревания капиталистических элементов в экономической жизни. Благоприятные, по сравнению с Омутнинской волостью, природно-климатические условия стали причиной более развитого земледелия и скотоводства у государственных крестьян. Для горняков сфера приложения сил и заработка переместилась в сферу внеземледельческих занятий.

Ключевская волость располагалась в центрально-восточной части уезда. Основной водной артерией являлась река Убыть, служившая источником орошения. Состав почв не отличался разнообразием, на

---

²³¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 302.

²³² Там же. С. 300–301.

²³³ Там же.

территории волости преимущественно залежали средние серые суглинки, с небольшими вкраплениями других суглинков (в основном, светло-серых, бедных перегноем и не достаточно благоприятных для земледелия) и глины²³⁴. Пластичные почвы с достаточно хорошей водопроницаемостью, суглинки, хорошо удерживали минеральные вещества, но из-за слабой фильтрации были не благоприятны для удобрения.

Волость населяли государственные крестьяне – русские и удмурты. Материалы статистики не позволяют вычислить реальное положение русских крестьян, так как данные собирались по селениям, а не по национальному признаку. Однако, общая картина хозяйствования русских и удмуртов, живших и работавших совместно, не могла категорически разниться. Из 1082 – русских дворов было 153 (14,1%)²³⁵. Из 33 257,9 десятин общинной земли, 32 024 десятин являлись удобными для ведения сельского хозяйства. Около 52% - 17 326,9 десятин отводилось под пашню. Чересполосица наделов русских и удмуртских крестьян не позволяет провести вычисление точной цифры размеров наделной земли, однако средний показатель на один двор равнялся 29,1 десятину²³⁶. В волости преобладали многоземельные (25–50 десятин) дворы зажиточных крестьян (46%), доля средних (10–25 десятин) крестьянских дворов равнялась 37,6%. Доля хозяйств с наделом выше 50 десятин была незначительной. Безземельные и малоземельные дворы составляли 3,6% и 2,3% соответственно. Учитывая эти категории, справедливо говорить о невысокой степени расслоения крестьянства. Основу слоя земледельцев составляли средние и зажиточные крестьяне, что говорит о стабильном состоянии этого сектора сельского хозяйства волости. В пользу этого довода свидетельствует и меньшее, по сравнению с предыдущей волостью, обращение к аренде. Однообщинникам преимущественно сдавали

---

²³⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. Вятка, 1893. С. 57–59.

²³⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 490–491.

²³⁶ Там же. С. 494–495.

землю под яровое, на 1 год было сдано 96,4 десятины. Снято на тех же условиях было 95,7 десятин под яровое. Схожей с Люмской волостью была ситуация с арендой внеадельной земли в чужих общинах – снимали сенокос, на 1 год было снято 319,3 десятины²³⁷.

У крестьян Ключевской волости наблюдалась устойчивость этнических традиций в обработке земли. Она проявлялась в системе удобрения полей. Русские крестьяне вывозили навоз сразу из хлебов, в то время как удмурты, предварительно выдерживали его в кучах, давая перепреть, и лишь потом удобряли поля. Различие объяснялось тем, что русские сеяли сначала рожь, а потом ячмень, удмурты же сеяли сначала ячмень, а потом коноплю, для которой требовался более мелкий навоз²³⁸. Взаимовлияние на хозяйственном уровне крестьян разных этносов здесь прослеживается слабо, русские, как и удмурты, продолжали удобрять поля на свой лад, не попадая под влияние соседей и не меняя устоявшийся способ. Преобладающим орудием, как и в Люмской волости, была двуральная соха, удобная для использования на холмистом и овражистом ландшафте.

По сравнению с двумя рассмотренными волостями, Ключевская имела большое количество скота. Преобладающими были дворы с двумя лошадьми – 347 дворов, 335 из которых, владели также коровой. Практически равными между собой были доли хозяйств с одной лошадью и с тремя лошадьми – 19% и 20%. Низкие проценты дворов без лошадей и без скота вообще (5,9% и 4,7%) с одной стороны, и доли хозяйств с 5 и 6 лошадьми (5,6% и 2,6%), с другой – указывают на доминирование в этом секторе, так же, как в земледелии, средних и зажиточных хозяйств²³⁹.

---

²³⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 496.

²³⁸ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Вятка, 1893. С. 58.

²³⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 494.

Внеземледельческие занятия не получили широкого распространения. Наиболее распространённым местным промыслом была торговля древесиной, ей занимались 323 человека из 157 дворов²⁴⁰. Причиной популярности данного вида деятельности, вероятно, послужили обширные лесные массивы центрально-восточной зоны. В нескольких селениях занимались местным извозом, не покидая пределы уезда и губернии²⁴¹. На распространение извоза повлияло развитие скотоводства в волости, обусловившее наличие большого числа хозяйств с лошадьми.

Как отдельное занятие необходимо выделить торговлю и деятельность крестьян-скупщиков. Торговать крестьяне уходили в соседние уезды или в город Глазов, реже – покидали Вятскую губернию. иногда отправлялись в Пермскую. Развитие товарно-денежных отношений в крестьянской среде Ключевской волости выразилось в устройении торжков, самые значительные из которых, проходили в селе Верх-Порзинском три раза в год – 1 января, 1 июня и 22 октября²⁴². Стоит отметить, что торжки проводились без санкции властей, а исключительно по устоявшемуся крестьянскому обычаю²⁴³.

Благоприятные природно-климатические условия, а также большие размеры земельных наделов, обусловили диспропорцию в отраслях комплексного крестьянского хозяйства – подавляюще, бюджет семьи формировался за счёт земледелия и животноводства. Русские крестьяне Ключевской волости, способные удовлетворить свои нужды за счёт сельского хозяйства, реже прибегали к внеземледельческим занятиям, нежели крестьяне в двух выше рассмотренных волостях. Наличие обширных земельных угодий, и как следствие, крупных земельных наделов, послужили причиной образования здесь более широкой прослойки средних и зажиточных крестьян.

---

²⁴⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 492-493.

²⁴¹ Там же.

²⁴² ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л. 936.

²⁴³ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 306. Л.17.

Рыбаковская волость располагалась в юго-западной части уезда, примыкая к его западной границе. Данная волость не имела сколько-нибудь значимых водных артерий, что затрудняло орошение полей. Состав почв, будучи разнообразным, не изобиловал сортами благоприятными для земледелия – в некоторых районах волости преобладали песчаные породы, довольно часто встречались средние серые суглинки и глина²⁴⁴. Пески и супеси были подвержены эрозии, но из-за нормальной фильтрации хорошо реагировали на удобрение.

Население волости составляли русские государственные крестьяне, 10751 человек жили в 2143 дворах²⁴⁵. Из 43 774,5 десятин земли, находившейся в общинной собственности, 40 805,6 десятины являлись удобными. Пашенные сельскохозяйственные угодья составляли 19 619,9 десятин²⁴⁶. В Рыбаковской волости средний показатель земли на двор равнялся 19 десятинам земли. Это меньше средних цифр преимущественно земледельческих Люмской и Ключевской волостей, однако выше, чем в среднем по региону и России. Дворы средних крестьян были преобладающими, составляя 53%, доля зажиточных хозяйств была значительной – 24%²⁴⁷. Высоким, по сравнению с рассмотренными волостями, было количество дворов, совсем не имевших земли – 280 (13%), малоземельные дворы составляли 8,1% от общего числа дворов. Доля богатого крестьянства в распределении наделов оставалась сравнительно низкой – 1,2%²⁴⁸. Поляризация крестьянства обозначилась, но не носила ярко выраженного характера, смягчаясь арендными отношениями. Безземелье части крестьян, вызванное в первую очередь наличием районов, где залегали почвы совершенно не пригодные для земледелия, вынуждало их обращаться

²⁴⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. Вятка, 1893. С. 91–95.

²⁴⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 690–691.

²⁴⁶ Там же. С. 694–695.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же.

к аренде. Число дворов, снимающих земли доходило до 456, из них 209 снимали наделную землю в своей общине, а 247 у крестьян других общин²⁴⁹. Важно отметить, что процессы обезземеливания происходили здесь по естественным причинам, что обусловило обращение крестьян к аренде, чтобы продолжать занятия именно сельским хозяйством.

На развитие скотоводства волости сильное влияние оказал природно-географический фактор. Далеко не все селения имели выгоны, многим приходилось пасти скот прямо на полях после уборки трав, или снимать выгоны у соседей с платой в 15–20 копеек за голову²⁵⁰. Там же, где выгоны были, их качество оставляло желать лучшего – на сырых местах было мало растительности, корма скоту хватало лишь на короткий срок. Преобладали однолошадные хозяйства – 933 двора (43,5%), 801 из которых имел корову²⁵¹. Далее следовали хозяйства с двумя лошадьми – 498 (23,2%), из них 496 дворов были с коровой. Относительные доли крестьянских хозяйств с 3, 4, 5 лошадьми составляли 5,1%, 1,1%, 0,09%, а дворов, владеющих шестью и более лошадьми не было вообще²⁵². Учитывая низкий процент дворов, не имевших скота (7,6%), можно говорить о доминировании в данной отрасли хозяйства Рыбаковской волости, среднего крестьянства.

Внеземледельческие занятия получили широкое распространение. Преобладающим местным промыслом являлась подёнщина, ей занимались 718 человек из 366 дворов²⁵³. Больше половины хозяйств волости владели лошадьми, что сказалось на развитии отхожих промыслов, преобладающим из которых являлся извоз – им занимались 312 крестьян из 261 двора. Они

---

²⁴⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 696.

²⁵⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. Вятка, 1893. С. 92–93.

²⁵¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 694.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же. 692–693.

уходили в починок Медведевский Елабужского уезда²⁵⁴. Перечень занятий отходников отличался разнообразием. В качестве наемных работников, крестьяне занимались деревообрабатывающими промыслами и устраивались пильщиками и плотниками. Распространение деревообработки было связано с наличием в регионе обширных лесных массивов²⁵⁵. Так же, как крестьяне Ключевской волости, многие уходили на заработки в Пермскую губернию, однако работа была и в соседних уездах.

Механизмы адаптации крестьян Рыбаковской волости можно проследить благодаря торговым документам, полученным из Порезского волостного правления в 1891 г. Село Порез находилось в Порезской волости Глазовского уезда, там располагалась крупная базарная площадь, на которой открывалось множество лавок.

Второго января 1891 г. местным волостным правлением крестьянам деревни Баевской было выдано три свидетельства на право торговли: Ивану Григорьеву Титову на лавку с чайной посудой, железными изделиями, рыбой, керосином и солью; Филиппу Григорьеву Титову на лавку с рыбой, солью и керосином; Ивану Зотову Фефилову на лавку с рыбой, солью и керосином²⁵⁶. Крестьянину деревни Тоскуевской Спиридону Афанасьеву Астраханцову 9 января был выдан билет на открытие балаганов на базарах и в разных местах²⁵⁷. Семь билетов на право торговли было выдано 13 января: крестьянину деревни Зубковской Андрею Васильеву Зубкову на балаганы с рыбой на базарах и в разных местах; крестьянину деревни Антипинской Прокопью Григорьеву Поскребышеву на балаганы с рыбой на базарах и в разных местах; крестьянину деревни Пахомовской Даниилу Демидову Столбову на балаганы с игольным товаром и разной мелочью на базарах и в разных местах; крестьянке Василисе Васильевой Столбовой на балаганы с

---

²⁵⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 692-693.

²⁵⁵ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1898 год. Вятка, 1897, С. 70-73.

²⁵⁶ ЦГА УР. Ф. 118. Оп. 1. Д. 44. Л. 68.

²⁵⁷ Там же.

игольным товаром и разной мелочью; крестьянину деревни Баевской Андрею Федотову Бородулину на балаган с рыбой на базарах и разных местах, идентичный билет был выдан соседу Бородулина – Лариону Куприянову Ходыреву²⁵⁸. 10 февраля было выдано свидетельство крестьянину деревни Лукинской Данилу Николаевичу Шерстенникову на амбар с хлебом – рожью и овсом, находящемся на базарной площади в селе Порез²⁵⁹. Помимо села Порез, торжки и базары проводились в селе Святопольском, причём базары проходили еженедельно по субботам, а торжки 6 января, в последнюю пятницу перед прощёным воскресеньем, четвёртое воскресенье Великого Поста, в день Святой троицы, 20 июля и 1 ноября²⁶⁰.

Данные документы проясняют сразу несколько важных деталей торговой деятельности Рыбаковских крестьян. Во-первых, основная масса свидетельств и билетов на торговлю выдавалась в зимнее время, когда крестьяне не занимались земледелием; во-вторых, торговля в селе Порез была обусловлена наличием там базарной площади, условия реализации товара на которой, устраивали крестьян; в-третьих, перечень реализуемых товаров был разнообразен, помимо продуктов земледелия, преобладающими были продукты добывающих промыслов (рыба, соль и т.п.).

Сопоставляя развитие отраслей крестьянского хозяйства Рыбаковской волости, можно заключить, что сельское хозяйство и промыслы находились в своеобразном равновесии. Преобладание среднего крестьянства, умеренные природно-географические условия обусловили стабильное развитие в секторах сельского хозяйства. Внеземледельческие занятия носили преимущественно вспомогательный характер, за исключением районов, где земледелие было затруднено отсутствием подходящих почв.

Важной деталью экономической жизни крестьян являлась помощь, оказываемая обедневшим хозяйствам, со стороны земства. Крестьянскому сходу поручалось составить список нуждающихся домохозяев, чтобы земство

---

²⁵⁸ ЦГА УР. Ф. 118. Оп. 1. Д. 44. Л. 69.

²⁵⁹ Там же. Л. 70.

²⁶⁰ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л. 936.

могло определить сумму пособия для них. Однако сход предоставлял составление списка волостному правлению, которое составив первоначальный список, оставляло его у себя и постепенно заносило в него фамилии всех, кто приходил в правление и заявлял о нужде в финансовой помощи²⁶¹. В силу этого, земство сталкивалось с серьёзной проблемой – крестьяне, записавшиеся в список, возвращались домой и сообщали соседям, что в правлении выдают пособия, что провоцировало вал заявлений от крестьян, которые не попадали в категорию нуждавшихся, и пользовались возможностью получить лёгкие деньги²⁶². В данной ситуации, с одной стороны, наблюдалась забота земства о бедном крестьянстве, с другой стороны, проявляли себя негативные черты крестьянской психологии.

На примере четырёх рассмотренных волостей, мы можем заключить, что хозяйство русских крестьян Глазовского уезда являлось комплексным – все отрасли, так или иначе развивались, были взаимосвязаны и взаимозависимы. В волостях, где преобладали неудобные почвы и надел земли был небольшим, сельское хозяйство развивалось слабо, на первый план выходили внеземледельческие занятия, служившие опорой имущественного положения крестьянства, лишённого возможности заниматься основным занятием – земледелием. Правовой и природно-географический фактор оказали определяющее влияние на размер наделов и качество земель. В селениях, где земельный надел был достаточным для обеспечения крестьянских нужд за счёт сельского хозяйства, внеземледельческие занятия носили вспомогательный характер.

§ 2.2. Эволюция крестьянского хозяйства Сарапульского уезда

Сарапульский уезд занимал юго-восточную часть губернии. Рельеф местности, в целом, не отличался гористостью и был ровным, лишь юго-

---

²⁶¹ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 218.

²⁶² Там же.

восточная часть была изрезана во всех направлениях оврагами и долинами мелких речек. Большая часть уезда орошалась рекой Камой и её притоками, только север уезда принадлежал к бассейну реки Чепцы, а также небольшая часть на юго-западе относилась к бассейну реки Валы, притока реки Кильмезь²⁶³. С учётом особенностей орошения, характера залегающих почв и площадей покрытых лесом, Сарапульский уезд делился на три части: северную – по природно-географическим показателям эта часть напоминала юг Глазовского уезда и представляла собой преимущественно ровную местность с незначительным количеством оврагов. Лес занимал приблизительно 1/3 её площади; центральную – наиболее лесистая часть уезда, здесь располагались лесные дачи Ижевского и Воткинского заводов²⁶⁴; южную – безлесная, холмистая местность со слабым орошением. Поля располагались на вершинах и склонах холмов. Болотистых мест почти не было, Кама слегка окаймляла местность, основной водной артерией служила река Иж, притоки которой отличались маловодностью²⁶⁵. В Сарапульском уезде помимо дерново-подзолистых почв, залегали дерново-карбонатные, а также серые лесные подзолы²⁶⁶. Дерново-карбонатные подзолы отличались относительной плодородностью, однако требовали тщательного ухода. Для обеспечения гумусного слоя, земли нуждались в органических удобрениях, а учитывая их быстрое высыхание в весенний сезон, требовали предпосевной обработки полей²⁶⁷.

Крупнейшим собственником в уезде являлось крестьянство – ему принадлежало 56,9% площади уезда. Крестьянское общинное владение составляло 768 956 десятин, из них 748 547 (97,3%) охватывали удобные

---

²⁶³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1892. С. 2.

²⁶⁴ Там же. С. 4.

²⁶⁵ Там же. С. 5.

²⁶⁶ Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2000. С. 29.

²⁶⁷ В.П. Ковриго, И.С. Кауричев, Л.М. Бурлакова Почвоведение с основами геологии. М.: Колос, 2000. С. 246.

земли, а в среднем на двор приходилось 12,6 десятин земли, что меньше показателей по «удмуртским» уездам и России в целом, и значительно ниже среднего показателя по рассмотренному выше Глазовскому уезду²⁶⁸. Стоит учитывать, что колебания размеров реальных наделов были велики – от 0,9 десятин до 25,9 десятин. Распределение земель зависело от разряда крестьян; по числу дворов и душ, по величине надела на первом месте стояли государственные крестьяне, за ними шли бывшие удельные, степень их обеспеченности надельной землёй была вдвое ниже, чем у государственных²⁶⁹. Преобладающей системой севооборота являлось трёхполье, лишь на небольшой территории на юге, удмуртским населением практиковалось двуполье²⁷⁰.

Дебесская волость граничила с Глазовским уездом, что обусловило схожесть её природно-географических условий с южной лесистой частью Глазовского уезда. Почти все зоны волости отличались обилием холмов, оврагов и лесов, исключение составляла только южная часть волости, куда в последней четверти XIX в. стали активно переселяться русские крестьяне Глазовского и Нолинского уездов, расчищая леса и вспахивая новинные земли²⁷¹. Основной водной артерией и источником орошения служила река Чепца. Состав почв также различался по мере продвижения с севера на юг – для северных поселений характерны были пески и реже суглинки, для южных суглинки с множеством камней, затруднявших вспахивание и усиливающих влияние засух²⁷². Также на юге по берегам рек фрагментарно встречался болотный чернозём.

---

²⁶⁸ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1892. С. 8.

²⁶⁹ Там же. С. 10.

²⁷⁰ Там же. С. 53.

²⁷¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Приложения. Вятка, 1892. С. 5.

²⁷² Там же. С. 6.

Население составляли русские и удмуртские государственные крестьяне, однако в отличие от Ключевской волости Глазовского уезда, проживали они как в отдельных селениях, так и смешанно. Русским принадлежало 629 дворов из 1526 дворов, в них проживало 36% от всего населения волости – 3697 человек²⁷³. Русские крестьяне были наделены 8 592,4 десятинами удобной для сельского хозяйства земли, из них под пашню отводилось 3 803,7 десятин²⁷⁴. Средний показатель на двор равнялся 15,4 десятин, однако разделяя наделную землю по этносам, обрабатывающим её, выходит, что средний размер надела у удмуртов равнялся 17,4 десятинам, а у русских – 14,2 десятинам²⁷⁵. Преобладали дворы среднего крестьянства с размером надела от 10 до 25 десятин – 55,2% дворов, причём доля среди них дворов с наделом выше 15 десятин преобладала²⁷⁶. Велика была относительная доля малоземельных (3-10 десятин) дворов – 32,7%. Безземельные и богатые дворы имели примерно равные доли – 5,8% и 6,3% соответственно. Перечень сельскохозяйственных орудий был шире, чем в рассмотренных волостях Глазовского уезда, русскими крестьянами широко использовались сабаны – плуги с двумя лемехами и отвалом, однако преобладающим орудием вспашки являлась двуральная соха. Она в большей степени подходила для холмистого рельефа волости, позволяя при вспашке избегать эрозии почв²⁷⁷.

Сталкиваясь с малоземельем, крестьяне не оставались апатичными, и предпринимали попытки расширить свои владения за счёт казённых лесных дач. Так, 6 февраля 1891 г. жители деревни Старая Пыхта обратились к Земскому начальнику 9 участка Сарапульского уезда с предложением обменять принадлежащий им лесной надел размером 45,38 десятин удобной

---

²⁷³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 66–67.

²⁷⁴ Там же. С. 70.

²⁷⁵ Там же. С. 71

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 233.

и неудобной земли на 45,50 десятин леса из Чутырской казенной дачи²⁷⁸. Однако в обмене им было отказано²⁷⁹. Крестьяне другой деревни Дебесской волости – Катешура, хотели выкупить Николаевский участок казённой лесной дачи, однако сначала им было отказано в покупке вообще, а позже предложено выкупить лишь небольшую часть размером 6 десятин 1000 саженьей. Данное предложение мотивировалось тем, что весь участок не мог быть продан крестьянам, так как не подходил под условия закона 29 мая 1897 г. о продаже мелких казенных земельных участков²⁸⁰. Крестьяне согласились на условия, по которым они должны были выплатить за участок 719 рублей, с единовременной уплатой 476 рублей 98 копеек из этой суммы. Однако сделка, начавшаяся ещё в конце XIX в. затянулась до 1913 г., так как крестьяне не могли внести единовременный платёж²⁸¹. Тем не менее, участок был получен. Задержка в выплате объяснялась тяжёлым финансовым положением крестьян, переживших ряд неурожаев.

Арендные отношения не получили в Дебесской волости широкого распространения. Всего 87 русских домохозяев сдавали наделную землю, из них 22 сдавали целиком. Чаще к аренде прибегали удмуртские крестьяне (141 домохозяин). Однако в области съёма земли между русскими и удмуртскими крестьянами установился своеобразный паритет – 405 дворов, из них 202 русских и 203 удмуртских²⁸².

В отрасли скотоводства преобладали однолошадные хозяйства – 51,1%, из них 47,5% владели также коровой²⁸³. Вторую по величине долю хозяйств составляли дворы, владевшие двумя лошадьми – 27,6%, все из них владели коровой. Учитывая доли безлошадных (15,4%) и бескоровных (13%), а также доли хозяйств с тремя, четырьмя и более чем пятью лошадьми (3,8%; 1,9% и

---

²⁷⁸ ГАКО. Ф. 575. Оп. 9. Д. 187. Л. 30.

²⁷⁹ Там же. Л. 31.

²⁸⁰ ГАКО. Ф. 575. Оп. 11. Д. 637. Л. 16.

²⁸¹ Там же. Л. 43, 90, 92, 121.

²⁸² Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 72.

²⁸³ Там же. С. 70–71.

0,3%), с одной стороны, и долю не владевших скотом вообще (7,3%) с другой стороны, можно заключить о преобладании среднего крестьянства. Однако нельзя не отметить значительную долю малоземельных дворов, что указывало на тенденции имущественного расслоения. При этом не стоит говорить об обнищании дворов, поскольку выгодное географическое положение давало семьям возможность получать средства за счёт внеземледельческих занятий.

В 393 двора русских крестьян (62% от общего числа русских дворов) получила распространение внеземледельческая занятость. В 359 дворах 918 человек (855 мужчин и 63 женщины) занимались местными промыслами. Преобладало число крестьян, выступавших в качестве сезонных наемных работников (136 человек в 89 дворах)²⁸⁴, а также поденщиков. Распространёнными кустарными промыслами были плотничество, столярничество, важное место занимало кузнечное дело. Земские деятели отмечали, что ижевские заводы являются рассадником кузнечного промысла. В селе Дебесы русские крестьяне Е.Е. Бойков, Г.П. Тихонов, М.С. Пантюхин, в качестве необходимого в кузнечном деле сырья, закупали железо (до 10 пудов в год) из Воткинского завода, а часть приобретали на базаре в селе Дебесы. Кузнецы чинили тарантасы и экипажи, изготавливали подковы, серпы, косы, другие сельскохозяйственные орудия и бытовые предметы для жителей окрестных деревень²⁸⁵. Кузнецы починка Бибангурт В. М. Коротких и А. Максимов привозили железо из Казани. Кузнечные работы не отличались от выше описанных. Тенденция на производство кузнечных изделий для реализации среди местных жителей, без ориентации на более обширные рынки была характерна и для других волостей уезда²⁸⁶. Кузнечный промысел в деревнях, как правило, носил мелкотоварный характер, каждый крестьянский двор нуждался в его услугах. При этом, основным занятием

---

²⁸⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 69.

²⁸⁵ ГАКО. Ф. 574, Оп. 1. Д. 383. Л. 409.

²⁸⁶ Там же. Л. 392.

кузнецов было хлебопашество, кузнечным делом крестьяне занимались исключительно в свободное от сельскохозяйственных работ время²⁸⁷.

Преобладающим отхожим промыслом являлся извоз, на что непосредственное влияние оказало развитие скотоводства в волости. Извозчиками работали 54 человека, которые уходили в соседнюю Пермскую губернию²⁸⁸. Учитывая не высокую популярность отхода среди крестьян, а также специфику местных промыслов, можно заключить, что промыслы носили в Дебесской волости вспомогательный характер. Втягивание дебесских крестьян в товарно-денежные отношения можно проследить, обратившись к сведениям статистического комитета о ярмарках и базарах. Так, базары проводились в селе Дебесы еженедельно по воскресеньям, а традиция их проведения зародилась ещё до введения в волости земских учреждений. Перечень товаров составляли продукты сельского хозяйства и добывающих промыслов²⁸⁹.

Отрасли хозяйства русских крестьян Дебесской волости развивались неравномерно, в силу неблагоприятных природно-географических условий. Почвенный состав и обилие лесов обусловили небольшой размер земельных наделов, что привело к невозможности удовлетворить крестьянские нужды за счёт традиционного занятия – земледелия. Тем не менее, преобладание среднего крестьянства нивелировало процессы имущественной поляризации, а малоземелье стало толчком для развития адаптационных механизмов, что ярче всего проявилось в желании крестьян расширять наделы с помощью прирезок казённых земель. Развитое скотоводство, с одной стороны, уравновешивало общее положение сельского хозяйства волости, а с другой, позволяло крестьянам заниматься внеземледельческими занятиями (в частности извозом).

---

²⁸⁷ ГАКО. Ф. 574, Оп. 1. Д. 383. Л. 411.

²⁸⁸ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 69.

²⁸⁹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л.67.

Перевозинская волость располагалась в центральной части уезда, а своей южной оконечностью граничила с Пермской губернией. Природно-географические условия не были единообразны – север волости отличался преимущественно ровной поверхностью и обилием лесов, тогда как продвижение на юг обозначалось возрастанием числа оврагов и холмов, а также большей засушливостью²⁹⁰. Роль водных артерий волости выполняли реки Сива и Иж. Состав почв был представлен преимущественно суглинками и среднесуглинистыми сортами, небольшими островками в разных уголках волости залегали также супеси, глины и болотный чернозём. Суглинистые почвы, в целом, были благоприятнее супесей и глины, но в силу высокой засушливости, становились тяжелыми для сельскохозяйственной обработки.

Население составляли русские крестьяне двух разрядов – сельские обыватели и бывшие удельные. В 1469 дворах проживало 7741 человек²⁹¹. Крестьяне были наделены 11 926,1 десятинами земли, 11 792,3 десятины являлись удобными. Средний показатель наделной земли на один двор равнялся 7,1 десятине земли. Это практически в два раза меньше средних цифр по уезду – 12,6 десятин, и ниже средних показателей по «удмуртским уездам» и России. Дворы малоземельных крестьян составляли 60,2 %, средние крестьянские хозяйства составляли 34,1 %²⁹². На фоне данных показателей, доли безземельных и богатых крестьян представляются ничтожными (4,4% и 0,06%).

Земские деятели периодически занимались обследованием крестьянских хозяйств, вынося на обсуждение болевые вопросы. Так, сарапульский уездный Съезд земских начальников, по итогам обследования деревни Кобыляки, произведенного в 1899 г., заключал, что: «расстройство хозяйства в этом селении произошло от временной причины – неурожая 1898 года,

²⁹⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Приложения. Вятка, 1892. С. 25–26.

²⁹¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 178.

²⁹² Там же. С. 183.

благодаря которому продана часть скота и движимого имущества. <...> Крестьяне, в целом, не бедствуют, а недоимки вызваны исключительно расстройством хозяйства в следствие голода»²⁹³. Тот же Съезд, по итогам обследования другой деревни волости – Жужги, отмечал среди причин расстройства хозяйства не только неурожай 1898 г., но и то обстоятельство, что в течение 29 лет крестьяне не могли пользоваться всем количеством причитающейся им удобной земли, так как 92 десятины были в пользовании других селений, и вернулись к ним лишь в 1894 г.²⁹⁴ Исходя из этих данных, можно заключить, что, наблюдается ряд негативных тенденций, в обеспеченности малоимущих крестьянских хозяйств. В экстремальных случаях органы местного самоуправления не были готовы оказать необходимую помощь, но были в курсе всего происходящего в деревенских хозяйствах.

Процессы экономического расслоения крестьянства прослеживались в сфере арендных отношений. Необходимо выделить несколько характерных особенностей земельной аренды в Сарапульском уезде. Из-за малоземелья крестьян юго-восточной части уезда, сдача земли была распространена в наибольшей степени. Землю сдавали, как правило, те крестьяне, кто имел самый мелкий надел. Чем больше земли было у крестьян, тем меньше был процент, сдающих её²⁹⁵. Сдача производилась как частями, так и целиком. В случае возрастания доли сдающих целиком, можно было говорить об экономической недееспособности сдатчиков²⁹⁶.

Тенденции, отмеченные в земледелии, коснулись и скотоводства. Преобладали однолошадные хозяйства – 776 дворов (52,7%), 682 из них не имели коровы²⁹⁷. Хозяйства с двумя лошадьми равнялись 330 (22,43%), из которых 328 не имели коровы. Доли дворов с тремя, четырьмя, пятью и

²⁹³ ГАКО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 209. Л. 2, 3.

²⁹⁴ ГАКО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 210. Л. 2.

²⁹⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 232.

²⁹⁶ Там же. С. 236.

²⁹⁷ Там же. С. 182.

шестью лошадьми были незначительны (4,9%; 1,15%; 0,13%; 0,06%). Хозяйства, не имевшие скота составляли 165 (11,2%), а всего безлошадных и всего бескоровных дворов было 328 (22,3%) и 325 (22,1%)²⁹⁸. Несмотря на то, что доля дворов с лошадьми была довольно высокой, недостаток коров в крестьянских хозяйствах проявлялся отчётливо. Съезд земских начальников, обследуя деревни Кобыляки и Жужги, констатировал недостаток скота, как для обработки пашни, так и для удобрения²⁹⁹. Данное положение дел негативно сказывалось на рационе крестьян, в котором продукты животноводства традиционно занимали значительное место.

Хозяйственное развитие русских Перевозинской волости в отрасли скотоводства хорошо прослеживается на примере семьи удельных крестьян Жернаковых, проживавших в селе Паздеры, жизненная история которых, раскрывается благодаря материалам семейной переписки. Фактически Жернаковы оказались на грани выживания летом 1883 г.: «...для пропитания приходится хлеб покупать с базару, а уж для посева вовсе негде взять. <...> Хотим продать последнюю лошадь»³⁰⁰. В конце 1883 г., после того как была куплена кобылица, ситуация несколько выправилась. Тем не менее, цены на хлеб были стабильно высокими, что послужило причиной продажи одной из коров для получения денег на покупку зерна. В прямой зависимости от урожайности находилась динамика цен на хлеб, которая определяла ведение крестьянского хозяйства. В урожайные годы цены снижались, что позволяло крестьянам стабилизировать их имущественное положение. Важно отметить, что владение скотом, помимо очевидного экономического фактора, было связано и с фактором психологическим – бедность не устраивала крестьян, а в совокупности с условиями общинной жизни, подталкивала их к поискам возможностей улучшить собственное положение.

Одной из возможностей поправки имущественного положения являлись внеземледельческие занятия, получившие в Перевозинской волости довольно

---

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ ГАКО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 210. Л. 3.

³⁰⁰ Йокояма О. Б. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 2. М., 2014. С. 68.

широкое распространение, в силу неразвитости сельского хозяйства. Местными промыслами занимались 1971 крестьянин. Преобладающе местными кустарями являлись овчинники – 268 человек в 236 дворах³⁰¹. Важно отметить, что перевозинские крестьяне искали заработок внутри своей волости³⁰². Преобладающим обрабатывающим промыслом являлась рубка леса – 921 человек в 606 дворах. На развитие этого промысла прямое влияние оказали природно-географические условия – обилие лесов. Занятость в промысловой деятельности являлась проявлением выработки адаптационных механизмов русского крестьянина, в условиях невозможности удовлетворять свои нужды за счёт сельского хозяйства.

История семьи Жернаковых позволяет проследить механизм адаптации русского крестьянства в условиях развития внутреннего рынка. Благодаря приобретению лошади, семья смогла заниматься внеземледельческой деятельностью. Стоит отметить, что 10 дворов в уезде занимались речным извозом по Каме, в их числе находились Жернаковы³⁰³. В переписке со старшим сыном родители сообщали, что извоз приносит прибыль: «Плавали уже 10 раз в Сарапул и уплатили старые долги, и даже купили на даче тес и уже продали в Сарапуле»³⁰⁴. Основным грузом, перевозимым по Каме, являлась древесина.

В дополнение перевозки древесины, Жернаковы стали транспортировать бочки с вином. Изначально, сарапульский купец С. Г. Тюнин был единственным, кто предоставлял заказы на доставку вина³⁰⁵. Он владел тремя заводами по производству алкоголя, и являлся одним из крупных предпринимателей уезда³⁰⁶. Деловые отношения С.Г. Тюнина и семьи

---

³⁰¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 180.

³⁰² Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 180.

³⁰³ Там же. С. 562–571.

³⁰⁴ *Йокояма О. Б.* Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 2., М., 2014. С. 16.

³⁰⁵ Там же. С. 41–42.

³⁰⁶ *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. С. 81.

Жернаковых не отличались стабильностью. Вино с предприятий Тюнина доставляли потребителям как водным транспортом по Каме, так и сухопутным, на телегах. В письмах за 1882 г. прослеживается нежелание дальнейшего сотрудничества с купцами, из-за невыгодных для Жернаковых условий³⁰⁷.

В том же 1882 г., Жернаковы, продолжая работать на Тюнина, стали сотрудничать с крупным сарапульским купцом И. И. Бодалёвым. В отличие от С. Г. Тюнина, с новым для семьи предпринимателем деловые и личные отношения сложились удачно. На винокуренные заводы Бодалёва Жернаковы привозили хлебное вино, которое использовалось как заготовка для перегонки более качественных алкогольных напитков. Наладив экономическое взаимодействие, семья стала поставлять продукты сельского хозяйства: «Доставляли хлеб в разные земства, осенью вели комиссию по покупке картофеля, за что брали по 2 коп. за пуд. Доставили всей около 70 тысяч пудов, водой 45 тысяч. Заработали от Бодалёва не меньше 2000 рублей»³⁰⁸. Жернаковы постепенно становились экономически независимыми. Опыт, приобретенный членами семьи в сотрудничестве с крупными купцами, позволил им развивать самостоятельную предпринимательскую деятельность.

В принадлежавшем С. Г. Тюнину питейном заведении, Жернаковы стали торговать с начала 1883 г., а уже через два года открыли лавку «от Тюнинского приказчика». Характерно, что в тот период лавки и заведения подобного рода пользовались популярностью – с 1864 г. по 1895 г. их число возросло с 1150 до 2475³⁰⁹. Торговая деятельность Жернаковых не всегда складывалась удачным образом. В 1892 г. они поссорились с Тюниным, после чего открыли в родных Паздерах собственную лавку, в которой продавали алкоголь по дешёвым ценам (6 рублей за чарку), мотивируя это

---

³⁰⁷ Йокояма О. Б. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 2., М., 2014. С. 46.

³⁰⁸ Там же. С. 156.

³⁰⁹ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. С. 219.

тем, что низкие цены не наносят убытка им, являясь при этом фактором конкуренции с Тюниным.

Сотрудничество с Тюниным и Бодалёвым стало возможным благодаря наличию в собственности семьи лодки. Со временем рос объём заказов, нужно было приобретать более совершенное и надежное судно. Жернаковы продали старую лодку в 1884 г. за 65 рублей и арендовали более качественную за 20 рублей. Параллельно с этим была заготовлена древесина для строительства собственного судна³¹⁰. В этот период в Паздеры из Тюмени вернулся Алексей Жернаков, что сыграло решающую роль в предпринимательской деятельности семьи. Помогая старшему брату-купцу в Тюмени, Алексей приобрел необходимые навыки и средства для ведения собственного дела. В 1885 г. у Жернаковых было уже две лодки, одна из которых была построена самостоятельно, а другая приобретена за 100 рублей серебром³¹¹.

В последнюю четверть XIX в. на Каме бурно развивалось пароходство. В письме от 1 декабря 1886 г. отец семейства сообщал старшему сыну в Тюмень о покупке маленькой железной винтовой лодки мощностью шесть лошадиных сил за 2600 рублей³¹². Все дела находились в ведении сыновей, в то время как старшее поколение семьи проживало в Паздерах и занималось сельским хозяйством. В конце 1880-х гг. пароходство на Каме было уже достаточно развитым, и Жернаковым приходилось сталкиваться с жёсткой конкуренцией в лице крупных перевозчиков. Несмотря на малый капитал и недостаток инвентаря, семья продолжала вкладывать средства в дело.

Новое деревянное судно было куплено в 1892 г. за 8500 рублей. Обновление инвентарной базы дела позволило охватить новые точки реализации товаров и расширить их перечень: «Доставку взяли из Юго-Камского завода до Елабуги, железа 40 000 пуд. по 4 коп. за пуд. на 4000

---

³¹⁰ Йокояма О. Б. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 2., М., 2014. С. 79.

³¹¹ Там же. С. 84.

³¹² Там же. С. 91.

руб., и другие предвидятся доставки»³¹³. Жернаковы осуществляли перевозки не только по Каме, но и по Волге, с заходами в Кинешму. С 20 апреля по 20 июля 1892 г., используя два собственных парохода и один арендованный, семье удалось заработать 8000 рублей³¹⁴. Тем не менее, Жернаковы прекрасно понимали необходимость увеличения затрат на содержание рабочих и должный уход за судами, чтобы соответствовать крупным предпринимателям и конкурировать с ними на равных.

В 1894 г. трое братьев Жернаковых приняли решение полностью исключить торговую деятельность в Паздерах, и сосредоточиться на перевозках³¹⁵. В уездном центре им удалось открыть собственную компанию «ПАРХОДСТВО Алексея Жернакова с братьями в Сарапуле», благодаря тому, что в предыдущем году они успешно выполнили все заказы на хлебные доставки³¹⁶. Рост прибыли был обусловлен ростом заказов. Так, весной-летом 1895 г. компания доставила 671 003, 25 пудов груза, при общей сумме заказов равной 38 411 рублям³¹⁷.

Таким образом, семья, вынужденная обратиться к внеземледельческим занятиям вследствие невозможности обеспечивать свои нужды за счёт сельского хозяйства постепенно утратила традиционные связи со своим сословием и перешла в другое, объявив себя сарапульскими купцами 2-й гильдии. Стоит, однако, учитывать, что история Жернаковых не отражает общей тенденции местной хозяйственной жизни: далеко не всем крестьянам удавалось пройти такой же феноменальный путь. Чаще всего в условиях малоземелья крестьяне Перевозинской волости вынуждены были отказываться от земледелия и обращаться к внеземледельческим занятиям, чтобы прокормить себя. Вместе с тем пример Жернаковых указывает на наличие во второй половине XIX в. коридоров социальной мобильности

---

³¹³ Там же. С. 187.

³¹⁴ Йокояма О. Б. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 2., М., 2014. С. 191.

³¹⁵ Там же. С. 235.

³¹⁶ Там же. С. 237.

³¹⁷ Там же. С. 266.

крестьянства и его включение в систему общероссийского национального рынка.

Юринская волость располагалась в южной части уезда, поблизости к уездному центру – городу Сарапулу. Местность отличалась наличием множества холмов и оврагов. Засушливый климат был обусловлен слабым орошением, лишь одна из частей волости хорошо орошалась Камой. Мелкие реки вроде Ижа и Кырыкмаса не могли обеспечить достаточный объём орошения. В волости практически не было болот и лесов³¹⁸. Преобладающими почвами являлись благоприятные для земледелия суглинки, реже встречались – глины и пески. Основной выращиваемой культурой являлась рожь.

Волость населяли государственные русские (4708 человек – 56,2%) и удмуртские (516 человек – 6,2%) крестьяне, а также бывшие удельные русские (3145 человек – 37,6%). Из 1520 дворов в 873 проживали русские государственные крестьяне, в 555 бывшие удельные³¹⁹. Надельной земли было 24 779,3 десятины, под пашню русским государственным крестьянам было выделено 12 947,2 десятины из 16 077,2 удобной. Удельные крестьяне были наделены лишь усадебной землёй – 145,1 десятин³²⁰. Обращает на себя внимание контрастность средних показателей распределения земли на один двор – относительно немногочисленное удмуртское крестьянство имело 27,3 десятины, тогда как русские государственные крестьяне 16,7 десятин, бывшие удельные же имели всего 8,2 десятин³²¹. Поскольку распределение земли было неравномерным, показатели благосостояния русских крестьян разнились в зависимости от их разряда, что указывает на определяющую роль правового фактора. Среди русских государственных преобладали средние хозяева, их дворы составляли 60%, практически равны были доли

---

³¹⁸ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Приложения. Вятка, 1892. С. 27.

³¹⁹ Там же. С. 306.

³²⁰ Там же. С. 310.

³²¹ Там же. С. 311.

малоземельных и зажиточных – 20,8% и 17,4% соответственно³²². Учитывая наличие богатых дворов с наделом больше 50 десятин (1,4%), и достаточно высокую долю безземельных крестьян (12%), справедливо говорить о высокой степени имущественного расслоения. Удельные крестьяне были значительно беднее – преобладали малоземельные дворы – 67,5%, доля средних хозяйств равнялась 38,5%, зажиточных лишь 0,9%³²³. Относительно высок был процент безземельных дворов – 12,2%.

В столь неблагоприятных условиях, большое развитие получили арендные отношения. Число сдающейся земли равнялось 498 десятинам среди русских государственных и 182 десятинам среди бывших удельных крестьян. Наибольшее количество снятой земли приходилось на вненадельный фонд. Русскими крестьянами было снято 2563 десятины пашни, причём 2485 десятин сняли бывшие удельные³²⁴. Общее число дворов, арендовавших землю равнялось 613, из них 189 – русские государственные, 417 – бывшие удельные³²⁵. Бывшие удельные крестьяне, находясь в худшем положении, обращались к аренде земли значительно чаще, нежели русские государственные крестьяне, положение которых было более благоприятным.

Животноводство русских крестьян волости находилось на недостаточно высоком уровне развития. Преобладали однолошадные дворы – 43,8% русских государственных крестьян, 47,3% бывших удельных. Для русских государственных крестьян доли безлошадных дворов (17,7%) и дворов с двумя лошадьми (17,7%) были равны³²⁶. У бывших удельных доля безлошадных хозяйств была выше и составляла 19,2%, в то время как доля хозяйств с двумя лошадьми равнялась 15,3%. Доли безлошадных и бескоровных дворов русских государственных крестьян равнялись 43,4% и

---

³²² Там же.

³²³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Приложения. Вятка, 1892. С. 311.

³²⁴ Там же. С. 312.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же. С. 310.

34,4%, бывших удельных 47,2% и 38,5%³²⁷. Учитывая низкие доли дворов с 3 и более лошадьми, а также процент дворов без скота вообще (25,6% у государственных и 27,9% у бывших удельных), можно заключить, что расслоение крестьянства, отмеченное в земледелии, в данной отрасли также имело место.

Внеземледельческие занятия получили в Юринской волости широкое распространение. Местным промыслом занимались 1320 русских государственных крестьянина и 626 бывших удельных³²⁸. Небольшое число дворов было задействовано в торговле, возможно в роли скупщиков или приказчиков; либо владельцев торговых лавок. Преобладающим занятием являлась поденщина, охватившая 390 дворов государственных и 215 дворов бывших удельных крестьян. Наемными работами занимались 393 государственных и 199 бывших удельных крестьян³²⁹. Преобладающим, среди первой категории, было плотничество, им занимались 73 человека из 64 дворов; среди удельных крестьян преобладал извоз, которым было занято 40 человек из 29 дворов. Стоит отметить, что, как и в Перевозинской волости, все крестьяне работали в границах своего уезда.

В целом, ситуация, сложившаяся в отраслях крестьянского хозяйства данной волости, была во многом схожа с Перевозинской волостью. Незрелость сельского хозяйства в силу малоземелья и неблагоприятных природно-климатических условий, привела русских крестьян к необходимости обращаться к внеземледельческим занятиям. Фактором, оказавшим определяющее влияние на расслоение, стало распределение земельных наделов по разрядам крестьянства.

Чегандинская волость, располагавшаяся также в южной части уезда, по природно-географическим условиям делилась на две полосы. Первая из них, относилась к одному из наиболее орошаемых районов – Коростино-

---

³²⁷ Там же.

³²⁸ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Приложения. Вятка, 1892. С. 309.

³²⁹ Там же.

Исенбаевскому, основной водной артерией которого, являлась Кама³³⁰. Рельеф местности был холмистым и возвышенным. Преобладающей почвой являлся средний серый подзолистый суглинок, почти везде встречались примеси песчаных почв. За счёт хорошего орошения, примеси песков практически не оказывали негативного влияния на общий состав почв. Основные сельскохозяйственные культуры – рожь и ячмень. Вторая полоса волости относилась к Камско-Каракулинскому району, занимавшему юго-восточную окраину уезда. Орошение здесь носило совершенно противоположный характер – Кама не орошала, а мелкие речки пересыхали летом. Местность была холмистой, поля находились между оврагами. Практически полное отсутствие лесов приводило к постоянным засухам, а вкупе со слабым орошением порождало крайне неблагоприятные условия для земледелия³³¹. Преобладающей почвой являлся серый суглинок, который крестьянская поговорка характеризовала так: «Суглинка в мокредь не вспашешь, вязнет, а в сухмень не подымешь, слипается»³³².

Население волости было полиэтническим, его составляли государственные русские и черемисские (марийские) крестьяне, удельные русские и тептяри марийцы, причём жили все этносы обособленно друг от друга. Из 2029 дворов 358 населяли русские государственные крестьяне, 1306 – бывшие удельные, общая доля дворов русских составляла 82%³³³. Из 19714,6 десятин удобной надельной земли, под пашню русским государственным крестьянам было отведено 3144,4 десятины, а бывшим удельным – 10235,1 десятин. Средний показатель надельной земли у

³³⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Вятка, 1893. С. 31.

³³¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Вятка, 1893. С. 33.

³³² Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / [соч.] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. Санкт-Петербург; Москва: т-во М. О. Вольф, 1903–1911. С. 614.

³³³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 266.

государственных равнялся 11,2 десятин, удельных – 8,3 десятин, а общий показатель по волости равнялся 9,5 десятинам³³⁴. Преобладающими среди государственных крестьян были средние хозяйства – 62,8%, малоземельные составляли 29,6%³³⁵. Учитывая доли безземельных и богатых – 6,7% и 0,3% соответственно, можно заключить, что имущественное расслоение вело к поляризации крестьянства, но по средним показателям стабилизировалось высокой долей средних дворов. Среди бывших удельных преобладающими являлись малоземельные хозяйства – 62,7%, доля средних дворов равнялась 30,9%³³⁶. Доля богатых хозяйств была такой же, как у государственных крестьян – 0,3%, а безземельные дворы составляли 8%. В среде бывших удельных крестьян обозначалась тенденция к обнищанию.

Арендные отношения подтверждают тенденции, обозначившиеся при группировке крестьян по землевладению. Надельную землю сдавали 109 государственных крестьян и 370 бывших удельных. В общей сложности, первыми было сдано однообщинникам 167,04 десятин, а вторыми 792,63 десятины. В то же время, крестьянам чужих общин было сдано 48,1 десятин государственными и 44,6 бывшими удельными³³⁷. Снимали землю у крестьян чужих общин 59 дворов государственных и 215 бывших удельных, ими было снято 279,8 десятин и 702,46 десятин, соответственно. Вненадельную землю снимали 125 дворов государственных крестьян и 603 двора удельных. Пашни было снято 349 десятин первыми и 4875,9 вторыми³³⁸. Сравнивая соотношение между числами дворов и количеством арендуемой земли, можно сделать вывод о гораздо более бедственном положении бывших удельных крестьян, по сравнению с государственными.

На развитие скотоводства Чегандинской волости прямое влияние оказали природно-географические условия. Засушливый климат, слабое

---

³³⁴ Там же. С. 270.

³³⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 271.

³³⁶ Там же. С. 271.

³³⁷ Там же. С. 272.

³³⁸ Там же.

орошение привели к недостатку выгонов и кормов для скота. Относительные доли государственных и бывших удельных крестьян в этой отрасли были практически равными. Преобладали дворы с одной лошастью – 42,1% и 41,3% у двух категорий крестьян³³⁹. Следом шли хозяйства с двумя лошадьми – 21,3% и 25,4%. Доли дворов с тремя (7,8% и 7%), четырьмя (1,9% и 2%), пятью (0,2% и 1,1%), шестью (1,1% и 1,1%) не были высоки, а доли дворов без скота составляли 10,3% и 12,3% для государственных и удельных крестьян соответственно³⁴⁰. Отрасль скотоводства развивалась динамичнее в сравнении с земледелием, где негативную роль играли малые размеры наделов, однако не выправляла общего положения в сельском хозяйстве.

Развитие внеземледельческих занятий в Чегандинской волости напрямую вытекало из состояния сельского хозяйства. Местным промыслом было охвачено 228 (63%) дворов государственных крестьян и 616 (47%) бывших удельных. Преобладающей являлась работа поденщиком, причём если в 38 дворах государственных крестьян ей занимались 299 человек, то в 13 дворах бывших удельных – 382 человека³⁴¹. Отхожий промысел был представлен в 77 дворах государственных крестьян и 242 дворах бывших удельных. Преобладающими отходниками являлись кулёвщики – 203 человека в 134 дворах, причём все из них относились к разряду бывших удельных крестьян³⁴². Кулевой промысел, как часть отрасли плетения вещей из местного сырья, стоял на первом месте по количеству занятых лиц, а стимулом для его развития явилась потребность Поволжского рынка в кулях и рогожах³⁴³. Кулевой промысел, как правило, представлял собой рассеянную мануфактуру, которая принадлежала купцам или зажиточным крестьянам.

---

³³⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 270.

³⁴⁰ Там же. С. 270

³⁴¹ Там же. С. 268.

³⁴² Там же.

³⁴³ Лигенко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60 – 90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991. С. 35.

В условиях, не позволявших развивать сельское хозяйство, главным образом из-за неблагоприятных природно-климатических условий, крестьяне обращались к промысловой деятельности, что особенно отчётливо проявилось в среде бывших удельных крестьян, так как их положение было тяжелее, чем государственных. Говоря о развитии товарно-денежных отношений, необходимо указать, что в Чегандинской волости, в починке Кумырок проводилась ярмарка, традиция организации которой, уходила своими корнями в доземские времена³⁴⁴.

Определяющими факторами, влиявшими на систему жизнеобеспечения крестьянской семьи русского населения Сарапульского уезда, выступали правовые, природно-географические и социально-экономические условия, а также полиэтничность региона. Они определяли пропорции развития отдельных отраслей крестьянского хозяйства, а также формировали закономерности их внутреннего развития. Для Сарапульского уезда, характерна большая вовлеченность русского крестьянства в промысловую деятельность, вызванная недостаточной обеспеченностью хозяйства пашенным наделом, невозможностью обеспечивать свои нужды семьи за счёт сельского хозяйства. В то же время, коренное удмуртское население, имея в своих руках более крупные земельные наделы, удовлетворялось результатами земледелия и скотоводства.

§ 2.3. Эволюция крестьянского хозяйства Малмыжского уезда

Малмыжский уезд делился рекой Вяткой на две части – северную по левому берегу реки и южную по правому берегу. Северная (Завятская) часть отличалась обилием лесных массивов с редкими вкраплениями крестьянского землевладения и занимала 3/6 всей площади. Русских переселенцев на эту территорию изначально привлекали почвы,

---

³⁴⁴ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л. 64.

относившиеся к лучшим в уезде³⁴⁵. Южная (Предвятская) часть практически полностью была занята общинной пашней, она занимала 1/6 площади уезда. Основная часть земель (51,18%) принадлежала казне, а в руках крестьянства находилось 45,23% земли³⁴⁶. Здесь залежали преимущественно дерново-подзолистые почвы. В связи с составом почв безусловно важны были сельскохозяйственные мероприятия по борьбе с водной эрозией. Необходимость регулярного использования органических удобрений была обусловлена нехваткой питательных веществ для растений, ставшей следствием низкого содержания гумуса. Высокая кислотность почв также решалась с помощью внесения удобрений³⁴⁷.

Важной деталью ландшафта являлся почтовый Сибирский тракт, проходивший по всему протяжению уезда (231 верста 356 саженой). Он содержался на губернский земский сбор³⁴⁸. К концу XIX в. тракт утратил своё общероссийское коммуникационное значение вследствие развития паромства по рекам Каме и Вятке. Однако он продолжал играть важную роль в инфраструктуре Урало-Поволжского региона, особенно в период зимнего прекращения навигации, когда тракт служил средством грузообмена между Казанью и Пермью, Уральским горнозаводским районом, и Ирбитской ярмаркой³⁴⁹.

По сравнению с представителями других этносов, русское население количественно преобладало. Русские крестьяне жили большей частью обособленно, приблизительно 1/3 из них жила с удмуртами и марийцами. 4/7 удмуртского населения жили вместе с русскими. Марийцы и татары селились преимущественно моноэтническими группами. Из рассматриваемых нами

³⁴⁵ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 2.

³⁴⁶ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 5.

³⁴⁷ В.П. Ковриго, И.С. Кауричев, Л.М. Бурлакова Почвоведение с основами геологии. М.: Колос, 2000. С. 226.

³⁴⁸ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 108.

³⁴⁹ ГАКО. Ф. 616. Оп. 7. Д. 1. Л. 2.

волостей Малмыжского уезда, русские жили по соседству с татарами в Усадской волости. Совместно с марийцами русские были расселены в Малмыжской волости, а вместе с удмуртами жили в Сюмсинской и Большеучинской волостях, причём в последней удмуртское население численно превосходило русское³⁵⁰. Выбор именно этих волостей обусловлен желанием рассмотреть крестьянские хозяйства, находившиеся в разных природно-географических условиях в рамках одного уезда. В свою очередь, этническое разнообразие населения рассматриваемых поселений, позволит проанализировать хозяйственную жизнь русского крестьянина в его соседстве и взаимодействии с представителями других народностей.

Население самой северной волости уезда, **Сюмсинской**, составляли русские и удмуртские государственные крестьяне. Из 1393 дворов 883 принадлежали русским, всего в них проживало 5263 крестьянина обоего пола (60% от всего населения волости)³⁵¹. Ситуация с преобладанием русских развивалась постепенно, до их переселения из Нолинского, Уржумского и Глазовского уездов, удмурты преобладали³⁵². Во второй половине XIX в., часть удмуртов переселилась со своих мест, образовав новые починки.

Сельскохозяйственные угодья русских крестьян находились в общинной собственности, 8135,3 десятин (52%) было отведено под пашню, всего удобной земли было 15 539,6 десятин. В среднем, размер земельного надела русских составлял 18,4 десятин на двор, что выше средних показателей по «удмуртским уездам» Вятской губернии и России, но ниже, чем размер надела удмуртских крестьян волости – 24,7 десятин³⁵³. Преобладали средние хозяйства, с колебанием наделов от 10 до 25 десятин, их доля составляла

---

³⁵⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 74.

³⁵¹ Там же. С. 8–13.

³⁵² Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 3.

³⁵³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 8–13.

62%³⁵⁴. Безземельные дворы составляли 1%, а дворы, наделённые свыше 50 десятин земли – 1,3%. Исходя из этого, можно сделать вывод о невысокой степени экономического расслоения.

Системой полеводства было трёхполье, распространённое среди всех русских крестьян уезда. Особенностью, отличавшей Малмыжский уезд от других уездов, было отношение русских и удмуртских крестьян к удобрению почвы – если для Глазовского, Сарапульского и Елабужского уездов справедливым будет утверждение о слабой заинтересованности удмуртов к унавоживанию пашни по сравнению с русскими, то в волостях Малмыжского уезда ситуация была прямо противоположной – удмурты вывозили навоз на поля чаще русских крестьян, и сам процесс удобрения был более тщательным³⁵⁵. Одним из возможных объяснений данного явления, могла быть приверженность удмуртского населения к двупольной системе, вызванная нежеланием прилагать больших усилий к обработке земли (что требовалось при трёхполье). Двуполье позволяло сосредоточить внимание крестьян на малом числе сельскохозяйственных задач, и, как следствие, легче принимать аграрные инновации. Стоит отметить, что под давлением русских соседей, удмурты всё же переходили к трёхпольной системе³⁵⁶.

На примере Дебесской волости Сарапульского уезда, мы видели, как крестьяне предпринимали попытки исправить своё экономическое положение, с помощью прирезки земель в наделы. В Сюмсинской волости Малмыжского уезда положение крестьян было гораздо устойчивее и благоприятнее, однако желание расширить свои владения проявлялось и здесь. В декабре 1880 г. крестьяне селений Гурклуда и Кучея подали прошение о прирезке в дополнительный надел их селениям из свободных казённых земель до 641 десятины, а именно: первому селению Гурклуду

---

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 70–71.

³⁵⁶ Там же. С. 58.

55,96 десятин расчисток и 273 десятины леса, и второму селению 54,71 десятину, а также 250 десятин леса³⁵⁷. Земство оценило существующие наделы селений как значительные по размерам и плодородные, а также отметило, что селения являлись самыми урожайными по волости³⁵⁸. Недостаток леса предлагалось устранить за счёт покупки, так как цены были довольно низкими – от 1 рубля до 1 рубля 40 копеек. В итоге, крестьянам обоих селений, было разрешено прирезать земли из свободных новинных земель, составлявших расчистку, но отказать в прирезке участка из казенной лесной дачи.

Животноводство русских крестьян волости находилось на довольно высоком уровне: 830 дворов (94%) обладали коровами; хозяйств, не имевших скота было всего лишь 26 (3%)³⁵⁹. Преобладали дворы с двумя лошадьми – 42%, значительную долю составляли крестьянские хозяйства с одной лошадью – 33,5%. Существовали дворы с тремя (12,4%), четырьмя (4,5%), пятью (1,1%) и даже шестью лошадьми (0,5%)³⁶⁰. Стоит отметить преобладающую долю средних хозяйств, однако наличие богатых скотом дворов, указывает на тенденцию экономического расслоения русского крестьянства и возможности обогащения для определенной прослойки крестьянства, формирующейся в условиях капитализации деревни.

Стоит отметить, что во всей северной части уезда скот ходил без пастухов, своих коров крестьяне отыскивали на выгонах по звону колокольчика³⁶¹. При этом, частыми были нападения на скот волков и медведей, однако скот продолжал пастись без надзора. Подобное «равнодушие» крестьян может быть объяснено именно тем, что в

---

³⁵⁷ ГАКО. Ф. 575. Оп. 9. Д. 108. Л. 2.

³⁵⁸ ГАКО. Ф. 575. Оп. 9. Д. 108. Л. 3.

³⁵⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 8–13.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 126.

животноводческой отрасли не наблюдалось дефицита особей, шло естественное восполнение потерь. К тому же, волки, задиравшие в основном мелкий скот, но изредка убивавшие коров и лошадей, жили на территории казённых лесов, где несанкционированная охота была запрещена. Без охотничьего билета нельзя было даже поставить капканы. Крестьяне находили выход из положения, устраивая своеобразные «облавы» на хищников – население нескольких смежных деревень собиралось вместе, принося для облавы ружья, сковородки, медные тазы, трещотки и другие предметы, с помощью которых создавался невообразимый шум. Такие шумовые отряды крестьян обходили всю территорию по меже, в течение одной ночи. Создаваемый ими гам, отпугивал волков, которые убегали за много вёрст и после этого долгое время не показывались³⁶².

Внеземледельческие занятия среди русских крестьян волости носили вспомогательный характер. Местными промыслами занимались 360 крестьян в 301 дворе (34%)³⁶³. Преобладающим был лесной промысел, которым было занято 165 дворов. Широкое распространение этого промысла было обусловлено природно-географическими факторами – практически вся территория уезда была покрыта лесами, 9/10 которых, составляли строевые породы. Важное место в крестьянской жизни было отведено кустарным промыслам, которые охватывали 131 двор³⁶⁴. Они были, в основном, связаны с деревообработкой, в частности, широкое распространение получило мебельно-столярное дело³⁶⁵. В Сюмсинской волости 9 человек занималось плетюшечным промыслом. Следует отметить, что в первые пореформенные десятилетия, в целом, в уезде, он не имел широкого распространения (занято было всего 14 крестьян), однако в последние 20 лет XIX в. промысел

---

³⁶² Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 126.

³⁶³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 8–13.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1893. С. 34.

стремительно развивался. Он приобрёл товарный характер, в виде капиталистической рассеянной мануфактуры, принося солидную прибыль, как владельцам, так и наемным работникам. Дневной заработок плетюшечников составлял не менее 30–40 копеек, а годовой колебался от 30 до 40 рублей³⁶⁶.

Отхожий промысел в Сюмсинской волости не получил широкого распространения, им занималось лишь 10 русских крестьян³⁶⁷. Данное явление было обусловлено крупным размером земельного надела и высоким уровнем развития животноводства, вследствие чего, крестьянам не было нужды уходить из деревни на заработки. Реализовывать продукцию собственного труда крестьяне могли на ярмарках и базарах. В селе Сюмси проводилось три трехдневные ярмарки: 21 ноября, 2 февраля и в праздник Святой Троицы. Они проходили ежегодно и были открыты по распоряжению Вятского губернского правления, изложенному в предписании Малмыжского полицейского управления от 31 мая 1867 г.³⁶⁸. Базары в селе Сюмси проводились еженедельно по воскресным дням. Кроме товаров местного потребления, крестьяне торговали лошадьми и в весеннее время привозили на продажу пчёл³⁶⁹.

Малмыжская волость, разделялась рекой Вяткой на две части – Завятскую и Предвятскую, и располагалась на юге Малмыжского уезда. Вся Завятская сторона отличалась ровной поверхностью, практически без холмов и оврагов, а также обилием лесов. В данной местности залегали преимущественно супесчаные почвы, подверженные эрозии, но из-за хорошей фильтрации удобные для удобрения. Предвятская сторона представляла собой полную её противоположность – холмистая и неровная, с суглинистыми почвами, более пластичными и лучше удерживающими влагу,

---

³⁶⁶ Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1893. С. 185.

³⁶⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 8–13.

³⁶⁸ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 306. Л. 107.

³⁶⁹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л. 28.

по сравнению с супесями. Завятская сторона была заселена, в основном, в XIX в. Волость располагалась близко к центру уезда – городу Малмыжу. Из 1117 дворов – 889 (79,5%) принадлежали русским и 228 (20,5%) марийцам (черемисам); все крестьяне относились к разряду государственных³⁷⁰.

Сельскохозяйственные угодья находились в общинной собственности, 9103,3 десятины (53,8%) было отведено под пашню, всего удобной земли было 16 897,3 десятины. Средний размер надела русских крестьян равнялся 20,6 десятины, марийских – 25,5 десятины³⁷¹. Преобладали средние хозяйства, доля которых составляла 50%, при практически равных показателях безземельных и многоземельных хозяйств (50–100 десятины) – 2% и 1,9% соответственно³⁷². Малоземельные (до 10 десятины) и зажиточные хозяйства (25–50 десятины) также находились в «равновесии» – 23% и 22%, соответственно. Данные цифры рисуют картину более глубокого экономического расслоения в Малмыжской, чем в рассмотренной выше Сюмсинской волости.

Животноводство здесь развивалось такими же темпами, что и в Сюмсинской волости, с той лишь разницей, что в Малмыжской волости преобладали однолошадные хозяйства (40%), тогда, как дворы с двумя лошадьми составляли вторую по размерам долю (38%)³⁷³. Хозяйств с тремя (9,4%), четырьмя (1,7%), пятью (0,2%) и шестью (0,3%) лошадьми было относительно немного. В 791 дворе (89%) имелись коровы, а хозяйств, не имевших скота вообще, насчитывалось 50 (5,6%). Своим скотом обрабатывали землю 779 дворов (87%). Исходя из этих данных, можно сделать вывод о стабильной ситуации в данной отрасли русского крестьянского хозяйства.

Что касается промыслов, в Малмыжской волости из 544 русских крестьян было занято 498. Преобладающим местным внеземледельческим

---

³⁷⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 116–121.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же.

занятием являлась поденщина (404 человека), на дневные работы уходили, в том числе, и в уездный центр – город Малмыж³⁷⁴. Интересной особенностью данной волости было развитие хмелеводства. Данное занятие не было редким на территории «удмуртских уездов» Вятской губернии, крестьяне выращивали хмель на приусадебных участках, обслуживая пивомедоваренные, винно-водочные заводы купцов Бодалевых, Тюниных, Бахтияровых, Новококшеновых (Сарапульский уезд), Стахеевых, Ушковых (Елабужский уезд), Александровых, Булыгиных (Малмыжский уезд), в связи с этим, хмелеводство приобрело товарный характер³⁷⁵. Одна хозяйственная десятина, засеянная хмелем, приносила русским крестьянам до 300 рублей дохода³⁷⁶.

Отхожими же промыслами, занималось исключительно русское крестьянство – всего 35 человек³⁷⁷. Марийцы, имевшие в среднем большой земельный надел, при полном отсутствии безземельных дворов, могли обеспечить свои нужды за счёт земледелия, в то время как русские вынуждены были уходить на заработки. Основным занятием русских отходников являлось бурлачество по реке Вятке и наемные работы на современном развитом речном транспорте.

Русские крестьяне данной волости наряду с сельскохозяйственными занятиями, активно были включены во внеземледельческую деятельность, на развитие которой оказали ощутимое влияние как раннекапиталистические процессы (развитие промышленного капиталистического мануфактурного и мелкотоварного производства, а также начальных стадий стационарной

---

³⁷⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 116–121.

³⁷⁵ *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начала XX века. Ижевск, 2001. С. 326–346.

³⁷⁶ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 60.

³⁷⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 116–121.

торговли, расширение периодической сферы рынка), так и развитые формы, связанные с модернизацией промышленного производства и механизацией речного транспорта.

Территория **Большеучинской волости**, располагавшейся в восточной части Малмыжского уезда на границе с Елабужским уездом, практически полностью была отведена под крестьянское землевладение, лишь в юго-восточной окраине, по низовью реки Сюги имелось два участка земли, не принадлежавшей крестьянам, один из них находился в частном владении, а другой принадлежал казне³⁷⁸. Почвы преимущественно суглинки, реже встречались супеси. Качество почв было удовлетворительным, а учитывая довольно серьёзное отношение к удобрению пашни, условия для хороших урожаев становились выше, чем в других волостях. Интересны поговорки, записанные земскими исследователями от Большеучинских крестьян: «не поле кормит, а полоса», «темна заря на поле выгонит, темна заря с поля сгонит»³⁷⁹. Поговорки раскрывали отношение крестьян к труду, показывали осознание условий, в которых проходит их повседневная жизнь. В Большеучинской волости, как и в Сямсинской, население составляли русские и удмуртские государственные крестьяне, однако удмурты преобладали – из 1737 дворов только 742 принадлежали русским (42,7%)³⁸⁰.

Сельскохозяйственные угодья находились в общинной собственности, 7502,1 десятины (43,7%) русские крестьяне отвели под пашню, всего удобной земли было 17 139,1 десятины. Несмотря на то, что в руках коренного удмуртского населения было сосредоточено больше земли, средний размер надела был практически равным – 24,1 десятины у русских и 24,9 десятины у

---

³⁷⁸ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 39.

³⁷⁹ Там же. С. 41.

³⁸⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 74–79.

удмуртов³⁸¹. Доля средних хозяйств составляла 50%, при значительном количестве в волости зажиточных дворов с наделом от 25 до 50 десятин (44%)³⁸². Незначительное количество безземельных (1,3%), малоземельных (1,8%), равно как и многоземельных – от 50 до 100 десятин (1,7%) хозяйств, говорит о невысоком уровне экономического расслоения русского крестьянства и стабильной ситуации в земледельческой отрасли данной волости. Стоит отметить, что преобладающее численно удмуртское население, практически не принимало внешних влияний на ведение хозяйства – основной системой севооборота для них оставалось двуполье.

Животноводство в волости находилось на высоком уровне – 727 дворов (98%) имели коров, 353 двора (47%) имели 2 лошадей, при этом доля дворов с одной лошадей также была значительна – 29%³⁸³. Хозяйств, не владеющих скотом было всего 0,5%. Учитывая, что доля богатых хозяйств, имевших 3 и более лошадей была незначительной, стоит говорить о главенствующей роли средних, зажиточных крестьян.

Внеземледельческие занятия в Большеучинской волости не получили распространения. Местными промыслами занималось 55 человек, отхожие промыслы не зафиксированы³⁸⁴. Данное обстоятельство было обусловлено благоприятной ситуацией в других отраслях хозяйства. Имея возможность обеспечивать себя за счёт основного занятия – земледелия, крестьянам не было нужды искать сторонний заработок.

Усадская волость располагалась в юго-восточной части Малмыжского уезда. Подобно Малмыжской волости, она делилась рекой Вяткой на две части – западную, суглинистую, совершенно безлесную, и восточную –

---

³⁸¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 74–79.

³⁸² Там же.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Там же.

песчаную с большим количеством лесов³⁸⁵. Население составляли русские и татарские государственные крестьяне, из 2141 двора – 1414 принадлежало русским (66%)³⁸⁶.

Сельскохозяйственные угодья находились в общинной собственности, под пашню русское крестьянство отвело 11 701,1 десятины (49,2%), всего удобной земли было 23 746,4 десятин. Средний надел составлял 17,9 десятин, что было меньше, чем в ранее рассмотренных волостях, но выше, чем у соседей татар, чей надел в среднем равнялся 13,3 десятин³⁸⁷. При этом безземельным был лишь один татарский двор, в то время как русских дворов без надела насчитывалось 104 (7,3%). Однако преобладающими были средние, зажиточные хозяйства, составлявшие 49%³⁸⁸. Четверть русских дворов были наделены от 25 до 50 десятин земли. В целом, можно говорить о большей степени расслоения в крестьянской среде по сравнению с предыдущими волостями, однако и в данном случае, преобладание середняков указывает на невысокие темпы этого процесса.

Животноводство развивалось относительно более низкими темпами – 77% русских хозяйств содержали коров, 15% дворов вообще не имели скота. Преобладали дворы с одной лошастью – 58%, двумя лошадьми владели 12%³⁸⁹. Доля хозяйств с 3 и более лошадьми была ничтожно мала. Своим скотом землю обрабатывали 1035 дворов (73%). Одной из причин невысоких темпов развития скотоводства послужили природно-климатические условия, обусловившие отсутствие большого количества лугов для выгона.

В данном контексте, интересна ситуация, сложившаяся в селе Кулыги. Ещё в 1892 г. Малмыжское уездное земство обратило внимание на

---

³⁸⁵ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 78–82.

³⁸⁶ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 158–163.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Там же.

необходимость осушки кулыжских болот. Они занимали площадь около 200 десятин и являлись очагом малярийных и тифозных заболеваний, к тому же, отравляли воздух и воду. Местные крестьяне пытались осушить болота самостоятельно, но у них не было достаточно средств. Губернское земство изучило проблему и составило в 1899 г. план и смету для проведения необходимых работ. Расход был рассчитан в 1012 рублей 80 копеек. Нужно было получить лишь согласие крестьян, что считалось формальностью, так как земству представлялось логичным одобрение проекта местными жителями, которые получили бы не только помощь в работе, с которой не могли справиться, но и 200 десятин лугов на месте осушенных болот. Однако, крестьяне отказали, мотивировав отказ тем, что: «Никакого нам ключа не надо, колодцы у нас есть, а вода озерная, а болота созданы Господом-Богом; захочет – так сами просохнут, а не захочет – на то его воля. Наши деды и отцы пили воду из болота и, слава Богу, прожили свой век, и мы проживём по-ихнему»³⁹⁰.

Оказалось, что крестьяне боялись, в случае осушки болот, получить новые казенные и земские сборы, так как, земля под болотом считается неудобной, а превращённая в луга, сразу попадёт под обложение. Боялись также, что казна заберёт благоустроенные земли себе³⁹¹. Недоверчивость крестьян объяснялась естественным желанием не совершать лишние траты, обезопасить себя от контактов с уездной властью, которая, по их представлениям, не могла принести пользу крестьянам, без пользы для себя. Стоит также учесть, что помощь в осушении болот и дальнейшем благоустройстве территории, пообещал лесопромышленник Санников, который незаконным путём захватил доходный участок земли, примыкающий к болотам. Крестьяне не доверяли ему ещё и потому, что

---

³⁹⁰ Крестьянская логика (Из практики общественных работ Вятской губернии) // Вятские губернские ведомости (Приложение к ВГВ). №152. 1901. С. 2.

³⁹¹ Там же.

местный земский начальник предостерегал их от связей с Санниковым, как человеком вредным для общества³⁹².

В условиях невысокой развитости традиционных для крестьянства отраслей – земледелия и животноводства, более широкий охват имели внеземледельческие занятия. Местными промыслами занималось 645 русских и 426 татарских крестьян, при этом преобладающими среди русских земледельцев были кустарные промыслы, тогда как татары в большей степени были вовлечены в подённые работы³⁹³. Развитие отхожих промыслов шло здесь тем же путём, что и в Малмыжской волости: из 245 русских отходников – 231 человек занимался бурлачеством³⁹⁴. Развитие товарно-денежных отношений вылилось здесь в активное функционирование торжков и базаров. Базары проводились в селе Вятские Поляны в субботу каждой недели, а в деревне Нижние Шуны в пятницу каждой недели. На них производилась торговля товарами с уплатой пошлин. Без платежа пошлин разрешалась торговля продуктами домашнего потребления³⁹⁵. В указанных населённых пунктах, помимо базаров, устраивались торжки. В деревне Нижние Шуны с 1880 г., на торжке реализовывались товары местного потребления. В селе Вятские Поляны сформировалась группа крестьян – скупщиков, закупавших в течение осени и зимы у местных крестьян хлеб, который сплавляли для реализации на ярмарках поволжских низовых городов³⁹⁶.

Тёплый климат способствовал развитию в волости садоводства, центром которого являлась деревня Киняус. Разведение фруктовых деревьев началось

---

³⁹² Крестьянская логика (Из практики общественных работ Вятской губернии) // Вятские губернские ведомости (Приложение к ВГВ). №152. 1901. С. 3.

³⁹³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. С. 158–163.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 306. Л. 107.

³⁹⁶ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л. 32.

в 1869 г.³⁹⁷ Сад формировался из определенного состава деревьев: яблони, вишни, реже сливы и груши и кустарников: барбарис, смородина, крыжовник, шпанская крупная малина. Яблони выращивались преимущественно из семян и прививались черенками от старых деревьев. Крестьяне Малмыжского уезда покупали у жителей деревни Киняус прививки от 20 до 30 копеек за штуку³⁹⁸. Урожай зависел от погодных условий, например, в 1883 г., яблок по Малмыжскому уезду было не очень много, потому что они погибли в цвету от весенних холодов. Яблоки продавались на вес, цена за фунт колебалась от 3 до 10 копеек. Цены на остальные плоды были следующими: фунт груш – от 8 до 15 копеек, вишни, смородины и крыжовника – от 4 до 6 копеек³⁹⁹. Плоды продавали в свежем виде, местом сбыта служили или ближайший уездный город, или сельский базар, где покупателями являлись местные жители. Спасаясь от садовых краж, крестьяне во время созревания плодов дополнительно организовали дежурство, составляя «приговоры для надзора». Сады также охранялись сторожами. Благоприятные климатические условия позволили крестьянам Усадской волости развивать садоводство, которое как дополнительное занятие трансформировалось из домашнего в мелкотоварное, ориентированное на местный рынок. Садоводство являлось новой отраслью крестьянского хозяйства, возникшей, в свою очередь, как результат адаптации крестьянства к условиям активизировавшихся в пореформенный период товарно-денежных отношений.

Таким образом, на примере хозяйства русских крестьян Малмыжского уезда, мы видим, что все отрасли были взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга. Диспропорция их репрезентативности в разных волостях обуславливалась размером земельного надела, колебания которого были

---

³⁹⁷ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 81.

³⁹⁸ Сведения о садоводстве по ответам, полученным от хозяев (сельскохозяйственные и статистические сведения) // Вятские губернские ведомости. № 42. 1885. С. 3.

³⁹⁹ Там же.

довольно значительными. Уровень дифференциации крестьянского хозяйства зависел также от разряда крестьян, от размеров земельного надела, поэтому внутри разрядов наблюдалась менее выраженная дифференциация, чем между разрядами крестьян. Крестьянство тяготело к сельскохозяйственным занятиям, однако там, где в силу различных факторов, за счёт них не удавалось прокормить семью, русские – посвящали себя промыслам, которые традиционно все же носили вспомогательный характер.

§ 2.4. Эволюция крестьянского хозяйства Елабужского уезда

Елабужский уезд располагался на юго-востоке Вятской губернии, граничил с Уфимской и Казанской губерниями. Остальные границы проходили внутри Вятской губернии. большей частью они были сухопутными, лишь частично граница шла по рекам Каме и Вятке. Поверхность уезда перерезалась двумя увалами, один из которых делил весь уезд на две части: северо-западную и юго-восточную⁴⁰⁰. Северо-западная часть отличалась возвышенным и холмистым рельефом с множеством оврагов. Поля зачастую находились на вершинах холмов, что затрудняло земледельческие работы – увалы были настолько крутыми, что по ним невозможно было подняться на лошади с телегой. Это приводило к тому, что на многие поля навоз не вывозился совсем. Юго-западная часть уезда была более ровной, холмы здесь шли плавно, без отлогих утёсов, создавая правильную волнообразность рельефа. Лишь на востоке местность представляла собой низину, опускавшуюся до реки Иж, что приводило к застаиванию воды в полях, после весеннего половодья. На урожайность хлебов сильное влияние оказывали туманы, образовывавшиеся от влажного

---

⁴⁰⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 1.

климата⁴⁰¹. Основными водными артериями являлись реки Кама и Вятка, на орошение почвы уезда также оказали влияние их притоки: Вала, Умяк, Тойма и Иж⁴⁰².

Почвенный состав отличался преимущественным залеганием пластичных и водопроницаемых суглинков, реже встречались супесчаные и песчаные почвы, подверженные эрозии и частичной дефляции (выветриванию). В Елабужском уезде, помимо дерново-подзолистых почв, во множестве залегали серные лесные подзолы. Они отличались довольно высоким плодородием и при правильном использовании давали хорошие урожаи. Природные условия уезда были сравнительно благоприятны. Достаточное количество света, тепла и влаги позволяла возделывать различные полевые, овощные и даже плодово-ягодные культуры⁴⁰³. Из-за высокой эрозии (как водной, так и ветровой), пашня остро нуждалась в удобрении для поддержания уровня гумуса за счёт органических веществ. Помимо этого, применялось известкование, которое на серых лесных почвах снижало высокую кислотность и улучшало поступление питательных веществ в корневую систему выращиваемых культур⁴⁰⁴.

Самым крупным собственником по землевладению являлось крестьянство, им принадлежало 530 930,4 десятин (70,8% общей площади уезда)⁴⁰⁵. Распределение земли, как уже отмечалось, зависело от разряда крестьян, однако, учитывая преобладание государственных, закономерно, что большая часть выделенной земли находилась в их владении – 446 570 десятин. В среднем по уезду на один двор приходилось 15,8 десятины

---

⁴⁰¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 1.

⁴⁰² Там же. С. 2.

⁴⁰³ В.П. Ковриго, И.С. Кауричев, Л.М. Бурлакова Почвоведение с основами геологии. М.: Колос, 2000. С. 274.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 29.

земли⁴⁰⁶. Преобладающей системой полеводства являлось трёхполье, двухпольная система встречалась очень редко (лишь в нескольких селениях уезда).

Вследствие распространённых в уезде расчисток земель, стоит выделить ещё одну систему полеводства, отличавшуюся от трёхполья. Русские крестьяне прибегали к «сырцовой» расчистке, проходившей в три этапа: 1) вырубка леса, 2) корчевание пней, 3) распашка. Стандартная, на первый взгляд, схема, выделялась краткими сроками проводившихся работ – новинное поле запускалось в оборот в течение одного года, что требовало от крестьян высокой интенсивности труда⁴⁰⁷. Пользование новью начиналось либо осенью, либо весной следующего года. В первый год засеивался лён, во второй ячмень и полба, в третий пар, в четвёртый сеяли рожь, в пятый ячмень, в шестой пар, седьмой – рожь, восьмой – ячмень или овёс, девятый – пар и далее вводился стандартный трёхпольный севооборот⁴⁰⁸.

Ильинская волость располагалась в северной части уезда. Условно её можно разделить на две природно-географические зоны. Северо-западная часть волости, по причине неблагоприятного состава почв обильно залежавших на данной территории, не была заселена. Из-за отсутствия людей здесь сохранялись обширные лесные массивы. Юго-восточная часть волости отличалась более благоприятными почвами, поэтому территория была густо заселена. Население отличалось полиэтническим составом. В волости проживали русские, удмуртские и марийские государственные крестьяне, а также русские бывшие оружейники⁴⁰⁹. В 12 селениях русские жили вместе с удмуртами, в 3 селениях только русские, и в 7 только удмурты. Обособленно от остальных народностей проживали марийцы⁴¹⁰.

---

⁴⁰⁶ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 29.

⁴⁰⁷ Там же. 48.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же. С. 6–20.

⁴¹⁰ Там же.

Русские государственные крестьяне проживали в 85 дворах волости. Их количество составляло 600 (9,9%) человек обоих полов⁴¹¹. Используя расчистку, крестьяне для пахоты создали себе 45% земель от общего количества. Русские, тем самым, смогли значительно увеличить площадь своей пашни, по сравнению с площадью земель удмуртского населения⁴¹². Для расчистки они получали территории, покрытые лесом, что было выгодно для крестьян, ведь по итогу они получали прибыль от продажи леса и новинные, расчищенные земли⁴¹³. Сельскохозяйственные угодья находились в общинном владении, всего 1701,2 десятин, из которых 822,8 (48,3%) десятин составляли пашню. Средний показатель земельного надела равнялся 20 десятинам. Наличие земли стало причиной преобладания в волости дворов со средним земельным наделом (10-25 десятин) – всего было 44 таких двора (51,5%). Относительно высок был процент многоземельных дворов – 32% (27 дворов)⁴¹⁴. Безземельные дворы составляли 3,5%. Единственной системой полеводства являлось трехполье. Среди посевных культур преобладали рожь, овес, ячмень и полба. Гораздо реже выращивали пшеницу и горох, а гречу, картофель, просо и чечевицу высевали исключительно в качестве эксперимента.

Стоит отметить, что русские крестьяне иначе относились к возделыванию земли по сравнению с удмуртскими крестьянами. Унавоживание полей не находило должного внимания у удмуртов, которые вывозили навоз заранее, в самом начале пашни, небрежно разбрасывали его и оставляли. Русские крестьяне волости, изначально удобрявшие землю таким же образом, к концу XIX в. стали вывозить навоз на поля летом, что привело

---

⁴¹¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 46.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 6–20.

⁴¹⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 48.

к повышению урожайности⁴¹⁵. Позже удмурты стали перенимать сельскохозяйственные приёмы у русских соседей, убедившись в эффективности и пользе подобного способа.

Разное отношение к земледелию со стороны представителей различных этносов, на наш взгляд, обусловлено психологическими факторами. В дореволюционных исследованиях о крестьянстве, широко распространённой была точка зрения о более высоком уровне развития русского населения, в сравнении с отстающими «иногородцами»⁴¹⁶. Сама дефиниция «отсталости» представляется архаичной и поверхностной, не отражающей действительности. Вероятно, удмуртскому крестьянину Ильинской волости присуще было чувство стабильности. Консервативность, которую со стороны можно было истолковать как косность, обуславливалась тем, что удмурты были коренным населением волости и обладали большим количеством наделённой земли – в среднем на «удмуртский» двор приходилось 19,1 десятины земли. Это позволило обеспечивать свои нужды за счёт земледелия, даже при использовании устаревших аграрных технологий⁴¹⁷. В то же время русское население некогда было переселенцами, нацеленными на преодоление трудностей и на преобразование окружающей среды.

У русских государственных крестьян волости было развито животноводство. Только 6 дворов не имели лошади и 9 полностью не имели коров⁴¹⁸. Преобладали хозяйства с 2 лошадьми – 35 дворов (41%), 34 из которых были с коровой. В 21 дворе было по одной лошади (18 из них с коровой); в 15 дворах было по три лошади. В волости также были

⁴¹⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 6–20.

⁴¹⁶ *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1. Ижевск, 1997. 309 с.; *Голубев П. А.* Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. 163 с.

⁴¹⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 56.

⁴¹⁸ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 51.

крестьянские хозяйства с 4 лошадьми (7 хозяйств) и даже с 6 (1 хозяйство)⁴¹⁹. Учитывая наличие дворов с полным отсутствием скота, стоит говорить об экономическом расслоении крестьянства, однако степень его была невелика, на что указывает преобладание крепких средних хозяйств. Нельзя забывать и про способ обработки земли – своим скотом обрабатывали 73 двора (86%), и 67 дворов (79%) использовали собственную рабочую силу, без привлечения найма⁴²⁰.

Внеземледельческие занятия крестьян позволяют составить представление о разнице в отношении к земледельческому труду представителей различных этносов волости. Из 85 дворов русских государственных крестьян местным промыслом было охвачено 47 (55%); из 898 дворов удмуртских государственных крестьян в 387 занимались местными промыслами (43%)⁴²¹. Среди всех народностей было широко распространено огородничество. Крестьяне выращивали овощи для собственного потребления, без ориентации на товарную реализацию. Говоря об отхожем промысле, стоит отметить преобладание извоза, которым занимались крестьяне из 74 дворов⁴²². Это, вероятно, было связано с развитым скотоводством и наличием хозяйств с двумя и более лошадьми, а также с развитием товарно-денежных отношений.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что хозяйство русских государственных крестьян Ильинской волости гармонично сочетало земледелие, животноводство и промыслы, и отвечало понятию комплексности.

Русское население в лице бывших оружейных мастеров проживало в 15 дворах в количестве 77 человек (1,2%)⁴²³. Земля находилась в общинном

---

⁴¹⁹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 51.

⁴²⁰ Там же. С. 52.

⁴²¹ Там же. С. 60.

⁴²² Там же. С. 179.

⁴²³ Там же. С. 54.

владении и насчитывала 553 десятины, причем вся земля была удобной и пригодной для земледелия. Средний показатель на двор был чрезвычайно высок, даже по сравнению со средним размером надела русских государственных крестьян волости – 36,9 десятин⁴²⁴. В 12 дворах надел варьировался от 25 до 50 десятин, а 3 двора вели хозяйство на наделах размером 50–100 десятин⁴²⁵. Крестьянское многоземелье, в данном случае, обусловило своеобразность арендных отношений. Из 15 дворов 9 (60%) сдавали 132 десятины пашни под посев ржи и 90 десятин под яр⁴²⁶. Ни одно из домохозяйств не брало земли в аренду.

По сравнению с русскими государственными крестьянами животноводство оружейников было практически не развито. В отрасли наблюдалась стагнация – 7 хозяйств не имели лошади, 9 хозяйств не имели коровы⁴²⁷. Преобладали однолошадные хозяйства – 7 дворов, 1 двор владел 2 лошадьми⁴²⁸. Крестьяне, не имевшие рабочего скота, вынуждены были обращаться к найму. Из 15 дворов 4 – возделывали пашню наёмным скотом⁴²⁹. Внеземледельческие занятия также не получили развития в среде бывших оружейников. В местную промысловую деятельность было вовлечено 2 человека (2,6%), проживавших в одном дворе, а отхожие промыслы здесь не получили развития⁴³⁰.

Александровская волость так же находилась на севере уезда, что определило её климатические условия. Территория волости делилась на два района – Лудзи-Шудзинский, где преобладали суглинистые почвы, с редкими вкраплениями супесей и песка, и Воложикьинский район, в котором состав

---

⁴²⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 56.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Там же. С. 57.

⁴²⁷ Там же. С. 59.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же. С. 60.

⁴³⁰ Там же.

почв отличался большим разнообразием, с преобладанием песчаной почвы. Крестьяне этого района активно вели распашку новинных земель⁴³¹.

Население составляли русские и удмуртские государственные крестьяне, а также русские бывшие оружейные мастеровые. Из 965 дворов, в 299 проживало русское население – в 146 (15,1%) дворах русские государственные, в 153 (15,8%) – бывшие оружейные мастера⁴³². Из 2 485,3 десятин удобной земли, находившейся в общинной собственности, 1 387 десятин было отведено под пашню. В среднем на двор приходилось 17,3 десятины, что равняется среднему показателю по «удмуртским уездам» Камско-Вятского региона и превышает средний показатель по России. Среди государственных крестьян, преобладающими являлись дворы, с наделом от 10 до 25 десятин, их доля составляла 65,7%. Доли малоземельных (1-10 десятин) и зажиточных (25-50 десятин) хозяйств были идентичными – 16,4%⁴³³. Учитывая низкий процент безземельных дворов – 1,3%, а также отсутствие хозяйств с наделом больше 50 десятин, можно заключить, что степень имущественного расслоения государственного крестьянства была невысока, преобладание средних дворов стабилизировало ситуацию в данной отрасли.

Животноводство русских государственных крестьян развивалось идентично хозяйствам государственных крестьян Ильинской волости, с той лишь разницей, что здесь преобладающими являлись дворы с одной лошадейю – 64 (43,8%), число дворов с двумя лошадьми равнялось 57 (39%)⁴³⁴. Доли дворов с тремя и четырьмя лошадьми были незначительны 8,2% и 1,3%, дворов с пятью и более лошадьми не было вообще. Учитывая относительно невысокие доли безлошадных и бескоровных хозяйств 5,4% и 6,8%,

---

⁴³¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. С. 5.

⁴³² Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 2.

⁴³³ Там же. С. 48.

⁴³⁴ Там же. С. 51.

соответственно, а также низкий процент дворов, не имевших скота (2%), можно резюмировать, что степень имущественного расслоения русских государственных крестьян в данной отрасли была невелика, нельзя говорить о поляризации крестьянства, разделении на абсолютно бедное и абсолютно богатое. Прослойка средних крестьян стабилизировала ситуацию в секторе животноводства.

Местные внеземледельческие занятия были распространены довольно широко, делились на наемные работы и промыслы по обработке сырья. Русские государственные крестьяне были вовлечены в подёнщину, служили рабочими на пристанях Камы⁴³⁵. Среди кустарных промыслов наибольшее развитие получила деревообработка и наемные работы в качестве рогожников и кульёвщиков, которые охватили 35 дворов. Отхожий промысел, в целом по волости, не был столь распространён, преобладали работы, связанные с лесным промыслом – съём мочала, пиление дров⁴³⁶. Фактически это были наемные работы при рассеянной мануфактуре, чаще принадлежавшей купцам. Стоит отметить, что внеземледельческие занятия носили вспомогательный характер, не выходя на первый план среди всех отраслей крестьянского хозяйства. Нужды селян удовлетворялись в первую очередь за счёт земледелия и животноводства.

Бывшие оружейные мастера, проживавшие в 153 дворах волости в темпах развития отраслей хозяйства отставали от государственных крестьян. В среднем на один двор приходилось 15,1 десятин земли, что было ниже, чем у других разрядов крестьян волости. Градация по землевладению демонстрировала перевес в сторону малоземельного крестьянства – дворы, наделённые от 1 до 10 десятин земли составляли 46,3%⁴³⁷. Хозяйства среднего крестьянства имели долю в 39,8%, зажиточные дворы составляли 12,4%. Полностью отсутствовали безземельные крестьяне, при этом

---

⁴³⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 148.

⁴³⁶ Там же. С. 179–180.

⁴³⁷ Там же. С. 48.

существовали 2 двора, наделённые более чем 50 десятинами земли⁴³⁸. Учитывая данные показатели, стоит говорить о более глубоких тенденциях к расслоению крестьянства, обозначению его поляризации, несмотря на довольно широкую прослойку середняцких хозяйств.

Животноводство бывших оружейников развивалось схожим образом с животноводством государственных крестьян. Преобладающими так же являлись дворы с одной лошастью – 72 (47%), далее располагались дворы с двумя лошадьми – 51 (33,3%)⁴³⁹. Доли хозяйств с тремя и четырьмя лошадьми были относительно невысоки – 9,1% и 0,6%, хозяйства с пятью и шестью лошадьми отсутствовали. Однако доли дворов без скота, а также безлошадных и бескоровных были выше, нежели у государственных крестьян – 3,9%, 9,8%, 11%, соответственно⁴⁴⁰. Не приходится говорить о тенденции к обеднению крестьян в данной отрасли, так как дворы с одной и двумя лошадьми составляли костяк хозяйств.

Уровень развития сельского хозяйства бывших оружейников обусловил более широкую, по сравнению с государственными крестьянами, вовлеченность в промысловую деятельность в данной волости. Преобладающим местным промыслом являлось плотничество, которым занимались в 47 дворах. Довольно большой охват – это 36 дворов получили подённые работы. Часть бывших оружейников была вовлечена в качестве рабочих или надомников в производство оружия, что обусловило преобладание именно этого занятия среди всех отхожих промыслов⁴⁴¹. И тем не менее, отход не был широко распространён, из 153 дворов лишь в 12 имелись крестьяне-отходники.

На экономическую жизнь крестьян значительное влияние оказывало развитие товарно-денежных отношений. В селе Александрово в течение

---

⁴³⁸ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 48.

⁴³⁹ Там же. С. 51.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Там же. С. 3.

каждого года, начиная с 1881 г. проходило две крупные ярмарки – с 29 июня по 5 июля Петропавловская, и с 23 по 29 ноября – Александровская, основными товарами на которых были чай, сахар, фрукты и разного рода посуда⁴⁴². В том же селе, еженедельно с 1881 г. проходили базары, на которых торговали чаем, сахаром, фруктами, посудой, деревянными изделиями, съестными припасами⁴⁴³. Из приведенных данных видно, что в перечне товаров преобладали привозные товары наряду с сельскохозяйственными продуктами и ремесленными изделиями.

Бемышевская волость располагалась на западе Елабужского уезда. Она состояла из трёх селений – села Бемыш, починка Новая Кушва и починка Ново-Троицкого. Село Бемыш образовалось в конце XVIII в. Крестьяне починка Новая Кушва переселились после освобождения крестьян из Кушвы Верхотурского уезда Пермской губернии, куда они были сосланы заводовладельцем Лебедевым из Бемышевского завода. Починок Ново-Троицкий возник в 1875 г.⁴⁴⁴

Поверхность уезда отличалась возвышенным и холмистым рельефом. Состав почв не отличался разнообразием, на территории волости, в основном, залегали суглинки. Орошение производилось за счёт реки Бемыш – главной водной артерии волости⁴⁴⁵.

Население волости составляли русские государственные и горнозаводские крестьяне. Всего в 492 дворах проживало 3141 человек⁴⁴⁶. Государственные крестьяне в количестве 142 человек проживали в 21 дворе. Из 263 десятин удобной земли, находившейся в общинном владении, под пашню было отведено лишь 2,6 десятины, тогда как большая часть отводилась подушному лесу, предназначавшемуся для последующих

⁴⁴² ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л. 12.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Приложения. Вятка, 1890. С. 44–45.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 16.

расчисток под выгоны для скота⁴⁴⁷. Средний показатель земельного надела на один двор равнялся 12,6 десятин, при среднем по волости в 10 десятин. Преобладающими являлись дворы среднего крестьянства, их доля равнялась 71,5%, доля малоземельных дворов составляла 28,5%⁴⁴⁸. Однако, учитывая, что тяга крестьян к традиционному занятию – земледелию, не могла быть удовлетворена вследствие практического отсутствия пашни, размер наделов не имел большой роли. Крестьяне обращались к аренде, чтобы получить в свои руки пахотные земли. Почти половина дворов русских государственных крестьян брали в аренду надельную пашню 86 десятин озими и 131 десятину яри, в то время, как сдавали землю лишь 2 двора⁴⁴⁹.

Выгоны, устраиваемые на территориях расчисток подушного леса, подтолкнули развитие скотоводства у государственных крестьян. Стоит отметить, что лошади были в каждом дворе. Преобладали однолошадные хозяйства – 12 (57,1%), при чём, 9 из них владели также и коровой. Ещё в 9 дворах проживали владельцы двух лошадей (42,8%), все они владели коровой⁴⁵⁰. Учитывая полное отсутствие хозяйств без скота, можно заключить, что данная отрасль развивалась гораздо более благоприятно, нежели земледелие.

Однако развивавшееся животноводство, не могло стабилизировать ситуацию, сложившуюся в сельском хозяйстве русских государственных крестьян волости. Закономерно наблюдалось их обращение к сфере внеземледельческих занятий. Местным промыслом было охвачено 18 дворов (85,7%), преобладающей являлась работа углежогом, ей были заняты крестьяне 17 дворов⁴⁵¹. На развитие этого промысла прямое влияние оказало распределение надельной земли – работа углежогов заключалась в сжигании леса, полученного в ходе расчисток, и производства угля и поташа для

---

⁴⁴⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 48.

⁴⁴⁸ Там же. С. 48.

⁴⁴⁹ Там же. С. 49.

⁴⁵⁰ Там же. С. 50.

⁴⁵¹ Там же. С. 17.

заводов. Наемными специалистами, работавшими в границах уезда, были мельники⁴⁵². Отхожий промысел не получил широкого распространения в среде русских государственных крестьян волости.

Горнозаводские русские крестьяне проживали в 471 дворе. Из 4199,8 десятин земли, 3495,8 находились в подворном владении жителей села Бемыш, в тех размерах на двор, в каких она была расчищена тем или иным домохозяином⁴⁵³. Крестьяне пользовались этой землёй практически безвозмездно, выплачивая только земские сборы. Земля, находясь не в общинном владении распределялась неравномерно. Остальные 704 десятины находились в общинном владении. Пашне отводилось 125,4 десятины, а 324 десятины были под подушным лесом⁴⁵⁴. В среднем на один двор приходилось 8,9 десятин земли. Преобладали малоземельные дворы, их доля равнялась 68,3%, средних крестьянских хозяйств насчитывалось 143 или 30,3%⁴⁵⁵. Дворов без земли было всего 6 (1,2%), однако учитывая отсутствие зажиточных и богатых крестьян, а также высокий процент малоземельных хозяйств, справедливым будет заключение о невысоком уровне развития земледелия.

Тенденция развития животноводства горнозаводских крестьян представляла более позитивную картину. Несмотря на то, что преобладающими были дворы с одной лошастью – 217 (46%), а доля хозяйств с двумя лошадьми была лишь немногим меньше – 40,3%, были дворы с тремя (5,5%), четырьмя (1,4%) и пятью лошадьми (0,2%)⁴⁵⁶. При этом имелись дворы без скота (2,5%), а доли безлошадных и бескоровных хозяйств равнялись 6,3% и 8% соответственно. Вышеприведённые данные

---

⁴⁵² Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 17.

⁴⁵³ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Приложения. Вятка, 1890. С. 44–45.

⁴⁵⁴ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 56.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Там же. С. 59.

свидетельствуют о расслоении горнозаводских крестьян, однако не стоит преувеличивать его степень, так как хозяйства средних и зажиточных крестьян составляли относительно широкую прослойку, между бедным и богатым крестьянством.

На фоне определённой стагнации сельского хозяйства развитие получили внеземледельческие занятия. Преобладающим местным промыслом являлось плотничество, которым занималось 126 человек в 106 дворах⁴⁵⁷. Вспомогательными наемными работами занимались 213 человек из 171 двора, преобладала возка брёвен, угля и дров, ей было занято 50 человек из 41 двора⁴⁵⁸. В основном, наемные работники не пересекали границ Елабужского уезда. Обращает на себя внимание зависимость между развитием сельского хозяйства и внеземледельческой деятельностью. Наличие обширных наделов, занятых подушным лесом, готовящемся к расчистке, привело к развитию промыслов, связанных с деревообработкой, а наличие в большинстве хозяйств лошадей способствовало развитию извоза. Как и во многих крупных волостях, здесь проводились торжки и базары. В селе Бемышевском, с дореформенного периода, 29 июня, 1 октября, 25 декабря проводились торжки, на которых реализовывались следующие товары первой необходимости: бакалея, чай, сахар, а также привозные галантерейные товары. Тот же перечень продукции еженедельно продавался на сельском базаре⁴⁵⁹.

Лекаревская волость находилась на юге Елабужского уезда. Влияние на формирование рельефа местности оказали многочисленные мелкие реки, а также две крупные водные артерии – Кама и Танайка, которые образовали крупные долины. Крестьянские поля располагались по увалам крупных

---

⁴⁵⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 60.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л. 12.

возвышенностей, которыми отличался рельеф волости⁴⁶⁰. Почвенный состав был преимущественно представлен суглинками, с вкраплениями подзола, песка и глины⁴⁶¹. Для земледелия они являлись умеренно комфортными. Важной деталью ландшафта являлся Вятский тракт, который протянулся с юго-востока на северо-запад волости. Его наличие способствовало развитию товарно-денежных отношений.

В Лекаревской волости проживали русские государственные крестьяне, в количестве 9435 человек в 1631 дворе⁴⁶². Сельскохозяйственные угодья находились в общинной собственности. Весь земельный фонд составлял 25032,9 десятин, из которых 22 034 были удобными для земледелия. Причём 15 019,7 десятин (60%) всей земли отводились под пашню⁴⁶³. Размер земельного надела на один двор в среднем равнялся 15,3 десятин, что было меньше среднего показателя по «удмуртским уездам» Вятской губернии, но практически равнялось среднему показателю по стране. Преобладающими в волости являлись дворы со средним земельным наделом (10–25 десятин) – 1035 дворов (64%). Доля многоземельных (2550 десятин) крестьянских хозяйств равнялась 11,6%, в то время как безземельными были 43 двора (2,6%)⁴⁶⁴. Наличие в волости дворов с наделами более 25 десятин с одной стороны, и дворов, не имеющих земли с другой стороны, указывает на процессы экономического расслоения. При этом стоит учитывать значительную долю средних хозяйств, которая не позволяет говорить о поляризации деревни. Основной системой полеводства являлось трёхполье. В яровом поле состав высеваемых культур отличался разнообразием: овес,

---

⁴⁶⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Приложения. Вятка, 1890. С. 89–93.

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 46.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Там же. С. 48.

пшеница, ячмень, полба, лен, греча, просо, картофель, горох и конопля, в то время как в озимом поле сеяли только рожь⁴⁶⁵.

Развитие животноводства волости шло в том же русле, что и земледелия. Широко были представлены хозяйства с двумя лошадьми (33%) и с тремя лошадьми (13,2%). Однако преобладали крестьянские дворы с одной лошадью (38,6%)⁴⁶⁶. Доли безлошадных (11,8%) и бескоровных (23,5%) хозяйств составляли 11,8% и 23,5% соответственно. Почти 75% дворов Лекаревской волости обрабатывали землю своим скотом⁴⁶⁷.

Заметное развитие в волости получили внеземледельческие занятия. Из 1631 двора местным промыслом занимались в 1058 (64,8%)⁴⁶⁸. Основными видами являлись плотничество, лесной промысел, извоз. Наряду с тем, что каждый двор был занят промыслом по обработке сырых материалов для обслуживания своего хозяйства, в волости было развито мелкотоварное промышленное производство по изготовлению корзин, валенок, шляп, по обработке шерсти. Широкое распространение получила поденщина, которая испокон веков считалась занятием бедных людей, ей занимались крестьяне 428 дворов (26%)⁴⁶⁹.

Важную роль в экономической жизни Лекаревской волости играло огородничество, которое охватывало 509 дворов⁴⁷⁰. Наибольшее развитие получило выращивание лука. Неофициальным центром являлось село Танайка, расположившееся недалеко от реки Камы. Весенний разлив затоплял прибрежную часть, образуя пойму. Под огороды был распахан выгон размером 600 десятин. Таким образом, у каждого двора было по 3, а

---

⁴⁶⁵ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Приложения. Вятка, 1890. С. 89–93.

⁴⁶⁶ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 51.

⁴⁶⁷ Там же. С. 52.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Там же. С. 156.

⁴⁷⁰ Там же. С. 158.

иногда по 4 огорода⁴⁷¹. Танаевские огородники, помимо лука выращивали огурцы, используя для этого дворные участки и пойму. Огурцы, выращенные на приусадебных участках, потребляли свежими, а поемные заготавливались на зиму⁴⁷². Стоит отметить, что важную роль в развитии огородничества сыграл природно-географический фактор – росту огурцов и лука в значительной степени способствовал ил, который оставался на полях после ухода воды. Выращивание огородных культур, помимо личного потребления, было направлено на товарную реализацию. Торговля охватывала 450 дворов. На местных рынках продажа огурцов начиналась 29 июня «около Петрова дня». Крестьяне сразу устанавливали высокую цену – 25 копеек за десяток, но по мере увеличения предложения цена снижалась. Своеобразными «контрольными точками» снижения являлись Ильин день (20 июля), когда цена доходила до 50 копеек за сотню, а затем Третий спас (16 августа), когда в Елабуге проходила ярмарка и большой съезд⁴⁷³. Интересно отметить различия вкусовых предпочтений этносов, населявших Елабужский уезд. Например, русские приобретали на ярмарке спелые, зеленые огурцы средней величины. Они употребляли их свежими. Удмурты и марийцы, как правило, покупали самые крупные желтые и красные огурцы, объясняя это тем, что они дольше хранятся и их удобно засаливать: «к соля крепка больна!»⁴⁷⁴.

Основным рынком сбыта лука являлся уездный центр Елабуга. Помимо торговли в границах уезда и Вятской губернии, лук вывозили в Казанскую, Самарскую, Уфимскую, Астраханскую и Оренбургскую губернии, где обменивали его на хлеб⁴⁷⁵. Первая отправка производилась в город Бугульма Самарской губернии, и была приурочена к Воздвиженской ярмарке. Крестьяне торговали до весенней распутицы. Стоит отметить, что

---

⁴⁷¹ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1894 г. Вятка, 1893. С. 165.

⁴⁷² Там же. С. 184.

⁴⁷³ Там же. С. 187.

⁴⁷⁴ Там же. С. 188.

⁴⁷⁵ Там же. С. 164.

огородничество являлось выгодным только в урожайные годы. Крестьянин мог не только оплатить все денежные повинности за счёт продажи лука, но и обеспечить себя хлебом на весь год⁴⁷⁶. Спрос снижался до критических отметок в годы неурожая, когда в степных губерниях не было хлеба и крестьянам Лекаревской волости не на что было обменивать выращенный лук. Даже в том случае, если в Вятской губернии урожай был высок, невозможность торговать за её пределами, наносила значительный экономический урон торговцам луком.

Для реализации продукции огородничества на различных рынках Российской империи, важную роль имело развитие извоза, которым занимались крестьяне из 148 дворов⁴⁷⁷. Распространение извоза было обусловлено двумя факторами. В качестве первого фактора выступал Вятский тракт, являвшийся большой сухопутной дорогой, которая проходила через всю волость. Это облегчало перевозки по всей территории. Вторым фактором выступило преобладание доли хозяйств с лошадьми над безлошадными дворами.

Хозяйство русских крестьян Елабужского уезда развивалось по тем же принципам, что и в остальных уездах, и так же, как в них, развитие было обусловлено совокупностью множества факторов, где основными выступали правовой и природно-географический.

В ориентации на земледелие, как основную отрасль хозяйства проявлялась сила традиционного сознания крестьянства, выработанного в течение нескольких столетий. Стремление заниматься выращиванием хлеба является естественным для крестьянина занятием, однако в условиях активизации модернизационных процессов, под влиянием развития экономики происходили изменения в крестьянском сознании. Социальный опыт русских крестьян, накопленный ими вследствие переселения и преобразования окружающей среды, сыграл роль фундамента для развития

---

⁴⁷⁶ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1894 г. Вятка, 1893. С. 183.

⁴⁷⁷ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 178.

вертикальной мобильности и возможности разрыва с традицией. Вместе с тем, в уездах или отдельных волостях, где в силу ряда факторов, основным из которых представлялся природно-географический, крестьяне могли обеспечить свои нужды за счёт земледелия, отход от традиции не наблюдался. Размер земельного надела, в данном контексте, выступал как первопричина темпов экономического развития аграрного сектора. Экстенсивные методы ведения хозяйства оставались превалирующими, но постепенная интенсификация труда также имела место быть. Проводниками инноваций в земледелии чаще всего выступали земские деятели.

В условиях невозможного обеспечения своих нужд за счёт сельского хозяйства, крестьяне обращались к внеземледельческой деятельности. Промыслы носили преимущественно вспомогательную роль, а иногда в силу различных экономических причин выходили на первый план в системе комплексного крестьянского хозяйства. Однако, даже учитывая первостепенное для сельского населения значение сельскохозяйственных отраслей, промысловая деятельность в рамках полунатурального ведения хозяйства не выключалась из комплекса занятий, зачастую взаимодействуя или даже напрямую завися от развития земледелия и животноводства которые обеспечивали крестьянскую промышленность сырьевой базой.

Развитие промышленности и торговых отношений, происходившие по мере процесса модернизации, открыли возможности для экономической адаптации крестьянских хозяйств, которые в силу различных обстоятельств, не могли существовать за счёт традиционных занятий. Внеземледельческие занятия, в данном случае, могли служить в качестве опоры для развития более широкой деятельности, в том числе и предпринимательской. Разрыв с традицией, выражавшейся в экономической, и, что не менее важно, психологической зависимости от земли и земледельческих занятий, нёс с собой переход в иной статус, обозначал новое бытие, не связанное с крестьянским сословием и его атрибутами. Крестьяне, перестававшие работать на земле, фактически переставали быть крестьянами.

Дифференциация крестьянства, жизненный уровень крестьянских семейств зависели от совокупности правовых и природно-географических факторов, обусловивших размеры земельных наделов и качество почв. Социальное расслоение, доходившее вплоть до поляризации крестьянства и его разложения, отмечалось рядом историков на материалах отдельных регионов Российской империи пореформенного периода. Анализируя данные по четырём «удмуртским уездам», мы приходим к выводу о том, что для русского крестьянства региона справедливо говорить о слабовыраженной социальной дифференциации. Основную картину аграрных отношений среди русского крестьянства Удмуртии второй половине XIX в определяло имущественное расслоение. Несмотря на наличие в крестьянской среде как беднейшего, так и богатейшего крестьянства, среднее крестьянство являло собой стабильную и широчайшую прослойку сельского населения.

Как носитель традиционного сознания, получившего выражение в преимущественно консервативном ведении хозяйства, русский крестьянин был частью фундамента проводимых реформ, основным актором которых, выступало государство. Достаточно крупный, в среднем, размер земельного надела обеспечивал его нужды, скотоводство и промыслы являлись составной частью крестьянского хозяйства данного региона. В ходе модернизационного процесса, русское крестьянство пыталось вписаться в новые производственные отношения, улучшать своё положение, становясь более самостоятельным. В земледелии это выражалось через постепенное принятие новых сельскохозяйственных технологий (путь интенсификации труда), или же через увеличение различными способами количества пахотных земель (путь экстенсификации). Развитие внеземледельческих занятий в среде крестьянства, наделённого достаточным количеством земли, также свидетельствовало о стремлении повышения материального уровня жизни.

С другой стороны, активизация модернизационных процессов создавала условия для раскрестьянивания. Часть русского сельского населения

втягивалась в капиталистические отношения и, при удачном развитии событий, переключалась на предпринимательскую деятельность. Втягивание в товарно-денежные отношения способствовало изменению крестьянской психологии, обозначало готовность к нововведениям.

ГЛАВА 3. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

§ 3.1. Распределение гендерных ролей в организации традиционного крестьянского хозяйства

Экономические условия развития деревни оказали определяющее значение на быт крестьян. Комплекс хозяйственных работ практически занимал всё время жизни сельского жителя. Закономерно, что и бытовая сфера была неразрывно связана с ежедневным трудом. На протяжении нескольких веков в России преобладал расширенный тип семьи, включавший в себя несколько поколений, проживавших вместе. Само существование данного типа было обусловлено экономикой – чем больше семья, тем эффективнее велось хозяйство. Однако, с активизацией модернизационных процессов во второй половине XIX в., социально-экономическая жизнь в регионе, как и повсюду в центральной части России, подверглась поступательным изменениям, что привело к переходу от расширенной семьи к малой нуклеарной, включавшей в себя только родителей и несовершеннолетних детей⁴⁷⁸.

Тем не менее, в бытовой сфере русская крестьянская семья региона во многих ее проявлениях сохраняла патриархальный уклад, соответственно которому, происходило гендерное распределение ролей. Мужчина, стоявший во главе семьи, как правило, был лицом, обладавшим непререкаемым авторитетом. На взрослом мужчине держалось хозяйство, женщина же имела соподчинённое положение, хотя в пропорциональном соотношении затраты труда могли быть больше у женщин, чем у мужчин⁴⁷⁹. Вместе с тем,

---

⁴⁷⁸ *Циткилов П. Я.* Историко-социологический облик российской патриархальной семьи / П. Я. Циткилов // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 4.

⁴⁷⁹ *Семенова Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана» [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/semenowatjanshanskaja_o_p/text_1914_zhizn_ivana.shtml (дата обращения: 3.03.2017)

положение «сильного», накладывало определённые обязанности, выполнение которых, подтверждало статус мужчины, как главы и кормильца. Стоит отметить, что распределение видов работ начиналось с малолетства и происходило на основе личного примера, от старшего – к младшему, или, другими словами, родители воспитывали детей в соответствии с тем, как их воспитывали собственные родители. Таким образом, распределение гендерных ролей носило устоявшийся характер и происходило на принципах традиционности и преемственности, более характерных для аграрных обществ.

Воспитанием малолетних детей обоего пола занималась мать, часто дедушки и бабушки, отец практически не участвовал в данном процессе, до тех пор, пока дети мужского пола не становились старше и не включались в хозяйственную жизнь. В конечном счете традиции передачи опыта в сложном, многоотраслевом крестьянском хозяйстве ложились на все старшее поколение семьи, с ярко выраженным гендерным приоритетом. Важную роль в семейном воспитании играл принцип подчиненности младшего старшему, в частности, исполнение детьми воли родителей. Будущее благосостояние семьи, дальнейшее сохранение традиций рода, общественное мнение зависело от уровня воспитанности молодого поколения. Дети являлись наградой и радостью родителей, что нашло отражение в русских пословицах: «Детки хороши – отцу-матери – венец, а худы – отцу-матери конец»⁴⁸⁰.

В ситуациях, когда несовершеннолетние дети оставались без кормильца, обязанность по обеспечению жизнедеятельности сирот брали на себя местные органы власти. К тому же на страже интересов детей стояла крестьянская община, являвшаяся порой органом в последней инстанции. На примере Глазовского уезда представляется возможным проследить включенность органов самоуправления через механизм установки опеки, находившейся в ведении земского начальника первого участка Глазовского

---

⁴⁸⁰ *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 379.

уезда. Так, после смерти крестьянина Ключевской волости Дмитрия Михайловича Салтыкова, умершего в 1888 г., над оставшимся имуществом и детьми Устиньей 3-х лет и Анной 7-и месяцев, по приговору сельского схода была учреждена опека и опекунами назначены Петр Михайлович Салтыков, Василий Федоров Афанасьев и Евдокия Васильева Салтыкова – мать малолетних сирот⁴⁸¹. Вдова вышла замуж повторно за Петра Баженова и увезла детей с собой в Сюрзинскую волость. Причём имущество, которое принадлежало по закону детям, она распродала разным покупателям. Постановлено было вернуть распроданное, но не лишать матери и других опекунов права опекать сирот⁴⁸².

При анализе дел по опеке над детьми после смерти одного или обоих родителей, обращает на себя внимание активность в защите интересов детей представителей органов местного самоуправления и сельской общности, крестьян данной деревни. Например, в жалобе крестьянина Михаила Копысова и его жены Пелагеи Алексеевой (по первому мужу Саламатовой) говорилось, что после смерти Ильи Саламатова, опека над имуществом его детей была учреждена с 8 апреля 1871 г., и опекуном над имуществом был избран крестьянин Герасим Евдокимов Саламатов. Однако, 18 июня 1874 г. сельский сход при рассмотрении действий опекуна Герасима Саламатова заключил, что: «Сироты живут в принадлежащем им доме вместе с матерью, которая управляет оставшимися после мужа хозяйством не расстраивая его и воспитывает их как следует, опекун же Герасим Саламатов не имеет на них никакого влияния <...> почему и ныне просимую Саламатовым опеку над имуществом сирот, сельский сход учредить нужным не признает»⁴⁸³. Однако сами крестьяне требовали возобновить опеку, так как существовала угроза захвата сиротского имущества матерью их отца. Чтобы не лишать сирот имущества, сельский сход возобновил опеку⁴⁸⁴.

---

⁴⁸¹ ЦГА УР Ф. 93. Оп. 1. Д. 20. Л. 39.

⁴⁸² Там же, Л. 55.

⁴⁸³ ЦГА УР Ф. 108. Оп. 1. Д. 30. Л. 66.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 67.

В случаях, когда оставшийся родитель отказывался от детей, судьбу детей определял сельский сход, ответственность за их воспитание брали на себя члены общины. Так, крестьянин деревни Колеваи Герасим Малафеев Пепеляев умер в августе 1890 г. Жена Герасима, Надежда Иванова, осталась с малолетними детьми: дочерью Еленой 9-и лет и сыновьями – Петром 7-и лет, Андреем 6-и лет. Общее имущество сирот составило 149 руб. 30 коп. Сельский сход установил опеку⁴⁸⁵. Через два месяца после смерти мужа, Надежда Иванова вышла замуж за крестьянина Василия Булдакова и переехала в соседнюю волость на новое место жительства, взяв двух детей с собой. Сына Петра «отдала в дети» крестьянину деревни Колеваевской Павлу Михайлову Поздееву (тот не усыновил); оставшихся сирот – увезла с собой, однако позднее и Андрея (6 лет) также «отдала в дети» неизвестно кому⁴⁸⁶.

Органы местной власти со стороны коронной администрации и органов местного управления, стоя на защите интересов детей, учитывали их потребности и желания, особенно в тех случаях, когда родители, нарушив законодательные нормы, имели дело с правосудием. Крестьяне Леденцовской волости Агафон Гребенкин 43-х лет с женой Матреной Климантовой 35-и лет имели четверых детей: Дементий 19-и, Козьма 8-и, Андрей 6-и и Устинья 10-и лет; Кондратий Гребенкин 30-и лет с женой Акулиной Игнатьевой 32-х лет, имели сына Петра 6-и лет. Оба Гребенкиных Агафон и Кондратий содержались в Глазовской тюрьме – первый по приговору Глазовского судебного мирового съезда за кражу, а второй по распоряжению судебного следователя 2-го участка Глазовского уезда по подозрению в убийстве крестьянина Микрюкова. Сельское общество, передавая братьев Гребенкиных в руки правосудия, обязалось принять издержки казны на свой счёт. Губернское правление определило крестьян Агафона и Кондратия Гребенкиных и жен их Матрену и Акулину сослать в

---

⁴⁸⁵ ЦГА УР Ф. 93. Оп. 1. Д. 250. Л. 13.

⁴⁸⁶ Там же.

Сибирь. Судьба детей определялась следующим образом: «Детей выслать с ними только в том случае, если удаляемые желают взять с собой, а дети согласятся следовать в место ссылки родителей»⁴⁸⁷. Важно отметить, что губернское правление требовало письменно зафиксированного согласия детей о следовании или не следовании за родителями. Дети остались в родной деревне, над ними была установлена опека⁴⁸⁸.

Рассмотренная небольшая выборка дел не говорит об общем положении русской деревни уезда, однако показывает, что местные власти отслеживали ситуацию с положением детей, оставшихся без кормильца. Обращает на себя внимание, что в рассмотренных делах и ряде других дел фонда фигурируют семьи, где умер отец, а вдовы старались выйти замуж повторно. Несмотря на то, что семья выступала в качестве экономической ячейки в составе общины, внутрисемейные отношения регулировались не только и не столько экономическими нуждами. В основе семейных отношений лежали нравственные основы, внимательное, теплое отношение, любовь родителей к своим детям. Психологическая атмосфера в крестьянской семье нашла отражение и в фольклоре: «Те счастливы дети, от коих отец и мать могут радость иметь»⁴⁸⁹. Потеря члена семьи не была только потерей экономической единицы (действующей или будущей); вдовы вновь выходили замуж часто руководствуясь не расчётом, а заботой о детях. Выше указанные случаи отказа от детей не стоит рассматривать как типичную распространенную практику. Общественное мнение порицало подобные действия, и община заботилась о сохранении семейного единства. Таким образом, жизнь детей в деревне регулировалась как законодательными нормами, так и устоявшимися нормами обычного права, и ментальностью данного этноса.

---

⁴⁸⁷ ЦГА УР Ф. 108. Оп. 1. Д. 30. Л. 98.

⁴⁸⁸ Там же, Л. 100.

⁴⁸⁹ *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 397.

Крестьянские мальчики рано включались в полноценную деревенскую жизнь. Так, в Малмыжском уезде, вспашкой земли занимался здоровый взрослый мужчина, а боронили землю практически повсеместно мальчики⁴⁹⁰. Вовлечение в сельскохозяйственные работы с раннего возраста имело огромное значение в плане приобретения опыта, выработанного столетиями, поскольку обязанности земледельца всегда возлагались на мужчин. Работа пастухом, в тех волостях, где она была необходима, также ложились на плечи крестьянских сыновей. Помимо работы в собственном хозяйстве, мальчики нанимались пастухами к соседям, а иногда и в другие населённые пункты (в границах волости)⁴⁹¹. Опыт зарабатывания средств на стороне, мог стать подготовительным этапом для занятия отхожей внеземледельческой деятельностью.

Важно указать, что период между начальной социализацией мальчика, когда он начинал взаимодействовать со сверстниками и до периода полового созревания, когда его начинали позиционировать как жениха, проходил обособленно от девочек, живших своей жизнью.

Русские крестьянские девочки также рано включались в хозяйственную жизнь. Часто на девочке оставался присмотр за младшими братьями и сёстрами⁴⁹². При этом, на сыновей подобная обязанность не возлагалась, они в паузах между сельскохозяйственными занятиями могли заниматься играми со сверстниками. Параллельно с обязанностью нянек, девочки присматривали за домашней птицей и мелким скотом, а также работали вместе с матерями в поле и на огороде⁴⁹³. Данные виды работ продолжались в родной семье до замужества девушек. Дочь должна была быть послушной и никоим образом не компрометировать родных и близких людей: «Смиренье –

---

⁴⁹⁰ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886. С. 90.

⁴⁹¹ Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Вятка, 1893. С. 24.

⁴⁹² Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1894 г. Вятка, 1893. С. 149.

⁴⁹³ Там же.

девушки ожерелье», «Девичий стыд до порога: как переступила, так и забыла»⁴⁹⁴.

Важное место отводилось подготовке девочек к рукоделиям: прядению, ткачеству, вязанию, вышиванию, шитью. Самостоятельно ткать девушки начинали приблизительно с 15-и лет⁴⁹⁵. С этого времени они готовились себе приданое и подарки будущему жениху и его родственникам. Выделка льняных изделий являлась одним из самых распространённых и древних занятий русской крестьянки. На него уходило практически всё время до начала посевной. Как правило, женщина для всей семьи ткала полотна ткани и шила одежду, поэтому швейное дело на заказ в деревне не было широко распространено среди русских женщин. Так, в Сарапульском уезде приходилось в среднем по одной профессиональной швее на поселение⁴⁹⁶.

Рабочий день женщины начинался до восхода солнца. Сначала она топила печь и готовила еду. Потом кормила скотину, затем доила её, поила надоенным молоком телят, кормила поросят и овец. Около 10 часов утра женщина давала овечкам воды и потом гнала всю остальную скотину на водопой. Однако, в случае отсутствия по близости естественного водопоя, женщине приходилось таскать воду вёдрами и поить скотину. В редких случаях, например, если скотины было много, и глава семейства, находясь дома, мог помочь женщине. Однако, как правило, данная обязанность возлагалась исключительно на неё⁴⁹⁷. Поить всю скотину приходилось, в целом, 5 раз за день, что занимало значительную часть рабочего времени. В тех случаях, когда женщина жила в семье свёкра, работа могла распределяться между снохами, что облегчало её участь, но при этом не меняло символ гендера – все вышеперечисленные виды занятий ложились на плечи женщин. Полевые работы начинались с сенокоса. Косьбой занимались

---

⁴⁹⁴ *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 379, 395.

⁴⁹⁵ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1894 г. Вятка, 1893. С. 151.

⁴⁹⁶ Там же. С. 162.

⁴⁹⁷ Там же. С. 153.

только мужчины, женщины убирали сено. Женщины возвращались к полевым работам во время жатвы, после которой наступал период молотбы собранного урожая⁴⁹⁸.

Суровые будни иногда сменялись небольшими семейными радостями. Отец или муж одаривали женщин необходимыми вещами, верхней одеждой, платьями, платками. Важно отметить, что подобные подарки не были приурочены к праздникам, а делались в благодарность за труд, когда в семье были деньги и возможность побывать в магазинах города или на ярмарке. Денежный фонд формировался в семье за счет продажи излишков сельскохозяйственной продукции, кустарных изделий, а также других видов внеземледельческих занятий⁴⁹⁹.

Процессы эмансипации, набравшие обороты в городской среде во второй половине XIX в., в деревне были менее заметны. Консервативность крестьянства, размеренный темп сельской жизни, инертность в деле внедрения инноваций, обусловили практически полное отсутствие проявлений прогрессивных общественных тенденций в хозяйственной жизни русского крестьянства. Экономический уклад деревни диктовал распределение ролей и не позволял вносить корректировки, которые могли нарушить целостность хозяйственного цикла, устоявшуюся комфортность в жизни семьи.

Гендерный аспект довольно остро проявлялся в отношениях молодёжи, достигшей возраста полового созревания. Сначала совместное проведение времени, а потом и брак формировали особый род традиций, отличавшийся, как от гендерных отношений в более юном возрасте, так и от отношений супругов, ведущих совместное хозяйство и воспитывающих собственных детей. Время, проводимое молодыми людьми, не состоящими в браке, вместе, принимало разные формы и имело несколько названий – гуляния,

---

⁴⁹⁸ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1894 г. Вятка, 1893. С. 163.

⁴⁹⁹ Там же. С. 155.

беседы, вечерки⁵⁰⁰. По сути, все они являлись досугом деревенской молодёжи в незанятое работой время и носили невинный характер. Гуляния, как вид досуга, имели массовый характер, когда представители разных гендеров встречались в одном месте – «Сколько звёздочек на небе/ Полночной звезды нет /Сколько девок на вечерке/ Ни одной по сердцу нет»⁵⁰¹.

Сватовство, как стадия, предшествующая браку, также носило отпечаток определённого гендерного неравенства. Отцу семейства выгоднее было побыстрее отдать взрослую дочь замуж. Стоит отметить, что девушки не хотели долго засиживаться в старых девах, это вызывало осуждение деревенского общества, сплетни и пересуды: «Я стояла у реки / Спало кольчи́ко с руки / Улетело далеко / В сине море глубоко / Как ко мне ко младе сваты сватаются / Тятя бает: отдадим/Мамка бает: погодим / Я сказала на ответ / Тебе дела, мати, нет!»⁵⁰². Исследователь Д.К. Зеленин отмечал, что русская молодежь на рубеже веков становилась всё более самостоятельной в вопросах выбора спутников жизни. Авторитет родителей постепенно утрачивал строгие домостроевские принципы, когда дело касалось сватовства и брака. Данная тенденция нашла отражение и в фольклоре: «Ставь-ко, мама, самовар / Золотые чашки / Приведу я гостя к вам / В вышитой рубашке / Потчуй, тятя, потчуй, мама! / Это гость-то дорогой: / Скоро зять будет родной», поётся в песне от лица молодой девушки⁵⁰³. Деревенские парни так же воспринимали родительскую волю, как необходимый, но всё же не основополагающий фактор в формировании будущей семьи: «Уж ты тятка, тятка мой / Сядь, подумай-ко со мной... / Возьми милу за меня! / Ежли милу не возьмешь / Я не пахарь буду твой / Не метальщик стоговой / Не косильщик луговой»⁵⁰⁴.

⁵⁰⁰ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1903 г. Вятка, 1902. С. 46.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Там же. С. 59.

⁵⁰³ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Издательство «Индрик», 1994. С. 33.

⁵⁰⁴ Там же.

Источником информации об отношении молодых людей к браку, выступает переписка семейства крестьян Жернаковых, со временем перешедших в купеческое сословие. Так, в письме от 17 декабря 1893 г., Иван Жернаков, живший в селе Паздеры Сарапульского уезда, писал старшему брату Василию, перебравшемуся в Тюмень: «...я надумал жениться давно, но должно быть, нет судьбы, вот и тянется год за годом. Так уже прошло пять лет, а я всё холостой, начинаю стареть, теперь уже мне 27 лет. Что ждать? Жениться, так жениться нужно скорее, а то и не стоит <...>»⁵⁰⁵. Очевидно, что мотив неприятия слишком долгой жизни вне брака, был характерен не только для женщин, но и для мужчин. Крестьянская психология, взращённая на наглядном примере предшествующих поколений, проявляла себя в полной мере. В семье Жернаковых была единственная дочь, Татьяна, самый младший ребёнок из всех. Глава семейства считал, что сначала в брак должны вступать сыновья по принципу старшинства, и только потом дочь: «Таню уже считают невестой. Многие уже сватают, но тятенька отказывает и говорит: “Ещё мне нужно женить сыновей, а потом и выдавать дочь»⁵⁰⁶.

Адаптация семьи Жернаковых к изменяющимся условиям, уход от сельскохозяйственной нищеты в промысловую деятельность, а позже и в предпринимательскую, оказали влияние на взгляды Татьяны. По мере развития паровой торговли, которой занималась семья, Татьяна переехала в Сарапул, не теряя, однако, связи с родителями, оставшимися в родном селе. Городская среда, более подверженная прогрессивным процессам, впитала в себя дух эмансипации и большей независимости взглядов. Отсутствие постоянного давления родителей и деревенского общества, дали свои плоды, и уже в 1895 г., будучи девятнадцатилетней девушкой, Татьяна писала в письме брату: «Письмо твоё он получил, но ехать к тебе ныне не собирается, говорит, что поздно, а уж на будущий год

⁵⁰⁵ Йокояма О. Б. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 2. М., 2014. С. 220.

⁵⁰⁶ Тем же. С. 243.

по пути и ко мне, если выйду за Наумова. Мама меня бранит, зачем я не иду за него: “Ведь попом будет, вечный молитвенник за престолом! Кого тебе, – говорит, – надо?” А мне, вправду сказать, совсем ещё выходить не хочется. Не беда и старая дева буду»⁵⁰⁷. Тем не менее, позже, она больше склонялась к браку по расчёту: «Раньше он [брат, Иван Жернаков] признавал жениться по расчёту, а ныне он начинает увлекаться. Теперь влюблен в одну гимназистку (но это секрет) и мечтает на ней жениться. <...> Мы с ним ролями поменялись: у меня один расчёт, а у него поэзия и любовь. Жениться ему необходимо и Глезднева – самая подходящая тут. Он прямо обеспечен, у них миллионный оборот, и она любимица отца, а над таким человеком, как Глезднев, шутить нельзя. Это наш хороший кладчик»⁵⁰⁸.

В данных отрывках из писем прослеживается рациональный подход и определённый цинизм в отношении к брачным отношениям, не соотносящийся с патриархальными православными ценностями, наделявшими брак священными свойствами. Неудачно сложившийся брачный союз отразился и в народном творчестве: «Что красен? – Жениться хочу. – Что побледнел? – Женился»⁵⁰⁹. Экономическая целесообразность для младшего поколения Жернаковых выступала на первый план, что соответствовало духу модернизационных процессов общества, более деловому подходу ко всем сферам жизни. Однако стоит всё же учитывать, факт разрыва детей Жернаковых с традиционными деревенскими ценностями, их исключительно условную принадлежность к крестьянству на момент написания приведённых писем.

Имущественные дела, разбиравшиеся в волостных судах Сарапульского уезда также способствуют освещению картины гендерного распределения в русской деревне «удмуртских» уездов Камско-Вятского региона. Так, в 1900

⁵⁰⁷ Йокояма О. Б. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 2. М., 2014.. С. 275–276.

⁵⁰⁸ Там же. С. 302–303.

⁵⁰⁹ Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 401.

г., крестьянин села Козлово, Иван Евстигнеев Кибардин подал иск, обязывающий крестьянина Фёдора Окулова возвратить имущество, данное в приданое дочери истца, которая скоропостижно скончалась⁵¹⁰. По свидетельским показаниям на суде был выявлен местный обычай, состоявший в том, что имущество, данное в приданое невесты, после её смерти возвращается тому лицу, от которого оно поступило, кроме постели, оставшейся у вдовца. Оговаривалось также, что имущество уходило отцу невесты только в случае отсутствия у неё собственных детей⁵¹¹.

В том же году, крестьянин деревни Порозово Арзамасцевской волости, Архип Карпов Журавлёв подал иск, обязывающий крестьянина Григория Фёдорова Слостенина отдать движимое имущество на сумму 30-и рублей, которое осталось после смерти сестры истца. По существовавшему местному обычаю, имущество (одеяло, пальто, сарафан, платок, скатерть, юбка, подушка) считалось подвенечным, и после смерти жены оставалось в пользовании вдовца⁵¹². Остальное имущество предоставлялось истцу, как наследнику.

В имущественных вопросах прослеживается подчинённое положение женщины. Приданое, уходящее в руки отца, прямо подводит к важности этого человека в деле брака. Даже в рамках одного гендера обращает на себя внимание принцип старшинства, характерный для патриархального уклада.

В целом, в вопросах хозяйственного быта и межгендерных отношений, русское крестьянство оставалось преимущественно консервативным. Модернизационные процессы, активизировавшиеся в пореформенный период, принесли с собой ростки эмансипации, которые в замкнутом сельском мире не смогли найти для себя почву. Русская деревня во второй половине XIX в. только начинала вступать в переходный этап, страна, в целом, оставалась аграрной, крестьянство крепко сидело на земле, а темпы урбанизации были невысоки.

---

⁵¹⁰ ЦГА УР. Ф. 242. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Там же. Л. 2.

Для русских крестьян традиция во внутрисемейных отношениях, играла первостепенную роль. Принцип главенства экономических интересов, прослеживающийся в различных сферах сельской жизни, не обошёл стороной и социальные отношения. Особенно ярко это выразилось в хозяйствах, в достаточной степени наделённых землёй, которым не было нужды менять собственные устои существования. Целесообразность сохранения существующего распределения ролей не ставилась под сомнение внутри деревенской среды. Крестьянской психологии не свойственна была склонность к риску, а перераспределение гендерных ролей могло поставить под угрозу стабильность развития хозяйства.

Однако, крестьянские семьи, вынужденные отойти от привычных занятий в сфере сельского хозяйства, довольно быстро разрывали связь с традициями и в других сферах, особенно столкнувшись с жизнью за пределами сельской общины. Городская среда играла немаловажную роль в вопросе продвижения процессов эмансипации сознания. Стоит, однако, учитывать, что с городом крестьяне знакомились, имея набор социальных установок, набравшийся ими в течении всей жизни, начиная с самого детства. Следовательно, среда формировала сознание крестьянства, но, в то же время в какой-то мере были сформированы механизмы адаптации к изменяющимся условиям жизни.

§ 3.2. Взаимодействие отдельных норм законодательного и обычного права в русской деревне

На протяжении XIX в., закреплённые ещё «Домостроем», нормы взаимоотношений в крестьянском социуме претерпевали незначительные изменения. К началу реформ Александра II, деревня жила практически так же, как сто лет назад. Единственная значимая законодательная поправка относилась к 1845 г., когда в Уложении о наказании прописывалось, что муж

не имел юридического права избивать жену и мог быть за это привлечён к уголовной ответственности⁵¹³.

Фактический материал свидетельствует о том, что семейные отношения в деревенском социуме носили многоплановый, а порой полярный характер. Семейную жизнь молодые люди начинали, имея определённый багаж из поведенческих и психологических стереотипов своих родителей. Наглядный пример воплощался в жизнь, после чего вновь повторялся в жизни последующих поколений. Существовали счастливые семьи, где физические проявления права сильного не ставились во главу угла, а внутрисемейные отношения выстраивались на взаимном уважении.

Однако глубокие истоки в русской дореволюционной деревне имел феномен гендерного насилия, которое не ограничивалось рамками семьи. Патриархальный уклад характеризовал деревню в целом. Неравенство статусов и недоверие нашло отражение в крестьянском фольклоре: «Воля добрую жену портит», «Не верь коню в поле, а жене в воле», «Муж – голова, жена – душа»⁵¹⁴. С ранних лет в преобладающем числе семейств, крестьянские дети видели, как отец бьёт мать или стариков-родителей, к тому же, их самих физически наказывали за проступки. Дети устраивали драки между собой, причём зачастую, решение конфликтов мальчиками с помощью физического насилия, поощрялось взрослыми. Родители считали, что в драках ребенок воспитывался умению защитить себя и приучался к будущей жизни⁵¹⁵. Нужно отметить, что насилие в деревне не имело строго негативных характеристик, и не воспринималось массами, как нечто запретное или постыдное. Наоборот, оно воспринималось, как морально оправданная форма воспитательной работы, необходимая для поддержания

⁵¹³ Циткилов П. Я. Историко-социологический облик российской патриархальной семьи / П. Я. Циткилов // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 5.

⁵¹⁴ Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 375–389.

⁵¹⁵ Семенова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана» [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/semenowatjanshanskaja_o_p/text_1914_zhizn_ivana.shtml (дата обращения: 3.03. 2017)

порядка, который, закономерно, держался на праве сильного, представляемого мужчиной. Данное явление нашло отражение в вербальном выражении насилия – слово «бить» не имело широкого распространения по отношению к побоям, наносимым близким людям. Вместо него использовалось слово «учить», что ещё ярче подчёркивало воспитательный подтекст, вкладываемый в насилие. Народная мудрость гласила: «Плеть не мука, а вперед наука»⁵¹⁶. Более того, побои воспринимались, как проявление заботы, привязанности, демонстрация неравнодушного отношения⁵¹⁷. В условиях, где побои являлись практически одной из норм повседневной жизни, положительные изменения в межличностных и межгендерных отношениях, которые несла с собой модернизация, имели гораздо более узкую базу для внедрения, нежели, например, в городской среде. Вместе с тем, процесс эмансипации крестьянства, без учета гендерного разделения, развивался в течении всего пореформенного периода. Стремление крестьян улучшить своё положение нашло довольно яркое отражение в заключении юридических сделок с целью улучшить своё положение. Данное явление свидетельствовало о росте правосознания сельского населения. Нужно отметить, что это выражалось не только в экономической сфере, но и в социальных отношениях, а также во взаимодействии с местными властями.

Благодаря уголовным делам, направлявшимся в Глазовское уездное по крестьянским делам присутствие, можно характеризовать ситуацию с гендерным насилием в русской деревне Камско-Вятского региона. Практически все дела, имели вид жалобы ответчика на несправедливое, по его мнению, решение Волостного суда.

---

⁵¹⁶ *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 393.

⁵¹⁷ *Безгин В. Б.* Насилие в крестьянской семье конца XIX века: гендерный аспект проблемы / В. Б. Безгин // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвёртой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 года, Ярославль. – М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 135.

Иван Братчиков, крестьянин, проживавший в Бисеровской волости, обжаловал решение волостного суда о наказании розгами за побои, которые он нанес крестьянке Татьяне Братчиковой. Дело было рассмотрено в период с 15 ноября 1880 г. по 11 января 1881 г. Крестьянину грозило 15 ударов, которые, по его мнению, были не справедливы, так как преступления он не совершал⁵¹⁸. В показаниях потерпевшей указывалось, что увечья наносились ей с помощью кулаков и обуха. Братчиков, в свою очередь, опровергал эти действия, настаивая на их ложности. Он мотивировал это тем, что у него не было топора, соответственно наносить побои обухом он не мог. Волостной суд, учитывая невозможность Братчиковой предоставить свидетельские показания, предложил тяжущимся сторонам компромисс – обоюдное примирение и обязательство ответчика выплатить потерпевшей 5 руб. серебром. Иван Братчиков не был согласен на такие условия, он продолжал настаивать на полной невиновности, указывая суду на отсутствие следов побоев. Ход дела изменили показания крестьянина Парамона Бисерова, который слышал, как Братчикова «ревела»⁵¹⁹. Несмотря на то, что свидетельство в пользу потерпевшей было представлено лишь одним человеком, суд вынес решение в пользу Татьяны Братчиковой. Иван Братчиков, после отклонения его жалобы, был приговорен к 15 ударам розгами. Рассмотренное дело наглядно демонстрирует, что крестьянская женщина не была бесправным существом, не имеющим возможности отстаивать свои права в суде. Показательно, что даже с учётом узкой доказательной базы, органы власти встали на сторону пострадавшей.

Анна Ворончихина, крестьянка Лыпской волости, обжаловала решение волостного суда об аресте Андрея Никитина, крестьянина той же волости. Жалоба заключалась в том, что дело, заведенное 19 сентября 1890 г. по факту нанесения Андреем Никитиным побоев Ворончихиной, велось с рядом грубых нарушений. В материалах не было указано, что увечья наносились

---

⁵¹⁸ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.

⁵¹⁹ Там же. Л. 3.

рычагом; не указывалось, что Никитин бил не в одиночку, а вместе со своей женой Наталией Никитиной; потерпевшая писала в жалобе о том, что волостной писарь не допустил на судебное заседание двух крестьянок-соседей, готовых дать свидетельские показания. Важно указать, что травмы, нанесенные Андреем Никитиным, были очень серьезными – перелом плеча, из-за которого, Анна Ворончихина не могла действовать рукой в течение двух недель⁵²⁰.

Потерпевшая требовала пересмотреть решение волостного суда, а также допросить свидетельниц и привлечь их показания к делу. Она рассчитывала на усиление наказания Андрею Никитину, а для его жены просила назначить его с компенсацией в виде поденных работ в течение двух недель⁵²¹.

На повторном заседании суда Андрей Никитин дал показания, в которых описал другую картину произошедшего. По его словам, 14 июня 1890 г. Анна Ворончихина вместе с другими крестьянками, пришли к его дому, вызвали на улицу его жену, где стали её избивать. Никитин встал на защиту супруги. Свидетельницы, приглашенные потерпевшей, отрицали слова обвиняемого, настаивая на обратной ситуации. Их показания и жалоба потерпевшей были приняты судом во внимание. На основании 101 и 102 статей общего положения о крестьянах и 518 статьи устава о благоустройстве в казенных селениях, суд постановил подвергнуть Андрея Никитина к общественной работе при правлении сроком на четыре дня. Анне Ворончихиной была предоставлена возможность подать иск на Наталью Никитину⁵²². Решение не удовлетворило потерпевшую, она требовала дополнительного разбирательства и полного возмещения ущерба. Однако больше суд по этому делу не собирался.

Фёдор Вотинцев, крестьянин Ветошкинской волости, обжаловал решение волостного суда о наказании розгами за нанесение побоев крестьянке той же волости Афанасьи Ворончихиной. Дело было рассмотрено

---

⁵²⁰ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же. Л. 6.

в период с 19 октября 1880 г. по 17 января 1881 г. Вотинцев требовал отмены решения суда в своей кассационной жалобе, мотивируя свои действия несколькими обстоятельствами. Во-первых, суд признал, что нет ни единого доказательства вины Вотинцева, а вынесенное ранее решение было обосновано дерзким характером обвиняемого и его неуважением к суду⁵²³; во-вторых, побои Вотинцев наносил в ответ на вербальные оскорбления со стороны потерпевшей, которые задевали лично его и его семью; в-третьих, три свидетеля (все из них были мужчинами) в суде сказали, что избиения не было. Однако засвидетельствование побоев произвёл фельдшер Тишинского участка Иван Николаевич Николаев, осматривавший Ворончихину⁵²⁴. Дополнительные показания дал кандидат волостного старшины Санталов, указавший, что Вотинцев приходил в волостное правление и жаловался на то, что Ворончихина якобы побила его. Доказывая свои слова, он показывал царапины на лице. Санталов также показал, что слышал крики Ворончихиной во время драки⁵²⁵.

Учитывая большое количество разноречивых показаний, волостной суд, опираясь на 107 статью общего положения о крестьянах, предложил примирение, однако стороны отказались. Итоговым решением, Фёдору Вотинцеву назначили 20 ударов розгами⁵²⁶. Показательна солидарность крестьян-мужиков, свидетельствовавших в пользу Вотинцева. Можно предположить, что нанесение побоев женщине воспринималось ими как норма, деяние, не заслуживающее особого внимания. Учитывая тот факт, что свидетельские показания были чрезвычайно важны для вынесения приговора, вероятным исходом дела было оправдание обвиняемого, в силу отсутствия доказательной базы. В пользу потерпевшей крестьянки сыграл дурной нрав Фёдора Вотинцева и его неуважение к властям.

---

⁵²³ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.

⁵²⁴ Там же. Л. 4.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Там же. Л. 10.

Фадей Колотов, крестьянин Юмской волости, обжаловал решение волостного суда о наказании розгами за избивание крестьянки той же волости Елены Колотовой. Дело разбирали в период с 20 мая по 11 июля 1887 г. Фадей Колотов обвинялся Еленой Колотовой, незамужней крестьянкой из починка Горбуновский, в нанесении побоев. Согласно её показаниям, 9 февраля на территории огорода, который принадлежал соседу Потапу Буторину, Колотов несколько раз ударил её рычагом по голове. Колотов был вызван в суд, но не явился, без всякого законного объяснения неявки⁵²⁷.

Для вынесения решения, суд прибег к свидетельским показаниям. Деревенский десятник починка Горбуновского Иван Колотов показал, что выйдя из дому 9 февраля, увидел Фадея Колотова, избивавшего в огороде Потапа Буторина Елену Колотову. Свидетель вместе с Лаврентием Колотовым на месте избивания нашли переломленный рычаг и потерпевшую с кровоподтёками в области головы и спины⁵²⁸. Крестьянин Лаврентий Колотов подтвердил эти показания, добавив, что Фадей Колотов бил лежащую Елену, а позже, в деревне во всеуслышание говорил, что бить её надо было ещё жестче⁵²⁹.

Причина избивания была установлена благодаря показаниям сына Лаврентия Колотова, Степана, который рассказал суду, что 9 февраля гнал лошадь с водопоя, за ним лошадь гнала Елена Колотова. Навстречу им вышел обвиняемый и обвинил Елену в том, что она поила свою лошадь у него на одворице. После этого он отломил от забора жердь и начал избивать Елену. Учтя свидетельские показания, суд приговорил Фадея Колотова к 20 ударам розгами. Сравнивая данное дело с предыдущим, нельзя не обратить внимания на то, что крестьяне-мужчины свидетельствовали в пользу пострадавшей женщины. Вероятно, жестокость избивания вкупе с несоразмерностью его причины, способствовали даже справедливых показаний.

---

⁵²⁷ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 64. Л. 4.

⁵²⁸ Там же.

⁵²⁹ Там же.

Яков Исупов, крестьянин Мухинской волости, обжаловал решение волостного суда о наказании его розгами за избивание незамужней крестьянки Парасковьи Преженниковой. Дело было разобрано в период с 21 марта по 8 мая 1884 г. В заявлении Парасковьи Преженникова, проживавшая в починке Логовской указала, что 18 февраля подверглась побоям со стороны своего соседа Якова Исупова⁵³⁰. В суде она подтвердила информацию заявления, добавив, что у неё есть свидетели произошедшего. Обвиняемый не стал оспаривать показания Преженниковой, но указал, что нанёс ей всего лишь три удара рукой, причём сделал это в ответ на оскорбление неприличными словами. Суд, основываясь на статье 107 общего положения о крестьянах, предложил сторонам пойти на мировую, но тяжущийся отказался. По постановлению суда, Яков Исупов получил 15 ударов розгами⁵³¹.

Так и не удалось установить, действительно ли Парасковья Преженникова оскорбляла Якова Исупова, спровоцировав его на агрессию или его показания являлись попыткой оправдать себя. Как бы то ни было, потерпевшая крестьянка, вероятно, понимала неравносильность оскорбления действием и оскорбления словом.

Крестьянин Андреян Хаймин, проживавший в Лекомской волости, обжаловал решение волостного суда о наказании розгами за избивание крестьянки Матрены Хайминой. Дело рассматривалось в суде в период с 22 августа по 3 октября 1884 г. Андреян Хаймин утверждал в своей жалобе, что наказание за оскорбления и побои не справедливо, а сам он невиновен и никаких правонарушений не совершал. Ему грозило 8 ударов розгами и обязательство уплаты штрафа в размере 1 рубля за ломку ведер, принадлежавших потерпевшей. Ложность обвинений Андреян мотивировал тем, что свидетельские показания против него давали кумовья Матрены Хайминой. Их слова, по мнению обвиняемого, предвзяты и обусловлены

---

⁵³⁰ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 54. Л. 3.

⁵³¹ Там же. Л. 4.

родственными связями с потерпевшей. Немаловажно и то, что свидетели имели личные счёты с обвиняемым⁵³².

Суть дела была представлена Андреяном следующим образом: «Во второй половине февраля месяца не припомню которого числа, дочь моя, 15-летняя девица Татьяна пошла на ключ за водой, проходя по дороге, притом означенная просительница Матрена Хаймина выскочив из своего дома начала Татьяну ругать, называла б**дью и поносила разными неблагоприятными словами, Татьяна возражала какая же она б**дь и по крестьянскому простонародному обыкновению стремилась поймать Матрену за ворот одежды, но Матрена как возмужалая женщина схватила Татьяну как несовершеннолетнюю [нрзб.] и начала жестоко бить»⁵³³. Андреян обвинял свидетелей в том, что они избili его. Хаймин просил уездное по крестьянским делам присутствие отменить решение Лекомского волостного суда, освободить его от наказания и разобраться во всех обстоятельствах дела. из-за того, что он не смог подтвердить своих слов и не предоставил ни одного свидетельства в свою пользу, его просьба не была удовлетворена⁵³⁴. Свидетельские показания вновь сыграли решающую роль в вынесении окончательного вердикта.

Крестьянин Хрисанф Шуклин, проживавший в Балахнинской волости, обжаловал решение волостного суда о наказании розгами за попытку склонения к прелюбодеянию незамужней Марии Шуклиной, крестьянки той же волости. Хрисанфу так же вменялось неосторожное обращение с огнем. Дело, которое разбиралось в период с 15 декабря 1887 г. по 3 февраля 1888 г., во многом схоже с рассмотренными выше, однако вынесенный по нему приговор и особенно формулировки, используемые судом обращают на себя внимание: «Волостной суд, рассматривая обстоятельства настоящего дела сообразно с отзывами сторон и показаниями свидетельскими, находит крестьянина Хрисанфа Фёдоровича Шуклина виновным. Первое в

⁵³² ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 140. Л. 1.

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ Там же. Л. 5, 6.

неосторожном обращении с огнём [нрзб.], второе в склонении к прелюбодеянию крестьянской девицы Марии Меркурьевой Шуклиной, и третье в поношении девической чести её же Марии Шуклиной клеветою будто бы в имевшейся с нею связи»⁵³⁵. Суд решил дело в пользу потерпевшей, Хрисанфа Шуклина приговорили к 10 ударам розог. Клевета, наравне с посягательством на честь и достоинство женщины, строго наказывалась. Это указывает на уважительное отношение суда к женщинам и подтверждает, что представление о бесправном положении русской крестьянки не соответствовало действительности.

Дело по ходатайству крестьянина Юмской волости Ясафова Филиппа об освобождении от наказания розгами за избиеение жены крестьянина Лаврентьева разбиралось с 17 июня 1878 г. по 18 марта 1879 г. В довольно стандартном, в целом, деле была одна деталь – уже после рассмотрения жалобы Ясафова и подтверждении того, что он виновен, через отклонение поданной им жалобы, потерпевшая Пелагея Лаврентьева подала жалобу в Глазовское Уездное по крестьянским делам присутствие. Суть жалобы сводилась к следующему – 24 июня Юмский волостной суд приговорил Филиппа Ясафова к наказанию в 20 ударов розог, однако, волостной старшина приговор в исполнение не привёл, ссылаясь на то, что Ясафова якобы нет дома. Позже старшина говорил, что до него ещё не дошла соответствующая бумага о правомерности приведения приговора в силу⁵³⁶.

Пелагея Лаврентьева требовала: «Прошу крестьянское Присутствие сделать распоряжение, предписать волостному правлению привести приговор в исполнение неотлагательно, в чём и ожидаю удовлетворения»⁵³⁷. Вероятно, решения, принимаемые в уездном по крестьянским делам присутствии, полностью давались на откуп местным властям, которые, как в рассмотренном случае, не всегда приводили их в исполнение. Следовательно, соблюдение прав крестьян, в частности женщин, могло остаться

⁵³⁵ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 154. Л. 5.

⁵³⁶ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 159. Л. 9.

⁵³⁷ Там же.

нереализованным. С другой стороны, факт продолжения разбирательства, инициатором которого выступила сама потерпевшая, указывает на рост самоуважения крестьянских женщин, готовность бороться за справедливость, когда дело касалось попрания их прав.

Помимо правонарушений, в которых роль «обидчика» отводилась мужчине, а роль «жертвы» женщине, в русской деревне можно проследить случаи нарушения закона обратного характера.

Отставной солдат Прокопий Герасимов Бурков, проживавший в Балахнинской волости, подал в волостной суд заявление о краже у него волокна крестьянской Анисией Корниловой. Дело было разобрано в период с 28 декабря 1876 г. по 12 января 1877 г. Установлению справедливости мешало то, что солдат поздно заявил о преступлении против него, из-за чего суду было сложно разобраться в обстоятельствах⁵³⁸.

Важно отметить, что потерпевший обвинял в краже не только Анисию Корнилову, но и её соседа Прокопия Николаева Буркова, который ранее уже был осужден за кражу дров и понёс наказание в виде пяти ударов розгами. Обвиняемая Анисия Буркова в ходе судебного разбирательства использовала этот факт в свою пользу, попытавшись выгородить себя из дела. Всю вину за кражу она возложила на Прокопия Николаева Буркова⁵³⁹. Для подтверждения своих показаний, Анисия привлекла в качестве свидетельницы крестьянку А. Ефимову, которая подтвердила непричастность Бурковой к краже⁵⁴⁰. Потерпевший, в свою очередь, не смог предоставить ни одного свидетеля. Против него сыграло то, что преступление произошло давно, иск был подан слишком поздно. Исходя из данных обстоятельств, Анисия Буркова и Прокопий Николаев Бурков были освобождены судом от ответственности. Как и в предыдущих делах, важную роль в деле вынесения окончательного вердикта сыграли показания свидетелей. Обращает на себя внимание поведение обвиняемой женщины. Используя пятно на репутации своего

---

⁵³⁸ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 13. Л. 1

⁵³⁹ Там же. Л. 2.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 3.

сообщника, она открыто лгала и перекладывала вину на него, пытаясь полностью избежать судебного наказания.

Ирина Рохина, крестьянка, проживавшая в Мухинской волости, заявила об изнасиловании. Обвиняемым выступил крестьянин той же волости Максим Пушкарёв. Дело рассматривалось в период с 13 ноября 1879 г. по 12 января 1880 г. Интересной деталью является факт того, что Ирина Рохина обвинила Пушкарёва в изнасиловании только после того, как он подал в суд жалобу на её мужа, крестьянина Антона Рохина, за постоянные оскорбления с его стороны. Ирина Рохина должна была давать показания, но вместо этого заявила, что Пушкарёв ещё в декабре 1878 г. избил и изнасиловал её. Возможным свидетелем преступления могла стать двенадцатилетняя дочь Пушкарёва, которая, по словам Рохиной, находилась в доме во время изнасилования. Однако с её же слов, девочка спала и не проснулась даже от криков Рохиной⁵⁴¹.

Поскольку предоставить доказательства и свидетелей изнасилования Ирина Рохина не смогла, суд не стал рассматривать её заявление. Против неё сыграло в том числе то, что срок давности обращения по делу уже вышел. Суд также принял во внимание особые обстоятельства заявления – об изнасиловании Рохина решила сообщить только когда её муж оказался на скамье подсудимых⁵⁴². Антон Рохин был приговорен к аресту на двое суток за оскорбления в адрес Максима Пушкарёва. Нужно указать что и Пушкарёв, и Рохин не оспаривали решения суда⁵⁴³. Мотивы Ирины Рохиной кажутся прозрачными, даже несмотря на то, что осталось не установленным действительно ли имели место насильственные действия сексуального характера. Пытаясь переключить внимание суда с дела, в котором обвиняемым предстал её муж, она обвинила истца, одновременно пытаясь очернить его и, вероятно, рассчитывая на то, что местные власти встанут на её защиту.

---

⁵⁴¹ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 109. Л. 1.

⁵⁴² Там же. Л. 3.

⁵⁴³ Там же. Л. 4.

Возможным подтверждением данного вывода является дело об изнасиловании крестьянки Лекомской волости Елены Кирпиковой волостным старшиной Кропотиним и писарем Князевым, которое рассматривалось почти два года, с 8 сентября 1873 г. по 26 июня 1875 г.

1 августа 1873 г. Елена Кирпикова возвращалась из села. По пути, волостные начальники местного правления – старшина Андрей Сидоров, заседатель Дмитрий Тарасов, писарь (имя не указывалось) и его помощник Фёдор Артемьев, возвратили Елену в правление вместе с верховой лошастью. Старшина и писарь, по показаниям Елены и её мужа Семёна Самойлова, изнасиловали её, «учинили с ней прелюбодеяние»⁵⁴⁴. Она кричала, но другие служащие правления ей не помогли. После, её выпустили из комнаты, и, по приказанию старшины, вылили на неё пять вёдер воды. Начальник правления снял с её головы и шеи два платка, а также захватил с лошади войлока на пять рублей. Эти вещи Кирпиковой не вернули, более того, требовали за них выкуп в три рубля. В правлении её удерживали сутки, потом отпустили. Позже, Елена пришла в питейное заведение отставного рядового Василия Дерябина, отдала ему на сохранение свой кредитный билет, достоинством в пять рублей, но через неделю получила обратно лишь четыре рубля из пяти⁵⁴⁵. В показаниях Кирпиковой обращает на себя внимание акцентирование на финансовых вопросах, а не на изнасиловании.

Из акта дознания следовало, что в питейном заведении Дерябина, Елена выпила один шкалик вина (100 грамм от стресса), а на один рубль, который не был возвращён, Дерябин выдал ей ещё четыре полуштофа вина⁵⁴⁶. Деревенский старшина Фёдор Мартьянов показал, что Елена пришла к нему в сарай, пьяная, жаловалась на то, что её залили водой, но про изнасилование не упоминала. Лекомский Волостной заседатель Дмитрий Тарасов Костицын показал, что он прогуливался 1 августа с вышеуказанными, обвиняемыми, лицами. Подтвердил факт обливания Елены водой, но отрицал факт

---

⁵⁴⁴ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 61. Л. 9.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 13.

изнасилования⁵⁴⁷. Свидетельские показания очень разнились. Помощник волостного писаря крестьянин Ефим Иванов Рудин отрицал изнасилование и даже факт обливания Елены Кирпиковой водой. Из-за путанных свидетельских показаний, а также из-за отсутствия должных доказательств, было постановлено дожидаться подозреваемых из отлучки (уехали по рабочим делам) для допроса⁵⁴⁸.

24 сентября 1873 г. становой пристав второго стана Емельянов допрашивал явившихся Кропотина и Князева. Они показали, что Кирпикову встретили на улице во время прогулки, она была пьяна, и увязалась за ними. Оба отрицали и обливание водой, и изнасилование, и кражу войлока, который был обнаружен 2 августа на дворе правления⁵⁴⁹. В тот же день, когда проводился допрос обвиняемых, 24 сентября, Семён Самойлов с женой, отозвали жалобу, при этом используя формулировку об «оскорблении», совершенно не упоминая изнасилования. Они просили прекратить дело, потому что простили оскорбление⁵⁵⁰.

23 ноября 1873 г. мировой посредник, по отношению от 20 ноября 1873 г., уволил от должности Кропотина и Князева. 28 ноября того же года исполняющий должность волостного старшины полицейский заседатель Иван Яговкин написал судебному следователю 1-го участка Глазовского уезда характеристику Кропотина и Князева, где указал, что во время службы на своих должностях они не бывали под судом и не привлекались следствием, равно, как и до вступления в должности⁵⁵¹.

В следующем году проводились очные сводки (очные ставки), в ходе которых стороны подтвердили свои показания. Помощник Костицын повторил свои показания данные ранее – крестьянку обливали водой, из-за того, что она была пьяна, но не насиловали. В целом, все свидетельства

---

⁵⁴⁷ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 61. Л.13

⁵⁴⁸ Там же. Л. 14.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 13.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 16.

⁵⁵¹ Там же. Л. 22.

сходились к тому, что Кирпикова была пьяна, а изнасилования не было. Итогом разбирательства стало решение о том, что поскольку улик не найдено, а рассказ Кирпиковой не подтвердился никем и ничем, с Кропотина и Князева снимаются все обвинения⁵⁵². Сложно составить однозначное мнение по поводу данного дела. Практически все факты и свидетельства указывают на то, что изнасилования действительно не было. Учитывая то, что сама потерпевшая отозвала жалобу, и перестала на время говорить об изнасиловании, складывается впечатление, что крестьянка попросту оклеветала мужчин, пытаясь оправдаться за своё поведение (пьянство) перед мужем. Однако обвиняемые лишились должностей, получили наказание, а значит Елена Кирпикова, воспользовавшись строгим отношением суда к правонарушениям связанным с поруганием чести, разрушила карьеры двух невиновных людей. Только после двухлетнего разбирательства обвинения были сняты, изначально же закон выступил на стороне женщины.

Дело по ходатайству крестьянки Юмской волости Василисы Столбовой об отмене решения Волостного суда об аресте за оскорбление действием крестьянина Василия Саламатова рассматривалось с 12 февраля по 6 марта 1884 г. Крестьянин починка Самурского Василий Елизаров Саламатов заявил волостному суду, что солдатка Василиса Прокопьева Столбова, проживавшая с ним в одном починке, нанесла ему обиду действием – теребила за волосы. Заявление было подтверждено свидетелями⁵⁵³. Итог дела был однозначен: «Признать солдатку Василису Столбову виновной в нанесении просителю обиды действием. А потому на основании 102 ст. положения 19 февраля 1861 г. постановил: Солдатку Василису Прокопьеву Столбову о причинении Просителю Василию обиды тереблением за волосы подвергнуть аресту при волостном правлении сроком на два дня»⁵⁵⁴. По этому делу видно, что объём насилия, причиняемого женщинами в адрес мужчин, был несравнимо меньшим, чем объём обратного насилия.

---

⁵⁵² ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 61. Л. 40.

⁵⁵³ ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 126. Л. 3.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 6.

Насилие в деревне нашло отражение и в народном творчестве, причём, в наиболее современной, на пореформенный период, его форме – частушке: «Как за нашим за двором/Белые каменья/Парень девицу ударил/Девица в правлень!»⁵⁵⁵. В частушке отразились тенденции, отмеченные нами в рассмотренных уголовных делах. Направление насилия от мужчины к женщине, а не наоборот, свидетельствует о преобладании именно такой формы девиантных межгендерных взаимоотношений. Прослеживается также и мотив обращения пострадавшей стороны в органы власти. Вероятно, случаи рукоприкладства над женщинами были распространённой практикой в жизни русских крестьян, равно, как и обращение за помощью к высшим инстанциям, которое свидетельствует о внимании к проблеме гендерного насилия в деревне.

Таким образом, процесс эмансипации русского крестьянства не имел однозначного проявления. Сохранение патриархального уклада обусловило перевес насилия, совершаемого мужчинами над женщинами, однако женщины не были бесправны. Обращения в суд, детальные разбирательства дел, с привлечением свидетелей, проведением допросов и очных ставок, и, как правило, справедливые наказания для виновных – указывали на возрастающий уровень правового самосознания деревни. В то же время, крестьяне (и мужчины, и женщины) злоупотребляли возможностью рассмотрения дел органами власти, сознательно идя на подлоги и клевету.

В условиях, когда мужчины продолжали применять физическое насилие для подтверждения своего статуса хозяев и закрепления главенствующего, с точки зрения распределения гендерных ролей, положения, правоприменительная практика, встававшая на сторону женщин, создавала диссонанс в психологическом климате деревни. По тону жалоб, подаваемых мужчинами в суды по поводу незаслуженных, на их взгляд, наказаний, становится очевидным, что крестьяне не успевали за темпами перемен, происходившими в стране. Традиционный уклад, при котором право

---

⁵⁵⁵ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1903 г. Вятка, 1902. С. 53.

сильного доказывалось через побои, считавшиеся нормой, постепенно трансформировался. Насилие, как оправданный и оправдываемый инструмент воздействия, постепенно ускользало из рук мужчин, однако, инертность крестьянской психологии не позволяла в полной мере осознать это явление.

§ 3.3. Развитие народного образования в крестьянской среде в пореформенный период

Активизация модернизационных процессов второй половины XIX века, охватившая все сферы жизни российского общества, дала толчок развитию народного образования. Вторая половина XIX в. для Камско-Вятского региона – время развития системы начального и среднего образования, роста количества школ и улучшения качества образования. Начальная ступень обучения находилась в ведении Министерства народного просвещения, Русской Православной Церкви и земства. Церковь активно развивала начальные церковные школы и церковно-приходские школы, а в конце века вплотную занялось созданием школ грамоты. Исходя из полиэтнического состава населения, которое исповедовало различные религии, церковные деятели важное место отводили миссионерской деятельности, осуществлявшейся, в том числе, и в рамках образовательной системы.

Правительство через Министерство народного просвещения открывало одноклассные школы, срок обучения в которых длился 3 года, и двухклассные школы, срок обучения в которых равнялся 5 годам. Такие учебные заведения именовались «образцовыми». В конце пореформенного периода в «удмуртских уездах» было 3 двухклассные школы и 18 одноклассных⁵⁵⁶. Немногочисленность образовательных учреждений начальной ступени, созданных под эгидой правительства в качестве «образцовых», свидетельствовала об их невысокой популярности в крестьянской среде, с

---

⁵⁵⁶ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1902 г. Вятка, 1901. С. 59.

одной стороны, и недостаточности государственного финансирования, с другой.

В пореформенный период проблемами образования в сельской местности вплотную занялись органы местного самоуправления. Земским деятелем пришлось столкнуться с низким уровнем организации учебного процесса и, как следствие, невысоким состоянием грамотности населения. Стоит отметить, что в доземский период в тяжёлом положении находилась вся система, от материальной базы до уровня обучения. Так, например, окружной начальник по Елабужскому уезду отмечал в своём отчёте за 1862 г., что в 6 училищах уезда числилось 189 учащихся, на которых приходилось всего 13 ученических столов, 4 классных доски, 3 шкафа, 3 стула для учителей⁵⁵⁷. Количество книг не соответствовало количеству учеников, которым они предназначались – 129 азбук, 119 прописей, 137 других учебных книг, 60 книг по арифметике, и 148 книг для чтения⁵⁵⁸.

Затруднено было открытие новых школ и организация работы в них. Бюрократизм старой системы вынуждал учителя обращаться к значительному количеству лиц и учреждений по самым мелким вопросам. Данное обстоятельство тормозило развитие всей сферы образования. К тому же и положение учителя, как профессионала было низким. Зарплата учителя начальной школы не позволяла ему обеспечивать себя, работа не имела престижа и не давала возможностей для карьерного роста. Вероятно, из-за этого, молодые мужчины со средним образованием предпочитали поступать в высшие школы и университеты, что открывало им гораздо больше перспектив для дальнейшего выстраивания карьеры. Учительской практикой занимались, в основном, женщины⁵⁵⁹.

Между светскими учителями и работниками образования из среды духовенства возникали конфликты, в которых отразилась борьба между традицией и новацией в образовательной сфере. Ярким примером различия

---

⁵⁵⁷ Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. С. 50.

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ Там же. С. 57.

педагогических подходов служит письмо учителя Копкинского земского училища в Малмыжскую уездную земскую управу, 29 апреля 1899 г. Со слов детей, которые светский учитель приводил в письме, учитель-священник села Старый Мултан о. Евгений Попов грубо обращался с детьми, пугал и унижал их, а также давал различные прозвища – «квашня», «еретик», «разбойник» и другие. По словам автора письма, таким обращением о. Евгений убивал в детях желание учиться и разрушал в них уверенность в своих силах⁵⁶⁰. В свою очередь, священник в отзыве на жалобу писал, что все обвинения – клевета: «Грубого обращения, застращивания и различных прозвищ я отнюдь не допускаю <...>, но относительно наказаний держусь тех мер, какие предписывают педагогика, и не следую примеру г. учителя, который употребляет единственную ласку»⁵⁶¹.

Обучение в начальной школе дореформенного периода было относительно примитивным. Скучный перечень предметов, состоявший из закона Божьего, русской грамоты, письма и арифметики не нес цели выпустить грамотных крестьян, способных сохранить и пронести полученные знания после выпуска из начальной школы. Большинство крестьян, проходивших подобный курс обучения, вернувшись из-за школьной парты, забывало полученную информацию. Неэффективность системы обучения, конкретными проявлениями которой являлись, чтение хором, а не индивидуально; изучение грамоты со старославянского без объяснения эволюции русского языка и применения на практике; изучение лишь четырёх основных арифметических правил и т.д., обусловили формальный характер начального образования⁵⁶². Важно отметить, что крестьяне-родители, не видя реального эффекта обучения, его реализации в повседневной жизни, неохотно отдавали своих детей в школы.

Проблема оторванности образования от реальной жизни, отсутствие очевидной пользы получаемых знаний для крестьянской жизни, отмечались

⁵⁶⁰ ГАКО. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

⁵⁶¹ Там же. Л. 24.

⁵⁶² Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. С. 53.

уже и после проведения земской реформы. В отчёте о народном образовании 1870 г., отмечалось, что школы, улучшив качество образования, тем не менее, не придали ему прикладного значения⁵⁶³. Крестьянский ребёнок возвращался в деревню, где его грамотность была практически неприменима.

Школьное образование не оказывало существенного влияния на подъём экономики деревни: «Сельскохозяйственная и ремесленная неразвитость нашего населения невольно поражает всякого, кто хоть сколько-нибудь ближе всматривался в дело; важно то, что неразвитость эта составляет общее явление и заметна повсюду какую бы не взять на выдержку местность»⁵⁶⁴.

В Глазовском уезде земство предложило открывать ремесленные занятия при школе. До сего времени кустарное производство в деревнях было развито слабо, его изделия чаще всего покупали на рынках других уездов. В свою очередь при развитии местных ремёсел, как полагали земцы, прибыль не уходила бы за рамки уезда, а оседала в руках глазовских производителей⁵⁶⁵. В школах Глазовского уезда уже в 1870 г. предлагалось в свободное от учебных занятий время ввести уроки по обучению различным ремёслами. Помимо этого, планировалось повышать у крестьянских детей уровень сельскохозяйственных знаний⁵⁶⁶.

Земские деятели активизировали общественную жизнь деревни, что нашло выражение в создании различных организаций, решавших социальные, экономические и культурные проблемы сельского населения.

Общества трезвости, учреждавшиеся по всей стране на протяжении пореформенного периода, были востребованы и на территории четырех «удмуртских уездов». Так, Сарапульское общество трезвости было организовано ремесленниками-обувщиками в 1892 г., и вошло в историю как

---

⁵⁶³ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 239.

⁵⁶⁴ Там же.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 240.

⁵⁶⁶ Там же.

одно из наиболее деятельных и популярных в народной среде⁵⁶⁷. Несмотря на то, что подавляющее большинство членов общества составляли мещане, крестьянское сословие было представлено 29 (6,3%) русскими участниками, исповедовавшими православие⁵⁶⁸. В 1894 г. общество открыло читальню (первоначально весьма скромно оборудованную) и уже к началу XX в. обеспечивало всем желающим доступ к сотням томов по различным направлениям, а также к периодическим изданиям⁵⁶⁹. Повышение уровня образованности в среде рабочих и крестьян должно было, по замыслу учредителей общества, отвлечь людей от пагубных привычек, дать им альтернативу проведения свободного времени. Стоит отметить, что войти в состав общества могли и мужчины, и женщины, гендерного разделения здесь не наблюдалось. Для женщин решено было организовать бесплатную школу кройки и шитья. В 1894 году её посещали всего 11 женщин, школа периодически закрывалась и в итоге от неё вынуждены были отказаться, по причине неустойчивого руководства курсами⁵⁷⁰. Обращает на себя внимание, что направлением образовательной деятельности было выбрано мастерство кройки и шитья, носившее прикладной характер и традиционно считавшееся именно женским занятием.

Голод 1891-92 гг. поставил перед земством ряд новых задач в области образования в деревне. Одной из них стало открытие ремесленных и кустарных мастерских, в которые набирались крестьянские дети, получившие начальное образование⁵⁷¹. Важной вехой в образовательной деятельности в деревне стало создание сельскохозяйственных обществ. Их деятельность отличалась разнообразием направлений, в числе которых

---

⁵⁶⁷ *Копинова Н. С.* Общество трезвости в г. Сарапуле (общественные организации в Вятско-Камском регионе конца XIX – начала XX в.) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. №3. 2011. С. 50.

⁵⁶⁸ Краткий отчет десятилетней деятельности Сарапульского общества трезвости (1893-1903 гг.). Сарапул, Типография М. Е. Постниковой, 1904. С. 7.

⁵⁶⁹ Там же. С. 53–54.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ *Копинова Н. С.* Общественные организации Удмуртии во второй половине XIX–начале XX вв.: формирование и деятельность.: дис. ... канд. ист. Наук. Ижевск, 2013.

важное место занимали проведение публичных лекций, издательская деятельность, а также открытие прикладных училищ и библиотек. Сталкиваясь с непониманием основной крестьянской массой вводимых инноваций, земские деятели нередко приходили к выводу о необходимости ликвидации неграмотности как таковой⁵⁷².

Поскольку несовершеннолетние дети подчинялись воле родителей, их учебный процесс зачастую попадал под влияние экономических нужд деревни. Если родители нуждались в помощи детей в сельскохозяйственных работах, они предпочитали оставлять их дома, нежели отправлять на учёбу. Подобное явление хорошо прослеживается на материалах заседаний Малмыжского уездного училищного совета. Так, в журнале от 10 апреля 1883 г., рассматривался вопрос о временных рамках учебного процесса и зависимости его от сельскохозяйственного цикла. В связи с началом полевых работ, было решено сократить учебный период, провести экзамены во всех училищах уезда в период с 25 апреля до 10 мая⁵⁷³.

Поскольку крестьян некоторых сельских обществ не устраивал срок начала учебного года, им было предложено выработать свою позицию и предоставить информацию в местный училищный совет⁵⁷⁴. Крестьяне села Старо-Зятцинского, Узинской волости, постановили, что для детей, которые только поступают в школу, и которые по своему возрасту бывают мало или вовсе не нужны дома, следует начинать учебный год с 1 сентября, оканчивая приём в школу 1 октября, а с детьми, которые уже учатся и возвращаются в школу, начинать с 15 сентября, заканчивая приём 15 октября⁵⁷⁵.

Крестьяне Селтинской волости Малмыжского уезда, установили срок приёма с 1 по 20 сентября, так как: «в это время крестьянские работы почти

---

⁵⁷² *Копинова Н. С.* Общественные организации Удмуртии во второй половине XIX–начале XX вв.: формирование и деятельность.: дис. ... канд. ист. Наук. Ижевск, 2013.

⁵⁷³ ГАКО. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

⁵⁷⁴ Там же. Л. 4.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 39.

оканчиваются и малышки остаются свободными ото всяких работ»⁵⁷⁶. В самой формулировке прослеживается соотношение в крестьянском сознании аграрных работ и обучения в школе – только когда дети «свободны», они могут получать образование.

Крестьяне Кильмезской и Мултанской волостей Малмыжского уезда устанавливали схожие сроки начала приёма детей в школу, также мотивируя своё решение окончанием сельскохозяйственных работ. Крестьяне Вольпельгинской волости решили отправлять учеников в школы не позднее 15 сентября, а родителей, удерживающих детей, без уважительной причины, штрафовать на 10 копеек за каждый день прогула⁵⁷⁷.

Таким образом, принцип главенства экономических интересов крестьянской жизни распространялся и на сферу народного образования. Крестьяне не бойкотировали народные училища, позволяли детям обучаться грамоте, однако первостепенными оставались сельскохозяйственные работы.

Патриархальный уклад обуславливал отношение к девочке, как к будущей жене и матери, домохозяйке, что оказывало серьёзное влияние на выбор родителей-крестьян, когда поднимался вопрос о необходимости дать образование дочерям. Многие крестьяне не видели никакой практической пользы в обучении девочек грамоте. Отправляя в школы мальчиков, смотрели на перспективу – умение читать и считать могло пригодиться в будущем, при рекрутировании в армию⁵⁷⁸. Для девочек подобной перспективы не существовало, а для создания семьи грамотность была не обязательна.

Другой причиной относительной малодоступности школьного образования для девочек, являлся недостаток числа школ. Имевшиеся – были зачастую переполнены учениками, что вынуждало отказывать некоторым желающим в поступлении⁵⁷⁹. При отказе, учителя руководствовались уже

⁵⁷⁶ Там же. Л. 70.

⁵⁷⁷ ГАКО. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 7. Л.70..

⁵⁷⁸ Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. С. 59.

⁵⁷⁹ Там же. С. 69.

упоминаемой меньшей практической значимостью получения образования для девочек в условиях деревенской жизни. По статистике, на 1898 г., всего по губернии доля не обучавшихся мальчиков, составляла 21,9%, а доля не обучавшихся девочек – 77,1%⁵⁸⁰. Большой разрыв между показателями, демонстрировал неблагоприятную ситуацию в образовании, в целом, так как отказ со стороны школ принимать на учёбу девочек, равно как и отказ родителей давать им образование, обнажал фундаментальные проблемы слабой организации данной сферы. Вероятно, решение инфраструктурных, технических и методических вопросов, встававших перед земством, могло нивелировать разницу между количеством обучавшихся мальчиков и девочек.

Нужно указать, что ситуация с отказом в поступлении в школу по гендерному признаку была актуальна лишь для смешанных школ, в которых мальчики и девочки обучались вместе. Однако количество школ такого типа было небольшим относительно специализированных учебных заведений. Само отношение к практике совместного обучения было неоднозначным в крестьянской среде. В пословицах и поговорках отмечалось положительное, в целом, отношение к образованию: «Наука не бука: она не страшит, а мрак незнания отгоняет», «Ученье в счастья украшает, а в несчастья утешает»⁵⁸¹. Однако польза от получаемых детьми знаний, сильно заботила крестьян.

В газете «Вятские губернские ведомости» было опубликовано анонимное письмо матери-крестьянки на смешанные школы в Вятской губернии, которое мы приведём полностью: «Знамо дело, батюшка, отдавать деток на обучение грамоте в школы надо, да вот как отдашь их туда коли там вместе учатся и парнишки: шибко ведь они балуются и обидят девок. Сам знаешь девка так девка, всё кротше парня. У меня вот 4 девки, смала как-то не привелось отдать, а тут повыросли, то опять, как отдашь большую учиться

⁵⁸⁰ Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. С. 70.

⁵⁸¹ Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 398.

с парнями. Бают, есть по местам особливые школы для девок? Это вот удобно: тут их научат грамоте и всякому женственному мастерству. У нашего свата Якима вышла из такой школы девка, так сердце не нарадуется, глядя на её мастерство: скроит и сошьёт, сплетёт и вывяжет любые кружева, словом девка вышла важная мастерица. А нешто девка так научится в парнишней школе? Вестимо не дойдёт до того, а только избалуется, есть учатся некоторые у наших, да проку мало, далеко не чета сватиной девке. Ведь даром и у вашего брата, духовных и бар, учат парней особливо от девок»⁵⁸².

В приведённом мнении простой крестьянки, сразу обращает на себя внимание отношение к роли женщины в целом. Образование девочек, по её мнению, должно было быть прикладным, а не теоретическим, причём прикладным с уклоном в занятия, считавшиеся традиционно женскими. Непонимание крестьянкой устройства школьного образования, направленного на получение базовых знаний, вне зависимости от гендерной принадлежности, прослеживается в скептическом отношении к школам с совместным обучением. Более того, она считает бесполезным для девочки общий курс образования, так как он не пригодится бы ей в будущем. Не допускалось даже мысли о том, что девочка в будущем может захотеть заниматься наукой, искусством, найти себя в других сферах. Сила традиции, пронизывающая психологию всего крестьянства, диктовала распределение мест и обязанностей.

Однако понятен и страх матери отправлять своего ребёнка в школу, которая могла находиться на расстоянии многих вёрст от дома. Земская школа представляла собой, по сути, интернат, где дети не только обучались, но и жили, всё время учебного года, за исключением каникул и праздников. Совместное проживание мальчиков и девочек, разные их интересы, продиктованные опять же традиционным воспитанием, вследствие которого

---

⁵⁸² Взгляд крестьянки-матери на смешанные школы в Вятской губернии // Вятские губернские ведомости (Приложение к ВГВ). №92. 1900. С. 3.

закладывалась определённая картина прав и обязанностей гендеров, нарушение которой могло провоцировать конфликтные ситуации, закономерно вызывало опасение родителей.

Стоит отметить, что раздельное обучение, на деле, не предполагало сильного различия в учебных программах мальчиков и девочек. Земство, являясь ретранслятором и инициатором прогрессивных преобразований, старалось нивелировать различия в гендерных ролях. Унифицированное образование служило инструментом эмансипации крестьянства в целом, и крестьянских женщин в частности. Желание земских деятелей поднять общий уровень крестьянского развития, сделать деревню более цивилизованной и умной, отвечало задачам, стоящим перед страной, вставшей на путь модернизации, особенно учитывая, что крестьянство составляло большинство населения Российской империи. Раскрытию организационных сторон построения народного образования способствуют статистические сведения о состоянии земских училищ. Закономерности развития учебных заведений для крестьян помогут нам глубже проникнуть в гендерные проблемы русского крестьянства.

Освещая организационные аспекты народного образования, необходимо отметить, что с 1868 г., когда был отменён подушный училищный сбор с крестьян, превалирующую часть расходов по содержанию училищ взяли на себя уездные земства⁵⁸³. При исследовании данных, собранных Глазовской уездной земской управой за 1899 г., содержащих информацию о преподавателях, учащихся, а также о материально-технической оснащённости каждой школы, представляется возможным проследить состояние разных типов учебных заведений: мужских, женских и смешанных.

В Балезинском мужском училище должность учителя занимала девушка Александра Михайлова Михайлова, дочь мещанина, окончившая курс

---

⁵⁸³ История Удмуртии: Конец XV начало XX века. Ижевск, 2004. С. 428.

женской прогимназии в 1886 г.⁵⁸⁴ В 1870 г. Глазовской уездной земской управой было принято решение о выделении сельским учителям помощников, в тех школах, где количество учеников превышало 40 человек⁵⁸⁵. Помощником Александры Михайловой был Степан Петров Марков, сын крестьянина, окончивший курс уездного училища. Учащихся числилось 179 человек, 40 из которых поступили в отчётном году; 25 из них покинуло школу, окончив курс, 16 – не окончив обучения (5 поменяли место жительства, 9 мальчиков забрали родители, нуждаясь в рабочей силе, 1 выбыл по болезни и ещё 1 не хотел учиться дальше)⁵⁸⁶.

Из 138 учеников, все исповедовали православие, 124 учащихся были крестьянскими детьми. Русских учеников в Балезинском училище было всего 25 человек, остальные были удмуртами. Вопрос с размещением детей во внеучебное время решался по-разному – 40 учеников жили в общежитии, 38 в домах родителей, 60 – на частных квартирах⁵⁸⁷. Детям не всегда удавалось уехать к родителям, или к хозяевам частных квартир, где они жили. В таком случае они оставались ночевать в классных комнатах. Общежитие располагалось в кухне, ученики спали на полатах и на полу. Условия проживания были тяжёлыми, в первую очередь из-за тесноты⁵⁸⁸. Средства содержания училища за год составляли 943 рубля 92 копейки, из которых 909 рублей 42 копейки внесло глазовское земство, а остальные деньги были внесены городскими и сельскими обществами⁵⁸⁹. Значительная часть средств уходила на жалование учителям, и лишь небольшая сумма распределялась на книги, учебные материалы, ремонт, отопление и т.д.⁵⁹⁰.

В Верхнекосинском мужском училище учителем работала – Татьяна Иванова Кружина, крестьянка. Должность её помощницы занимала Таисия

---

⁵⁸⁴ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 221. Л. 1.

⁵⁸⁵ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 236.

⁵⁸⁶ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 221. Л. 1.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Там же. Л. 3.

⁵⁹⁰ Там же.

Порфирьева Прокопьева, также из крестьянского сословия. Из 93 учащихся мальчиков, 11 выбыло по окончании курса, 7 учеников не окончили обучения – 2 по нужде рабочих рук в семье, 2 – по нежеланию учиться дальше, 1 ребёнок сменил место жительства, 2 – были исключены за неуспеваемость. Все 75 учеников исповедовали православие. К крестьянскому сословию относились 55 детей, 19 были из разночинцев, 1 мещанин⁵⁹¹. В школе обучалось 67 русских и 8 удмуртских мальчиков. Общежитие находилось в нижнем этаже училищного здания. Ученики спали на нарах, полатах, просто на полу. Пищу готовила прислуга. Общежитие признавалось удобным. Всего в нём проживал 51 ученик; 10 мальчиков жили в домах родителей; 14 – на частных квартирах⁵⁹². Средства на содержание училища поступали от глазовского земства, как и в других школах, почти все деньги уходили на жалование учителям.

В Балезинском женском училище должность учителя также занимала девушка, дочь мещанина. Помощника у неё не было. Учениц числилось 71 человек, 32 из них поступили в отчётном году, выбыло до окончания курса 11 девочек (4 сменили место жительства, 2 забрали родители, нуждаясь в рабочих руках, 4 – не захотели учиться дальше, 1 девочка умерла)⁵⁹³. Все ученицы исповедовали православие, кроме одной девочки из семьи иностранных подданных, исповедовавших лютеранство⁵⁹⁴. 20 девочек были русскими, 34 – удмуртками, большинство было из крестьянского сословия. Вне занятий, ученики проживали в общежитии – 18 человек, 26 девочек жили в домах родителей, на частных квартирах – 11⁵⁹⁵. Общежитие находилось в здании училища, дети спали на скамьях и на полу. Еду приносили с собой. Общежитие признавалось удобным⁵⁹⁶. Средства содержания училища за год

---

⁵⁹¹ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 221. Л. 46.

⁵⁹² Там же. Л. 47.

⁵⁹³ Там же. Л. 5.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 6.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Там же.

составляли 416 рублей 71 копейку, причём все средства поступили от Глазовского земства⁵⁹⁷.

В Бармашурском смешанном училище учителем работала, дочь мещанина, Софья Павловна Ложкина. Учащихся мальчиков числилось 62 человека, 24 из них поступило в отчётном году, 7 выбыло до окончания курса – 4 по нужде семьи в рабочих руках, 3 по нежеланию учиться дальше⁵⁹⁸. Все 55 мальчиков исповедовали православие, 54 были крестьянами и 1 мещанином. Русских учеников было 14, преобладали удмурты – 41 мальчик. Большинство проживало в домах родителей – 47 человек, остальные 8 жили в частных квартирах. Девочек числилось 8, из 2 поступило в отчётном году, 3 выбыло до окончания учебного года – 2 переменили место жительства, 1 не хотела продолжать обучение. Русских учениц было 2, удмурток – 3. Все исповедовали православие, 4 девочки были крестьянками, 1 – мещанкой. Все девочки жили в домах родителей⁵⁹⁹. Основные средства на училище выделялись Глазовским земством, всего 420 рублей 63 копейки, подавляющая часть из которых, отводилась на жалование учителям⁶⁰⁰.

Вожгальское смешанное училище приняло на должность учителя женщину из крестьян, окончившую курс в Глазовской женской прогимназии, и имевшей свидетельство на звание учительницы начальной школы⁶⁰¹. Учащихся мальчиков на 1899 г. числилось 33 человека, из них 9 – поступило в отчётном году, 9 – выбыло по окончании курса. Все 24 человека были русскими, православными; 17 – из крестьянского сословия и 7 – разночинцев⁶⁰². Общежития при школе не было, половина мальчиков проживала в домах родителей, остальные на частных квартирах. Учениц числилось 20 человек, 4 – поступило в 1899 г., 1 – выбыла по окончании курса, 1 – до окончания, сменила место жительства. Все 18 девочек были

---

⁵⁹⁷ Там же. Л. 7.

⁵⁹⁸ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 221. Л. 14.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 15.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 16.

⁶⁰¹ Там же. Л. 18.

⁶⁰² Там же. Л. 19.

русскими, православными, 15 – относились к крестьянскому сословию, 3 девочки были из семей разночинцев. Из 18 учениц, 13 – жили в ломах родителей, а 5 – на частных квартирах⁶⁰³. Все средства на содержание училища поступали от Глазовского земства, всего 530 рублей 78 копеек⁶⁰⁴.

В Валомазском смешанном училище должность учительницы занимала Анна Гаврилова Шляхтина, окончившая курс в Вятской женской гимназии. У неё был помощник – Михаил Тимофеев. В училище числилось 65 мальчиков, 11 – выбыло по окончании курса, 10 – до окончания, 4 – вернулись в семьи из-за нехватки рабочих рук, 6 – не пожелали продолжать обучение. Все мальчики были русскими, 39 из них исповедовали православие, 5 – раскольников. По сословной принадлежности преобладали крестьяне – 36 человек, 8 – относились к разночинцам⁶⁰⁵. В училище числилось 10 девочек, 2 – выбыли по окончании курса, а 1 – покинула школу, не закончив обучения, из-за нежелания учиться дальше. Оставшиеся 7 девочек были русскими, 6 из них исповедовали православие, 1 – раскольничество, причём православные дети были из крестьянских семей, девочка-раскольница из семьи духовников⁶⁰⁶. Общежитие располагалось в учебном здании, в нижнем этаже. Ученики спали на полу и на прикрученных скамьях. Пищу ученикам готовил сторож, иногда дети готовили себе самостоятельно. Общежитие признавалось неудобным⁶⁰⁷. Из средств на содержание училища (414 рублей 50 копеек), которые выделило лишь глазовское земство, 386 рублей было отведено на жалование преподавателям⁶⁰⁸.

Рассмотренные школы лишь часть начальных учебных заведений, открывшихся к концу XIX в. в Глазовском уезде, однако они дают представление о проблемах, имевшихся в сфере народного образования. Говоря об организационной стороне, первое, на что стоит обратить внимание

⁶⁰³ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 221. Л. 19.

⁶⁰⁴ Там же. Л. 20.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 34.

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Там же. Л. 35.

⁶⁰⁸ Там же. Л. 36.

– это источники финансирования. В большинстве рассмотренных случаев деньги выделялись лишь Глазовским земством, при редкой и фрагментарной помощи со стороны сельских и городских обществ, а также попечительств. Финансовая поддержка сельского образования Министерством народного просвещения или церковными учреждениями была скорее исключением, нежели правилом⁶⁰⁹. Ограниченность финансирования, при которой значительная часть средств распределялась в качестве заработной платы учителям и помощникам не позволяла комплектовать должным образом учебно-методические материалы. Неустроенность быта учеников, отсутствие специальных помещений для проживания, затрудняли для детей учебный процесс, так как им приходилось либо уезжать после занятий домой к родителям, либо искать жильё на стороне.

Касаясь гендерного аспекта, нужно отметить, что учительский состав пополнялся представителями обоих гендеров и отличался тем, что не ограничивался каким-либо сословием. Равные возможности для крестьян, мещан и представителей духовенства, для женщин и мужчин, в случае, если они имели необходимую квалификацию, указывает на прогрессивные тенденции, обозначившиеся в пореформенный период. Глядя на статистику принимаемых учеников, становится очевидным численный перевес мальчиков, причём как в смешанных учебных заведениях, так и в отдельных.

Обозначенные тенденции справедливы и для остальных уездов. Так, данные школьных листков Вятской епархии, собранные по Малмыжскому уезду в 1901 г., демонстрируют схожие проблемы, что и материалы по народному образованию Глазовского уезда. Для примера рассмотрим некоторые школы.

Одноклассная смешанная школа села Рождественского открылась в 1894 г., должность учителя в ней занимала Анна Константинова Попова, её помощницей работала крестьянская девушка Юлия Александровна Стрижева.

---

⁶⁰⁹ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 221. Л. 103.

На отчётный год числилось 64 ученика, 55 мальчиков и 9 девочек, все исповедовали православие, 44 ученика были русскими, остальные удмуртами⁶¹⁰.

Одноклассная смешанная школа села Большая Можга открылась в 1891 г., должность учителя занимал, дьякон Александр. Из 27 числившихся учеников (25 мальчиков и 2 девочки), 8 – были русскими, а 19 – удмуртами, все исповедовали православие⁶¹¹.

Должность учителя в смешанной школе деревни Янкино занимала крестьянка Анастасия Георгиевна Скворцова. Всего в школе обучалось 66 учеников, все были русскими крестьянами, исповедовавшими православие. Здесь наблюдался уже привычный численный перевес в сторону учащихся мальчиков, которых было 42, тогда как учащихся девочек было 24⁶¹².

Смешанная школа в селе Усад существовала с 1895 г., учителем в ней работал Симеон Александров Курочкин. Все 39 учеников (24 мальчика и 15 девочек) были русскими крестьянами, исповедовавшими православие⁶¹³.

В селе Ральники на должности учителя находилась крестьянская девушка Лидия Александровна Мальгина, её помощницей работала крестьянская девушка Анна Фёдорова Козлова. В школе обучалось 112 учеников (72 мальчика и 40 девочек). Все дети были русскими крестьянами, исповедовавшими православие⁶¹⁴.

Школа грамоты в деревне Верхняя Тойма также была смешанного типа. Учителем там работала крестьянская девушка Ольга Семенова. В школе обучалось 29 человек (18 мальчиков и 11 девочек), все они были русскими крестьянами, исповедовавшими православие⁶¹⁵.

Таким образом, в Малмыжском уезде, учительский состав формировался так же, как в Глазовском уезде, по принципу равного представления

---

⁶¹⁰ ГАКО. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁶¹¹ Там же. Л. 5.

⁶¹² Там же. Л. 8.

⁶¹³ Там же. Л. 11.

⁶¹⁴ Там же. Л. 13.

⁶¹⁵ Там же. Л. 25.

возможностей мужчинам и женщинам, на основе их квалификации. В то же время, очевидна и другая закономерность – во всех рассмотренных школах мальчики численно преобладают над девочками. Однако, девочки получали образование того же уровня, что и мальчики, будь то в смешанных школах или в специализированных. Важно также отметить, что в Малмыжском уезде финансирование учебных заведений осуществлялось, помимо земских вложений, благотворительными обществами. Так, общество вспомоществования бедным учащимся в городских и уездных учебных заведениях открылось в 1896 г. Оно вносило плату за обучение бедных учеников без различия пола, возраста, национальности, вероисповедания и сословий. Общество выдавало одежду, пищу, а также предоставляло детям жильё и единовременные денежные пособия⁶¹⁶.

Сопоставляя данные о результатах обучения воспитанниц Глазовской женской прогимназии и Сарапульской женской гимназии, можно проследить различия в образовательных программах, произошедшие за относительно короткий период времени. Дочь крестьянина, Раиса Михайлова Чежегова, русская, исповедовавшая православие, в 1879 г., по окончании 4 класса получила аттестат, где был указан список обязательных предметов прогимназического курса: закон божий; русский язык с церковнославянским; математика; естественная история; история всеобщая и русская; география всеобщая и русская. Средний балл по всем предметам полученный Раисой Чежеговой – «3»⁶¹⁷. По чистописанию и рукоделию она обучалась на «отлично», а помимо этого, из необязательных предметов, она обучалась рисованию и черчению, также с отличными оценками. На основании данных отметок, Раиса Михайлова Чежегова была удостоена звания ученицы, окончившей полный курс учения в Женской Прогимназии, что позволяло ей пользоваться правами и преимуществами, предоставленными статьёй 45

---

⁶¹⁶ Благотворительная Россия. Т. 2. СПб. 1903. С. 11.

⁶¹⁷ ЦГА УР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 3. Л. 113.

Положения о женских Гимназиях и Прогимназиях Министерства народного просвещения⁶¹⁸.

Татьяна Лавровна Жернакова, дочь крестьянина, окончила 4-классный прогимназический курс Сарапульской женской гимназии в 1891 г. Незадолго до экзаменов, в письме старшему брату она писала: «Учусь удовлетворительно, надеюсь перейти, но не знаю, что мне скажут экзамены, которых у нас в IV классе великое множество. Отметки я тебе показывала ещё на Рождестве, и теперь точно такие же. Только французский подгулял. Табель мой за третью четверть, а впрочем и все равно, хотя ты и видел, но я напишу за все: Русский 4 4 4 4; Закон Божий 4 4 3 3; арифметика 3 3 3 3; география 3 3 4 3; французский 3 3 2 2 должно быть в 4^ю четверть, история 3 4 3 3; естественная 4 3 3 4; чистописание 4 3 4 4; поведение 5 5 5 5; внимание 5 4 5 5; прилежание 5 4 5 5. Отметки я тебе написала за все четыре четверти. Ты, конечно, видишь, что по всем отметкам меня обязательно переведут в V класс, потому что все они удовлетворительные и есть даже хорошие, но всему беда это навязался французский»⁶¹⁹. Стоит отметить, что французский, неуспехи по которому вызывали тревогу Татьяны Жернаковой, не являлся обязательным предметом. После отказа от изучения этого языка и получения аттестата об окончании прогимназического курса, Татьяна вынуждена была прекратить обучение, под давлением отца и вопреки собственным желанием⁶²⁰. Нужно отметить, что по сравнению с перечнем предметов выпускницы Глазовской прогимназии от 1879 г., список обязательных предметов в Сарапульской гимназии в последнее десятилетие XIX в. несколько сузился и упростился.

Учитывая диспропорцию гендерного представительства в школах, закономерно, что число грамотных женщин в русской деревне «удмуртских» уездов Камско-Вятского региона было ниже, чем число грамотных мужчин. Данное проявление неравенства нашло своё отражение в народном

⁶¹⁸ ЦГА УР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 3. Л. 113.

⁶¹⁹ Йокояма О. Б. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 2. М., 2014. С. 133.

⁶²⁰ Там же. С. 205.

творчестве. К неграмотности относились с самоиронией: «Ох, кабы грамотна была / Горюшка не знала / Написала бы письмо / К милому послала!»; «Не пиши милёнок писем / Не подам тебе ответ / Сама писать я не умею / Писарев знакомых нет!»⁶²¹. Обращает на себя внимание, что частушки про неграмотность исполнялись от женского лица. С другой стороны, куплеты, где грамотность и её носители оценивались позитивно, были либо спеты от лица мужчин, либо делали мужчин главными героями: «До Казани мы дойдём / Мы нигде не пропадём / Мы читать-писать умеем / В писаришки попадём!»; «Кто солдатиков не любит / А я стала бы любить / Образованные люди / Знают, что поговорить!»⁶²². Упоминание образованности солдат возвращает к рассмотренной ранее проблеме отбора учеников по гендерному признаку, когда смешанные училища, при зачислении детей, отдавали предпочтение мальчикам, основываясь на большей полезности образования для них в будущем, при прохождении военной службы. Постановка ролевых моделей в частушках, где с женщиной ассоциируется безграмотность и легкомысленность, а с мужчиной образованность и целенаправленность, указывает на реальное распределение гендерных ролей в русской деревне.

Таким образом, гендерный аспект имел яркое проявление в сфере народного образования среди крестьян. Патриархальный уклад, подразумевавший главенствующую роль мужчин, являлся основой социальных конструктов дореволюционной России, где положение женщины обозначалось, как подчинённое и второстепенное. После земской реформы ситуация стала изменяться, однако, прогрессивные тенденции не получили должного развития, в силу ряда факторов. Главной причиной торможения являлась консервативная природа крестьянского сознания. Крестьянская женщина воспринималась, как жена, мать, хранительница дома, а для выполнения этой роли образование не требовалось. По мере развёртывания земством своей работы, стали появляться положительные подвижки, однако

⁶²¹ Календарь и Памятная книжка Вятской губернии. На 1903 г. Вятка, 1902. С. 87.

⁶²² Там же. С. 88.

даже при количественном росте школ и качественном повышении образования, наблюдалась диспропорция в показателях обучающихся мальчиков и девочек. Другой причиной, проистекавшей из общего уклада жизни в стране, являлась оторванность образования от повседневности деревни, непрактичность получаемых знаний. Крестьянская девушка, освоившая навыки правописания и чтения, овладевшая курсом географии и истории, возвращалась в деревню, где выполняла функции, предписанные её традиционной ролью, и наличие аттестата не вносило значительных изменений в её жизнь.

Положительно стоит оценивать работу земства в уравнивании прав гендеров. Это касалось как процесса отбора кандидатов на должность учителей, где главным фактором выступала квалификация, так и составление школьных программ, в которых девочки изучали те же основные предметы, что и мальчики. К тому же, несмотря на скепсис в отношении учебных заведений смешанного типа со стороны отдельных крестьян, тенденция роста их числа, говорила об увеличении доверия к образованию в крестьянской среде. Важно отметить роль земства в развитии общественной жизни крестьян, помощь в решении социальных, экономических и культурных проблем сельского населения.

Сила традиционного уклада русской деревни пореформенного периода обусловила положение женщин в системе межличностных и межгендерных отношений. Распределение ролей было закреплено на протяжении веков. Оно распространялось на все сферы крестьянской жизни. Установление определенных форм связей и взаимодействий начиналось с ранних лет жизни и проявлялось в бытовой сфере, где за девочками были закреплены типично «женские» обязанности, связанные с ведением домашнего хозяйства. По мере взросления помощь становилась обязательствами, что ещё больше закрепляло роль женщины в рамках хозяйственно-бытовой системы.

В сферах жизни, которые имели относительно меньшую связь с хозяйственной деятельностью, устойчивость закрепившегося уклада

подвергалась трансформации. Изменения ярко обозначились в правовой сфере, где вопросы межгендерного насилия оказывались под пристальным вниманием судебных органов. Правонарушения старались тщательно разбирать с целью защитить пострадавшую сторону, которая в сельской местности традиционно была представлена женщинами. Показателем для пореформенного периода тот факт, что суд становился на сторону женщин.

В сфере народного образования гендерный аспект проявился в ученическом составе начальных школ и прогимназий. Во-первых, учебных заведений для мальчиков было создано больше, чем для девочек. Во-вторых, в смешанных образовательных учреждениях, количество которых росло в течение пореформенного периода, мальчиков, как правило, училось больше, чем девочек. Патриархальность русской деревни обусловила скептическое отношение к женскому образованию как таковому. По мере активизации модернизационных процессов и развития эмансипации, динамика количественных показателей претерпевала позитивные изменения. В народном образовании тесно проявилась связь различных сторон крестьянской жизни с основой их существования – сельским хозяйством, что нашло яркое выражение в зависимости обучения крестьянских детей от цикла сельскохозяйственных работ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XIX в. для Российской империи стала временем активизации модернизационных процессов, во многом инициированных масштабными реформами Александра II, центральное место в которых заняло освобождение крестьянства от крепостной зависимости.

По мере развития капиталистических отношений, крестьянство, изначально выступавшее в качестве воплощения традиционного образа жизни, на которое опиралось государство, становилось более самостоятельным, готовым ради сохранения уровня жизни или же улучшения его, внедрять новые формы хозяйствования, постепенно эволюционируя в сторону товарно-денежных отношений. При этом основная масса сельского населения сохраняла черты здорового консерватизма, что выражалось в осторожном отношении к каким бы то ни было инновациям.

Русское крестьянство «удмуртских уездов» Камско-Вятского региона представляло собой переселенческий элемент, миграция которого происходила в течение длительного исторического периода. Несмотря на отдельные случаи вытеснения русскими коренного населения с обжитых земель, в целом, межнациональные отношения в пореформенный период можно характеризовать как добрососедские и взаимовыгодные. Взаимодействие этносов внутри «удмуртских уездов» происходило в основном в двух сферах – экономической и культурной. Русское население было более мобильным, и, как следствие, более открытым к инновациям, нежели – удмуртское, здоровый консерватизм которого, был обусловлен, в основном, крупными земельными наделами, выступавшими в качестве гаранта экономической стабильности жизнедеятельности деревни.

При анализе социально-экономической жизни русского крестьянства выявились закономерности в эволюции многоотраслевого деревенского хозяйства в контексте общероссийского процесса модернизации. Хозяйства

русских крестьян Камско-Вятского региона носили комплексный характер. В них были представлены три основные отрасли: земледелие, скотоводство и внеземледельческие занятия. На развитие каждой в отдельности и на пропорциональную репрезентативность их в рамках хозяйства в целом, оказывал влияние ряд факторов.

Правовой фактор обусловил неравномерное обеспечение земельным наделом отдельных категорий крестьян. Законы о поземельном устройстве удельных крестьян от 1863 г. и о поземельном устройстве государственных крестьян от 1866 г. в определенном смысле уравнивали их в базовых правах, закрепив за общинами те наделы, которые были выделены ещё до реформы. Однако размеры крестьянских наделов в рамках различных разрядов были разительно контрастны. Государственные крестьяне, численно преобладавшие на территории четырёх «удмуртских уездов» Камско-Вятского региона, оказались изначально в более выгодных условиях, нежели бывшие удельные, помещичьи и горнозаводские, и определяли общую картину состояния и эволюции крестьянского хозяйства.

Природно-географический фактор: рельеф местности, характер орошения и почвенный состав, определил неравнозначные условия ведения земледельческого хозяйства. Чаще всего, получив в распоряжение крупный надел, крестьяне сталкивались с некачественными почвами, требовавшими больших физических усилий и материальных вложений. Серьезное влияние на урожайность хлебов оказывали сложные климатические условия, вынуждавшие селян постоянно корректировать сроки проведения посевных культур и сбора урожая. В свою очередь, данное явление заставляло крестьян вносить инновации в сельскохозяйственную деятельность. Прямая зависимость между климатическими условиями и сельским хозяйством прослеживалась и в секторе животноводства, развитие которого обуславливалось наличием выгонов и качеством кормовых трав. В то же время, в тех волостях, где крестьянство не могло удовлетворить свои нужды

за счёт сельского хозяйства, природно-географический фактор выступал, как катализатор для развития внеземледельческих занятий.

Большую роль на все сферы жизни региона оказал географический фактор. Располагаясь на пересечении больших транспортных магистралей, с одной стороны: речных путей Камы и Вятки с направлением на крупные российские рынки и, с другой – Великого Сибирского пути с выходом на Сибирь, Камско-Вятский регион был органично, относительно рано, втянут в процесс складывания всероссийского товарного рынка, а позднее – общероссийского единого капиталистического рынка. Развитие парохозяйства в пореформенный период способствовало, с одной стороны, расширению торговых зон, открывая новые рынки сбыта для реализации сельскохозяйственной и промышленной продукции. С другой стороны, активизировало развитие внеземледельческих занятий крестьянства, создавая новые рабочие места, а также стимулировало адаптационные механизмы предпринимательской деятельности в ее самых различных экономических формах. Развитие товарно-денежных отношений способствовало качественным, структурным и социальным сдвигам в деревенской среде. Повсеместным явлением стала ориентация землепашцев на производство товарной продукции. При этом, существенные изменения претерпевает форма сбыта сельскохозяйственной продукции, которая чаще всего осуществлялась через складывающуюся систему крестьян-скупщиков. Нельзя не отметить и позитивную роль данной формы отношений, способствовавших экономии временных и физических затрат землепашцев.

Полиэтничность рассматриваемых уездов, как фактор, носила дуалистичный характер. С одной стороны, наблюдалась определённая экономическая конфронтация, обусловленная проблемой пришлого и коренного населения. Удмурты, жившие на этих землях издревле, имели, как правило, более выгодные условия для ведения хозяйства, что наиболее ярко проявилось в средних размерах земельных наделов. Русские, переселявшиеся на обозначенную территорию в течение многих десятилетий, получали, чаще

всего, меньший земельный надел, что, однако, способствовало развитию адаптационных механизмов, выразившихся в более совершенных методах ведения хозяйства. Нужно отметить, что для крестьянства, вне зависимости от этнической принадлежности, всё же был характерен здоровый консерватизм, отсутствие тяги к слепому риску и потребность в проверке инноваций личным опытом. Приверженность к устоявшимся способам хозяйствования объяснялась зачастую удовлетворённостью крестьян результатами, получаемыми при уже имевшихся объёмах затрат сил. Другой причиной настороженного отношения к новшествам, пропагандируемым земством, являлось недоверие к власти имущим, глубоко засевшее в крестьянской психологии, вследствие случаев произвола вышестоящих имперских инстанций. С другой стороны, наблюдалась тенденция взаимодействия различных этнических групп в хозяйственной жизни, которое оказывало позитивное влияние на внедрение определённых инноваций (усовершенствование систем севооборота, изменение порядка удобрения полей), при сохранении своих традиций.

Земледелие являлось главной отраслью комплексного хозяйства. В волостях, где крестьянам не удавалось, в силу различных причин, выстраивать вокруг него всю хозяйственную жизнь, разрыв с земледельческой традицией был редкостью. Обращение к внеземледельческим занятиям носило преимущественно вспомогательный характер. Диспропорции в развитии промысловой и сельскохозяйственной деятельности, с относительным перевесом в сторону первой, объяснялись невозможностью крестьян удовлетворить свои нужды за счёт земледелия и животноводства. Домашний скот, помимо очевидных функций тягловой силы при земледельческих работах и источника продуктов для крестьянского стола, имел также функцию в промысловом секторе, где использовался в качестве гужевого транспорта. В целом, прослеживается зависимость между размером земельного надела крестьян и развитием каждой отрасли. Крестьяне, располагавшиеся крупными земельными наделами, зачастую

обращались лишь к сезонным промыслам, когда заканчивались земледельческие работы. Однако даже в тех волостях, где крестьяне могли прокормить себя сельским хозяйством, промыслы развивались, являясь неотъемлемой частью полунатурального комплексного крестьянского хозяйства, обслуживавшего его орудиями труда, предметами быта, обувью и одеждой.

Поляризация, разложение и социальная дифференциация на базе экономической дифференциации, отмечаемые рядом историков прошлых лет, фактически не прослеживаются так ярко внутри разрядов крестьян рассматриваемых волостей. В данном контексте, следует говорить о расслоении крестьянства, при этом учитывая его невысокую степень. Можно отметить преобладание средних (в большей степени) и зажиточных (в меньшей степени) крестьянских дворов. Малоземельные и богатые крестьяне составляли, как правило, относительно немногочисленные прослойки. Опять же, ситуация малоземелья компенсировалась внеземледельческими занятиями. Консерватизм, присущий крестьянскому населению, нивелировал социальную напряжённость. К тому же, земство предпринимало меры по улучшению положения нуждающихся хозяйств. Вместе с тем, между разрядами крестьян разница в социально-экономическом положении обозначилась гораздо острее. Преобладающие государственные крестьяне, наделенные в среднем достаточными земельными наделами, имели возможность развивать сбалансированное комплексное хозяйство. Положение крестьян других разрядов представлялось более неблагоприятным, что особенно ярко прослеживается на примере удельного крестьянства, изначально наделенного малым количеством земли, которое в условиях капитализации переживало тенденцию к обнищанию и теряло традиционный тип функционирования сбалансированного хозяйства в его классическом варианте.

Обращение к социально-экономическим проблемам, как отдельных селений, так и отдельных семей, способствует выявлению связей между

крестьянскими дворами, выстраивает картину хозяйственного быта многонациональной деревни. Вместе с тем, более полно прослеживается взаимодействие и взаимовлияние хозяйственной и культурной жизни представителей разных этносов, в частности, коренного удмуртского населения и русских переселенцев.

Особенно ярко выступают адаптационные механизмы, проявляющиеся в условиях модернизационных процессов. Обращение к междисциплинарному подходу, способствует пониманию психологии людей, лишившихся возможности заниматься привычными делами, и вынужденных идти на риск, руководствуясь мотивами экономической целесообразности. Вопрос выживания, остро встававший не только в неурожай, но и в благоприятные годы в малоземельных хозяйствах, разрешался радикальным образом, вплоть до разрыва с земледельческой традицией и переходом в другое сословие. В условиях активизации рыночных отношений подобный переход во многом зависел от способности человека адаптироваться к изменяющимся условиям. Рост социальной подвижности и психологической адаптивности в среде русского крестьянства в пореформенный период нашёл более яркое воплощение в сфере социальных отношений. Рассмотрев различные стороны жизни русских крестьян, мы пришли к выводу о постепенной трансформации традиционных, патриархально-консервативных взаимоотношений в пореформенной деревне.

Распределение ролей внутри крестьянской семьи происходило согласно сложившимся за несколько веков устоям. Подчиняясь соображениям экономической целесообразности, мужчине в семейной жизни отводилась главенствующая роль, определявшая его в качестве хозяина семьи, дома всего хозяйства. Женщина имела подчинённое по отношению к мужчине положение. Вместе с тем, вырисовывающаяся картина жизни русской крестьянской семьи не представляется нам излишне мрачной и беспросветной для женщин. Чёткое разделение обязанностей между членами семьи позволяло поддерживать стабильность, в том числе и экономическую,

что делало мужа и жену в большей степени компаньонами, заинтересованными в общем благе, нежели антагонистами.

В пользу тезиса о силе традиции внутри русской крестьянской семьи говорит тот факт, что распределение ролей начиналось фактически с детства, они закреплялись поколениями, по принципу преемственности. Отход от традиции, в том случае, если он всё же происходил, был частичным и обуславливался влиянием неблагоприятных экономических факторов.

В межличностных отношениях, где определяющую роль носил правовой фактор, трансформация патриархального уклада проявлялась заметнее. Женщины, подвергавшиеся насильственным действиям со стороны мужчин, не были бесправны и прекрасно это осознавали. Обращения в местные суды для достижения справедливости стали обычной практикой, что указывало на рост правового сознания русской деревни. В свою очередь, органы власти старались тщательно разбираться в спорных делах крестьян и выносить взвешенные решения. Наличие обратной связи между властью на местах и крестьянским населением являлось важным условием психологической эмансипации сельских жителей. В то же время, мужское население продолжало выражать своё право сильного через физическое насилие, что говорило об элементах инерционности крестьянского сознания.

Патриархальный уклад проявлялся также в сфере народного образования. Определённая дискриминация в отношении девочек прослеживалась как со стороны родителей-крестьян, так и со стороны организаторов школьного образования в деревне. Набор детей в смешанные школы осуществлялся с оглядкой на будущее учеников, и считалось, что мальчикам образование в дальнейшем будет более нужным, нежели девочкам. Однако в тех школах, где условия позволяли принимать большое количество детей, набор осуществлялся беспристрастно. Параллельно с развитием смешанных школ происходила специализация – открывались учебные заведения отдельно для мальчиков и отдельно для девочек. Подъём

женского образования свидетельствовал о постепенном изменении отношения к женщине в модернизирующемся обществе.

Образовательная сфера в деревне находилась в непосредственной зависимости от хозяйственной жизни крестьян, что нашло отражение в установлении сроков учебного процесса, которые подчинялись природному календарю. Сельскохозяйственные работы ставилось крестьянами во главу угла, поэтому крестьяне охотнее обеспечивали явку детей в школу по окончании полевых работ.

Таким образом, исследуя определённые аспекты социально-экономической жизни русского крестьянства Камско-Вятского региона в пореформенный период, мы приходим к выводу о том, что сельская жизнь оставалась в целом в рамках традиции. Консерватизм и патриархальность жизненного уклада крестьянства выступали в качестве фактора стабильности, который, при этом, не вёл к стагнации. Активизация модернизационных процессов дала начало процессам трансформации крестьянской среды, однако в рассматриваемый период инновации ещё не проявили себя в полной мере. Пореформенный период – время переходного этапа, движение страны от аграрного общества к аграрно-индустриальному, с преобладанием патриархальных устоев деревни, особенно в провинциальных регионах.

Для создания многоаспектной, более полной картины истории русского крестьянства региона необходимо через призму методических подходов нового научного направления – «жизненной истории» исследовать вопросы экономического состояния крестьянского хозяйства, межэтнические отношения в их взаимодействии и взаимовлиянии, изменения крестьянской психологии в условиях модернизирующегося общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1.1. Неопубликованные (архивные) источники

Кировское областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Кировской области» (КОГБУ «ГАКО»):

1. Ф. 574. Вятский губернский статистический комитет.
Оп. 1. Д. 383, 957, 974, 1146, 1193.
Оп. 2. Д. 144.
2. Ф. 575. Вятское управление земледелия и государственных имуществ.
Оп. 9. Д. 108, 187.
Оп. 11. Д. 637.
3. Ф. 616. Вятская губернская земская управа.
Оп. 1. Д. 306.
Оп. 7. Д. 1.
4. Ф. 1082. Инспектор народных училищ Малмыжского уезда.
Оп. 1. Д. 7, 9, 10.

Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (ГУ «ЦГА УР»):

1. Ф. 5. Глазовская уездная земская управа.
Оп. 1. Д. 1, 221.
2. Ф. 93. Земский начальник 1-го участка Глазовского уезда.
Оп. 1. Д. 20, 101, 250.
3. Ф. 108. Глазовское уездное по крестьянским делам присутствие.
Оп. 1. Д. 30, 42, 67, 73.
Оп. 2. Д. 8, 13, 25, 27, 54, 61, 64, 109, 126, 140, 154, 159.

4. Ф. 116. Инспектор народных училищ Сарапульского уезда.
Оп. 1. Д. 3.
5. Ф. 118. Податные инспектора Вятской губернской казенной палаты.
Оп. 1. Д. 44.
6. Ф. 242. Сарапульский уездный съезд земских начальников.
Оп. 1. Д. 1, 209, 210.

1.2. Опубликованные источники

1) Законодательные акты и нормативно-правовые документы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. Отделение 1. СПб, 1863. 1059 с.
2. Свод законов Российской империи 1899 г. Т. IX. Ч. 2. Положения о сельском состоянии. СПб: Тип. Второго Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1902. 412 с.

2) Статистические и справочные издания

1. Краткий отчет десятилетней деятельности Сарапульского общества трезвости (1893-1903 гг.). Сарапул, Типография М. Е. Постниковой, 1904. 90 с.
2. Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1893. 196 с.
3. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. I. Малмыжский уезд: с приложением почвенной карты и карты урожайности. Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий. Часть 2. Подворная опись: (произведена в 1884 году). М., 1886. 135 с., 115 с.
4. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1890. 104 с.

5. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VI. Елабужский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1889. 213 с.
6. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности. Вятка, 1892. 241 с.
7. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VII. Сарапульский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. 657 с.
8. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Вятка, 1893. 165 с.
9. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. VIII. Глазовский уезд: Часть 2. Подворная опись. Вятка, 1892. 895 с.
10. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. XII: Общая сводка по губернии. Часть 1. Подворная опись. Вятка, 1898. 313 с.
11. Материалы по статистике Вятской губернии: Т. XII: Общая сводка по губернии. Часть 2. Вятка, 1900. 529 с.

3) Материалы периодической печати

1. Вятские губернские ведомости, № 42, 92, 152 (с Приложениями).
2. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1894 г. Вятка, 1893. 613 с.
3. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 г. Вятка, 1902. 463 с.

II. Литература

2.1. Монографии

1. Анфимов, А. М. Земельная аренда в России в начале XX века / А. М. Анфимов. – М.: Издательство АН СССР, 1961. – 208 с.

2. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
3. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В. Б. Безгин. – М. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. – 187 с.
4. Берсенев, Ф. И. Очерки крестьянского хозяйства Вятской губернии / Ф. И. Берсенев. – Вятка, 1901. – 529 с.
5. Боханов, А. Н. Император Александр III / А. Н. Боханов. – М.: Русское слово, 1998. – 512 с.
6. Буганов, А. В. О воззрениях русского народа / А. В. Буганов, М. М. Громыко. – М.: Паломник, 2000. – 541 с.
7. Васильчиков, А. И. Сельский быт и сельское хозяйство в России / А. И. Васильчиков. – СПб, 1881. – 161 с.
8. Вениаминов, П. П. Крестьянская община / П. П. Вениаминов. – СПб, 1908. – 278 с.
9. Вербицкая, О. М. Российская сельская семья в 1897—1959 гг. / О. М. Вербицкая. – М. – Тула: Гриф и К, 2009. – 295 с.
10. Верещагин, Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3, кн. 1 / Г. Е. Верещагин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 219 с.
11. Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки / Г. Е. Верещагин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – 438 с.
12. Волкова, Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Л. А. Волкова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – 388 с.
13. Воронцов, В. П. Очерки экономического строя России / В. П. Воронцов. – СПб, 1906. – 116 с.

14. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С. Н. Гавров. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 352 с.
15. Гавров, С. Н. Модернизация России: постимперский транзит / С. Н. Гавров. – М.: МГУДТ, 2010. – 269 с.
16. Гершенкрон, А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 535 с.
17. Головин, К. Ф. Община в литературе и действительности / К. Ф. Головин. – СПб, 1887. – 259 с.
18. Голубев, П. А. Вятское земство среди других земств России / П. А. Голубев. – Вятка, 1901. – 163 с.
19. Гришкина, М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. / М. В. Гришкина. – Ижевск: Книжное издательство «Удмуртия», 1977. – 187 с.
20. Гришкина, М. В. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века / М. В. Гришкина, Е. М. Берестова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 82 с.
21. Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 448 с.
22. Громыко, М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М. М. Громыко. – М.: Наука, 1986. – 280 с.
23. Даниэльсон, Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства / Н. Ф. Даниэльсон. – СПб, 1893. – 418 с.
24. Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. / Н. М. Дружинин. – М.: Наука, 1975. – 287 с.
25. Ермолов, А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос / А. С. Ермолов. – СПб, 1909. – 599 с.
26. Жаков, К. Ф. Некоторые черты из истории и психологической жизни вотяков. / К. Ф. Жаков // Живая старина. – 1903. № 1–2. – С. 172–178.

27. Жирнов, И. М. Очерк экономического положения татар Кошкинской волости Малмыжского уезда / И. М. Жирнов. – Вятка, 1896. – 57 с.
28. Заволжский, В. Я. Исследование экономического быта крестьянского населения северной части Вятской губернии / В. Я. Заволжский. – Вятка, 1871. – 133 с.
29. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 / Д. К. Зеленин. – М.: Издательство «Индрик», 1994. – 397 с.
30. Зеленин, Д. К. Русская соха, ее история и виды / Д. К. Зеленин. – Вятка, 1907. – 196 с.
31. Зотова, О. И. Особенности психологии крестьянства: (прошлое и настоящее) / О. И. Зотова, В. В. Новиков, Е. В. Шорохова. – М.: Наука, 1983. – 168 с.
32. История Удмуртии: XV – начало XX в. / Под ред. К. И. Куликова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. – 549 с.
33. Йокояма, О. Б. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. Т. 1, 2 / О. Б. Йокояма. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 446 с; 505 с.
34. Кабытов, П. С. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. – М.: Мысль, 1988. – 240 с.
35. Кавелин, К. Д. О русском крестьянстве / К. Д. Кавелин. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 315 с.
36. Кащенко, С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. / С. Г. Кащенко. – М.–СПб: Альянс-Архео, 2009. – 552 с.
37. Кильдибеков, П. В. История классовой борьбы в Удмуртии. Для средней школы / П. В. Кильдибеков, Ф. П. Макаров. – Ижевск: Удпартиздат, 1933. – 142 с.
38. Китанина, Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики) / Т. М. Китанина. – Л.: Наука, 1978. – 286 с.
39. Ковальченко, И. Д. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. – М.: Наука, 1974. – 412 с.

40. Ковальченко, И. Д. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма: (источники и методы исследования) / И. Д. Ковальченко, Т. Л. Моисеенко, Н. Б. Селунская. – М.: Наука, 1988. – 224 с..
41. Ковриго, В. П. Почвоведение с основами геологии / В. П. Ковриго, И. С. Кауричев, Л. М. Бурлакова. – М.: Колос, 2000. – 416 с.
42. Корелин, А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX - начале XX в. / А. П. Корелин. – М.: Наука, 1988. – 262 с.
43. Котовская, М. Г. Гендерные очерки: история, современность, факты / М. Г. Котовская. – М.: Российская Академия Наук, 2004. – 358 с.
44. Кошурников, В. Быт вотяков Сарапульского уезда / В. Кошурников. – Казань, 1880. – 44 с.
45. Лаврентьев, К. В. География Вятской губернии: курс родиноведения для городских училищ / К. В. Лаврентьев. – Вятка, 1890. – 216 с.
46. Латышев, Н. Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. / Н. Н. Латышев. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. – 181 с.
47. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-х – 1930-х годов / Н. Б. Лебина. – СПб: Нева, 1999. – 320 с.
48. Ленин, В. И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений Т. 3 / В. И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1971. – 792 с.
49. Лигенко, Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60 – 90-е гг. XIX в.) / Н. П. Лигенко. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. – 176 с.
50. Лигенко, Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века / Н. П. Лигенко. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 406 с.
51. Максимов, В. А. Вотяки. Краткий историко-этнографический очерк / В. А. Максимов. – Ижевск: Удкнига, 1924. – 126 с.
52. Маркс, К. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857–1858 годов) / Маркс К., Энгельс Ф. – М.: ГИПЛ, 1955. – 805 с.

53. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса / Л. В. Милов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 568 с.
54. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т.1 / Б. Н. Миронов. – СПб: Дмитрий Буланин, 2000. – 547 с.
55. Никитина, Г. А. Сельская община бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.) / Г. А. Никитина. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. – 160 с.
56. Нифонтов, А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. / А. С. Нифонтов. – М.: Наука, 1974. – 234 с.
57. Новиков, А. Н. Экономические нужды Вятского края по данным земской статистики / А. Н. Новиков. – Вятка, 1886. – 253 с.
58. Островский, Д. Вотяки Казанской губернии / Д. Островский. – Казань, 1873. – 48 с.
59. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 411 с.
60. Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия / Л. П. Репина. – М.: РОССПЭН, 2002. – 352 с.
61. Риттих, А. А. Зависимость крестьян от общины и мира / А. А. Риттих. – СПб, 1903. – 235 с.
62. Романов, Н. Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии / Н. Н. Романов. – Вятка, 1875. – 225 с.
63. Романов, Н. Н. Переселения крестьян Вятской губернии/Исследование Вятского губернского статистика / Н. Н. Романов. – Вятка, 1880. – 336 с.
64. Рындзюнский, П. Г. Утверждение капитализма в России в 1850–1880 гг. / П. Г. Рындзюнский. – М.: Наука, 1978. – 295 с.
65. Семенова, Л. И. Культура и быт современной удмуртской семьи / Л. И. Семенова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 123 с.

66. Спенсер, Г. Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества / Г, Спенсер. – СПб: Издание Н. П. Полякова, 1872. – 470 с.
67. Субботина, А. М. Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры / А. М. Субботина. – Ижевск: УУИЯЛ УрО РАН, 2010. – 188 с.
68. Сухова, О. А. Десять мифов крестьянского сознания / О. А. Сухова. – М.: РОССПЭН, 2008. – 678 с.
69. Тарновский, К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX - начале XX в. / К. Н. Тарновский. – М.: Наука, 1995. – 269 с.
70. Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2000. – 799 с.
71. Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: Опыт юридической антропометрии / Т. В. Шатковская. – Ростов-на-Дону: РГЭУ, 2000. – 224 с.
72. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
73. Энгельгардт, А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887 / А. Н. Энгельгардт. – СПб: Наука, 1999. – 714 с.
74. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 480 с.
75. Allen, R. C. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003. – 312 p.

2.2. Статьи, сборники статей

76. Авдеева, В. Г. Крестьянское движение в Вятской губернии в пореформенный период (60—70-е годы XIX в.) / В. Г. Авдеева // Ученые записки Кировского пединститута. Вып. 19. – Киров, 1965. – С. 24–114.

77. Алексеев, В. В. Государство как актор модернизации России на рубеже XIX и XX вв. / В. В. Алексеев // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4. – С. 6–15.
78. Безгин, В. Б. Насилие в крестьянской семье конца XIX века: гендерный аспект проблемы / В. Б. Безгин // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвёртой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года, Ярославль. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 132-137.
79. Бехтерев, В. М. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки / В. М. Бехтерев // Вестник Европы. – 1880. – №8. – С. 621–655.
80. Блинов, Н. Н. Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсвайского прихода (Глазовского уезда) / Н. Н. Блинов // Вятские губернские ведомости. – 1865. – № 31. – С. 54–56. – № 33. – С. 66–68.
81. Богаевский, П.М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии / П. М. Богаевский // Сборник сведений для изучения быта населения России. – М., 1889. – С. 33–59.
82. Вахрушев, А. Н. Развитие начального образования в пореформенной Удмуртии / А. Н. Вахрушев // Вопросы истории культуры Удмуртии. – Ижевск, 1984. – С. 56–74.
83. Вахрушев, А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России (1861–1895 гг) / А. Н. Вахрушев // «Записки» УдНИИ, вып. 17. – Ижевск, 1955. – 212 с.
84. Жукоцкий, В. Д. Социально-гуманистическая парадигма русского народничества / В. Д. Жукоцкий, З. Р. Жукоцкая // Русская реформация XX века: статьи по культурософии советизма. – М., 2008. – 262 с.
85. Копинова, Н. С. Общество трезвости в г. Сарапуле (общественные организации в Вятско-Камском регионе конца XIX – начала XX в.) / Н. С. Копинова // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. – №3. – 2011. – С. 50.

86. Куренкова, Ю. О. Повседневная жизнь крестьянки второй половины XIX века как научная (историографическая) проблема / Ю. О. Куренкова // Вестник ОГПУ. – 2017. – № 3. – С. 144–155.
87. Кутявин, А. Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX веков / А. Н. Кутявин // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX – XX веках. – Ижевск, 1990. – С. 139–165.
88. Кутявин, А. Н. Сельскохозяйственное образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX веков / А. Н. Кутявин // Проблемы аграрной истории Удмуртии. – Ижевск, 1988. – С. 72–97.
89. Мартынова, М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века / М. М. Мартынова // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. – Ижевск, 1981. – С. 3-44.
90. Милогорова, И. Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне / И. Н. Милогорова // Вестник МГУ. – 1998. – № 2. – С. 18–30.
91. Милогорова, И. Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье / И. Н. Милогорова // Вестник МГУ. – 1995. – № 1. – С. 22–31.
92. Неклюдов, Е. Г. Уральские заводчики в контексте российской имперской модернизации / Е. Г. Неклюдов // Уральский исторический вестник. – 2015. – №4. – С. 45–51.
93. Побережников, И. В. Актеры российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования / И. В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4. – С. 16–25.
94. Побережников, И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции / Побережников И. В. // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2001. – С. 217–246.
95. Пушкарёва, Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России / Н. Л. Пушкарёва // Историческая психология и социология истории. – 2010. – №2. – С. 51–64.

96. Пушкарёва, Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» / Н. Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. – 2004. – №5. – С. 3–19.
97. Садаков, М. А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.) / М. А. Садаков // Вопросы истории Удмуртии. – Ижевск, 1974. – С. 91–196.
98. Смеюха, В. В. Популяризация женского образования в отечественной прессе второй половины XIX в. (на примере издания «Женское образование») / В. В. Смеюха // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвёртой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года, Ярославль. – М., 2011. – С. 332–335.
99. Спасский, Н. А. Поземельная собственность в Вятской губернии / Н. А. Спасский // Памятная книжка Вятской губернии на 1888 г. – Вятка, 1887. – С. 59–83.
100. Стучка, П. И. Мобилизация земельной собственности Вятской губернии в 1874–1899 гг. / П. И. Стучка // Статистический ежегодник Вятской губернии за 1900 г. – Вятка, 1903. – С. 67–109.
101. Фурсов, В. Н. Социальная психология и пореформенная крестьянская повседневность / В. Н. Фурсов, А. В. Перепелицын, Л. И. Плотникова // Научные ведомости. – 2012. – №1. – С. 139–144.
102. Циткилов, П. Я. Историко-социологический облик российской патриархальной семьи / П. Я. Циткилов // Вопросы истории. – 2017. – №2. – С. 3–12.
103. Эммаусский, А. В. Разложение крепостничества и отмена крепостного права в Вятской губернии / А. В. Эммаусский // К вопросу о формировании капитализма в России. – Киров, 1974. – С. 3–116.
104. Nafziger, S. Russian Peasants and Politicians: The Political Economy of Local Agricultural Support in Nizhnii Novgorod Province, 1864–1914.,

Agricultural Transformation in a Global History Perspective. – London, Routleg, 2003. – P. 108–13

2.3. Диссертации

105. Копинова, Н. С. Общественные организации Удмуртии во второй половине XIX–начале XX вв.: формирование и деятельность.: дис. ... канд. ист. наук / Н. С. Копинова. – Ижевск, 2013. – 233 с.

III. Электронные ресурсы:

1. Амбарцумян К. Р. Детство в контексте семейной повседневности сельских жителей во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Ставрополья и Терека) [Электронный ресурс] – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/424> (дата обращения: 1.04.2017)
2. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования [Электронный ресурс] – URL: <http://old.eu.spb.ru/reset/files/krom.pdf> (дата обращения: 30.11.2015)
3. Пислегин Н. В. Русские Удмуртского Прикамья: к истории колонизации в дореформенный период [Электронный ресурс] – URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=104> (дата обращения: 29.11.2015).
4. Семенова Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана» [Электронный ресурс] – URL: http://az.lib.ru /s/s_emenowatjanshanskaja_o_p /text_ 1914_zhizn_ ivana.shtml (дата обращения: 03.03.2017)
5. Чикалова И. Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm> (дата обращения: 12.07.2017).
6. Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru /article/n/modernizatsiya-kak-sotsialnoe- stanovlenie-10-tezisev-po-modernizatsii> (дата обращения: 3. 08. 2017).

7. Шульц Э. Э. Революция и теория модернизации [Электронный ресурс] – URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/06/2/> (дата обращения: 4.08.2017).
8. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации [Электронный ресурс] – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html> (дата обращения: 1.08.2017).